

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕРМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ОТДЕЛ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

М. С. Каменских

НАЦИОНАЛЬНАЯ
политика в Прикамье
в 1918–1939 годах:
региональный аспект



издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2019

УДК 94(470.53)
ББК 63.3(2)61-38
К18

Научный редактор – *А. В. Черных*, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

Рецензенты:

В. Ю. Зорин, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва);
А. А. Авдашкин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории миграционных исследований Южно-Уральского национально-исследовательского университета (г. Челябинск)

Автор –

М. С. Каменских, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН;
доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета;
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

К18 **Каменских М. С.**

Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект / М. С. Каменских. – СПб.: Маматов, 2019. – 224 с. : ил.

В книге впервые комплексно представлена реализация государственной национальной политики в Прикамье в первые два десятилетия советской власти. Рассмотрены деятельность секций при бюро национальных меньшинств Пермского губкома, учёт этнической составляющей при районировании Уральской области и создании Коми-Пермяцкого округа, политика коренизации, деятельность комитета нового алфавита, национальная политика в сфере образования, вовлечение этнических общественных объединений в кооперативное и колхозное строительство, учёт этнической составляющей при проведении переписей населения 1926 и 1939 годов, этнически мотивированные репрессии в Прикамье во второй половине 1930-х годов.

Издание адресовано специалистам в области истории и этнографии, педагогам, представителям органов власти, широкому кругу читателей.

*Издание подготовлено в рамках реализации проекта № 18-6-6-4
«Межэтнические отношения в Прикамье: исторический опыт
и современные практики» комплексной программы
фундаментальных исследований УрО РАН.*

Регистрационный номер: АААА-А18-118021490123-8.

*Макет издания выполнен при поддержке РФФИ,
проект 17-11-59003 «Национальная политика РСФСР в 1923–1939 годах:
региональный аспект».*

*Рекомендовано к печати Объединённым учёным советом
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН*

ISBN 978-5-91076-209-5

© Каменских М. С., 2019

© Издательство «Маматов», оформление, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Реализация национальной политики в РСФСР в первые два десятилетия советской власти – важный период российской истории. Формирование национальной политики как самостоятельного феномена было неизбежно внутри полиэтнического государства, где к моменту прихода большевиков к власти уже существовали сотни общественных объединений, сформированных по национальному признаку. Советское государство в 1918 году одним из первых в мире приступило к регулированию сферы межнациональных отношений на государственном уровне. При этом национальная политика большевиков должна была вписываться в более крупный социальный эксперимент, который они пытались воплотить, – создание социалистического государства. И национальная политика воспринималась большевиками как необходимая мера по стимулированию развития естественных общественных процессов. По их замыслу, поддержка языков и культур должна была помочь «трудовым массам отсталых наций и народностей облегчить хозяйственное, политическое и культурное преуспевание, дать им возможность догнать ушедшую вперед центральную – пролетарскую – Россию»¹. Именно в период 1920–1930-х годов Россия сформировалась как многонациональное государство в современном понимании этого слова, были заложены основы современной государственной национальной политики (административно-территориальное устройство, работа с общественными организациями, строительство системы национального образования и т. д.). За 20 лет реализации национальной политика СССР прошла серьёзный эволюционный путь от принципов интернационализма, ориентации на международное сотрудничество и непримиримой борьбы с «великорусским шовинизмом» – к закрытому от внешнего мира обществу с авторитарными признаками, в котором русский народ был официально объявлен «первым среди равных»², а национальность сама по себе могла стать поводом

¹ *Сталин И. В.* Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе на X Съезде РКП(б) 10 марта 1921 года // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 44.

² РСФСР // Правда. 1936. 1 фев.

для репрессий³. Эта эволюция, её движущие силы всегда вызывали большой интерес исследователей при объяснении феномена национальной политики СССР.

Главная сложность при анализе границ применения национальной политики заключается в том, что, несмотря на активную информационную работу, большое количество издаваемой литературы, в СССР не был принят специальный документ или план по реализации национальной политики, как не было и органов власти в этой сфере с закреплёнными полномочиями⁴. Недолго просуществовавший Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), по сути, только присоединялся к деятельности различных ведомств, когда те в своей работе сталкивались с национальным вопросом. Документы, касающиеся национальной политики, – Декларация прав народов России, резолюции по национальному вопросу по итогам X и XII съездов РКП(б), – носят по большей части декларативный характер. Всё это создаёт почву для дискуссии по определению границ национальной политики.

Представляется корректным утверждение, что национальная политика всегда являлась частью более масштабного комплекса мер, который было необходимо реализовать в территориях со сложным этническим составом: учёт национальных интересов населения в рамках административно-территориальных преобразований, учёт этнического состава при проведении переписей населения, создание национальных кооперативов и колхозов, национальных школ в рамках политики по ликвидации безграмотности и т. д. Можно сказать, что необходимость национальной политики как некоего управленческого феномена возникла в тех случаях, когда при принятии решений нужно было иметь в виду этнический фактор, т. е. считаться с этническими особенностями населения. Именно учёт этого фактора является, по мнению автора, маркером в определении границ национальной политики. В данной работе национальная политика будет рассматриваться как учёт этнической составляющей населения (этнического фактора) при реализации государственной политики в различных сферах. Такой подход не озна-

³ На эти изменения обратил внимание в своей статье Ю. Слезкин. Ранее советскую национальную политику было принято рассматривать до конца 1920-х годов. Сегодня большинство исследователей рассматривают феномен национальной политики в период до конца 1930-х годов. См.: *Slezkine Yuri. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 2. P. 415; Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54.*

⁴ На этот факт, в частности, обращает внимание автор одной из последних и наиболее объёмных работ по национальной политике в РСФСР В. Г. Чеботарёва. См.: *Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 812.*

чает отказа от термина «национальная политика», он необходим при объяснении её феномена и границ.

Таким образом, можно выделить несколько аспектов национальной политики, которые нашли выражение в первые два десятилетия советской власти:

- политика большевиков по вовлечению национальных меньшинств («нацмен»)⁵ в общественную жизнь и деятельность бюро национальных меньшинств при губкомах;
- административные реформы и создание «национальных» административно-территориальных образований;
- организация и проведение переписей населения и учёт этнического состава населения;
- развитие системы национального образования и культуры для отдельных народов;
- языковая политика и реформы языка;
- вовлечение национальных меньшинств в общесоюзные процессы коллективизации, индустриализации и переселенческих кампаний;
- этнически мотивированные репрессии.

Каждый из выделенных аспектов, безусловно, нуждается в некоторых пояснениях. Все они являются выражением общегосударственных процессов, кампаний и экспериментов. Так, создание бюро национальных меньшинств для взаимодействия со сформированными по национальному признаку общественными объединениями шло в русле политики по вовлечению разных категорий населения в деятельность органов советской власти. Как правило, помимо бюро национальных меньшинств при местных советских органах власти создавались «мол-отделы», «женотделы» и др. Создание этнотерриториальных административных образований в 1920-е годы также не является чем-то уникальным, существующим специально для этнических сообществ. Как известно, в этот период в стране не только создавались национальные республики, но шла масштабная административная реформа (т. н. «районирование»), предусматривавшая создание областей, округов и районов вместо губерний, уездов и волостей. Национальные колхозы, трудовые артели и прочие формы организации труда были лишь выражением общих процессов коллективизации и индустриализации. Это можно сказать и об учёте этнического состава населения, который проводился в рамках переписей, касавшихся всех граждан, независимо

⁵ Здесь и далее использование в работе термина «нацмен» продиктовано необходимостью следования источнику. Его использование допущено при цитировании, а также в случае применения данного термина в делопроизводстве, названиях нормативных документов и должностей.

от национальности. Развитие национальных языков и «опора на местные кадры», известные как коренизация, лишь отчасти были самостоятельной политикой для национальностей. Опора на местные кадры была характерна не только для национальных районов и республик, она проводилась по всей стране, а поддержка и развитие национальных культур и языков вполне вписывается в общую кампанию по ликвидации безграмотности. Таким образом, можно утверждать, что мероприятия органов советской власти, которые принято ассоциировать с национальной политикой, по сути являлись частью общегосударственных кампаний, но с учётом этнического состава. Такой подход позволяет интерпретировать и этнически мотивированные репрессии, которые также были частью более крупных кампаний, касающихся различных групп населения.

При характеристике различных аспектов национальной политики важную роль играет и её территориальная составляющая. Дело в том, что для исследователей этого вопроса наибольший интерес, как правило, представляют межреспубликанские отношения внутри СССР и реализация национальной политики в т. н. «национальных республиках» РСФСР, где поддержка и развитие культуры титульной национальности являлись и важным фактором, определяющим внутриполитическое развитие, и стратегическим административным и экономическим ресурсом в общении с центральными правительственными органами. Можно ли то же сказать о регионах с преимущественно русским населением? Насколько важной и значимой национальная политика была в территориях, где большинство населения относилось к русским, и как воспринимало себя русское большинство? Но именно в таких регионах проживала большая часть населения страны и происходили важные политические процессы. Можно смело предположить, что на этих территориях национальная политика не была приоритетной для элит, поскольку не смешивалась с материальными интересами и реализовывалась, так сказать, в «чистом виде». Именно в таких регионах⁶ (т. е. в большинстве регионов РСФСР) национальная политика проводилась только в виде учёта этнического фактора при реализации советской политики в целом, что и обуславливало её статус в межведомственном взаимодействии органов власти. Однако, по мнению автора, многие сущностные стороны советской национальной политики становятся очевидны именно при рассмотрении ситуации в тех регионах, где русских было большинство, но при этом имелись места компактного проживания отдельных народов. Изучение этого

⁶ Далее в работе используется термин «регионы с преимущественно русским населением».

аспекта советской национальной политики поможет глубже осмыслить её как феномен.

Историография советской национальной политики богата большим количеством исследований по самым разным аспектам. Огромное количество издаваемой на эту тему литературы позволяло позднесоветским исследователям даже издавать отдельные монографии по историографии национальной политики, формировать подходы к её периодизации⁷.

Первые работы по национальной политике в СССР стали издавать практически сразу после установления советской власти. Они, как правило, характеризовались обращением к марксистскому пониманию истории, описывали национальную политику Советской России как прогрессивную и являющуюся достижением нового строя. Учитывая, что многие авторы того периода, такие как Я. М. Лазерсон, И. П. Трайнин, сами непосредственно участвовали в реализации национальной политики, сегодня их труды представляют ценность и как источники⁸.

С середины 1930-х годов вплоть до начала 1950-х историческая наука находилась под сильным идеологическим давлением, предписывавшим догматизм в суждениях, возвеличивание И. Сталина как главного теоретика национального вопроса. Но, тем не менее, именно в тот период начинали карьеру многие советские историки национальной политики. В трудах Э. Б. Генкиной, Е. И. Песикиной, С. И. Якубовской и других учёных проделана большая работа по кодификации источников, подняты первые научные проблемы в трактовке национальной политики. Так, Е. И. Песикиной обобщён большой источниковый материал по деятельности Наркомнаца, дана оценка его роли в реализации национальной политики⁹, Э. Б. Генкиной рассмотрены функции Наркомнаца согласно положению ВЦИК от 27 июля 1922 года, функции Федземкома Наркомнаца¹⁰, а С. И. Якубовской впервые был выдвинут тезис о тяготении народов России к объединительным процессам в рамках одного государства¹¹. Последняя книга, по мнению исследователя

⁷ См., напр.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979; Национальная политика КПСС: очерк историографии. М., 1981.

⁸ Народный комиссариат по делам национальностей: Отчёт о деятельности, 1 ноября 1917 – 20 июня 1918. М., 1918; Национальный вопрос и советская Россия. М., 1919; Политика Советского государства по национальным делам за три года (1917–1920). М., 1920; Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац: (Вместо отчёта). М., 1924; Лазерсон Я. М. Национальность и государственный строй. Петроград, 1918; Трайнин И. П. Союз Советских Социалистических республик. М., 1923.

⁹ Песикина Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950.

¹⁰ Генкина Э. Б. Образование СССР. М., 1948.

¹¹ Якубовская С. И. Объединительное движение за образование СССР (1917–1922). М., 1947.

А. П. Ненарокова, являлась «прекрасной иллюстрацией того, «как даже в таких однозначных и заранее заданных решениях возможно было творческое начало, если исследователь с порога сам не отрицал своего права на размышления»¹². Между тем именно в сталинский период, по словам Р. В. Филиппова, «коллективными усилиями создана сугубо умозрительная, схоластическая «теория этноса», ставшая на полвека фактически обязательной для всех подвизавшихся на ниве советской этнографии»¹³.

В первой половине 1950-х годов, ещё до официального развенчания культа личности И. Сталина, в историографии советской национальной политики начались изменения¹⁴. В этот период наибольший вклад в развитие темы внесли исследователи В. В. Пентковская¹⁵, П. И. Кушнер¹⁶, продолжала работать С. И. Якубовская¹⁷. Учёными впервые разработаны подходы к периодизации национальной политики с 1917 до 1924 года, многие документы, недоступные для работы в 1920–1930-е годы (например, внутривластные дискуссии по национальному вопросу в середине 1920-х годов), были рассекречены и введены в научный оборот. Уже с научной точки зрения прорабатываются проблемы внутривластных дискуссий при решении вопроса об автономиях народов РСФСР, отношений центра с национальными республиками и т. п. Однако, как справедливо отметила исследователь В. Г. Чеботарёва, несмотря на относительную свободу и доступ к большому количеству документов, принятая в тот период на официальном уровне концепция «торжества ленинской национальной политики» ограничивала рамки исследования и творческие поиски многих учёных¹⁸. Работы этого периода в основном посвящены деятельности Наркомнац в первые годы существования¹⁹, участию интернациональных воинских подразделений в Гражданской

¹² Ненароков А. П. К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. М., 1991. С. 73.

¹³ Филиппов Р. В. «Советская теория этноса». Историографический очерк. М., 2010. С. 7.

¹⁴ В работе Д. Л. Златопольского «Образование и развитие СССР как союзного государства», например, менялись формулировки в уже подготовленной к печати рукописи. Ненароков А. П. Указ. соч. С. 28–29.

¹⁵ Пентковская В. В. Роль В. И. Ленина в образовании СССР // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 13–24.

¹⁶ Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

¹⁷ Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936 гг. М., 1972.

¹⁸ Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 16.

¹⁹ См., напр.: Калтахчан С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972; Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977; Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС. М., 1975. Федосеев П. Н., Жуков Е. М., Куличенко М. И., Семёнов В. С. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972 и др.

войне (особенно в 50-летнюю годовщину Революции и создания СССР). Историографию национальной политики СССР этого периода характеризует и отсутствие публикаций, касающихся депортаций народов накануне и в период Великой Отечественной войны²⁰.

С конца 1960-х годов исследования советских историков выходят на новый теоретический уровень. В журналах «Советская этнография», «Вопросы философии», «Новая и новейшая история», «Народы Азии и Африки» появляются публикации по проблемам этноса, нации, этнопсихологии. Эти вопросы освещаются в трудах Ю. В. Бромлея, А. Г. Агаева, Д. А. Чугаева, М. И. Куличенко, В. П. Шерстобитова и др.²¹ Данные работы позволили научному сообществу сформировать новые теоретические основы изучения национальных отношений и, как следствие, национальной политики СССР. В 1980-е годы появляются труды теоретического плана, формируются представления о народах СССР как некой сформировавшейся «советской» общности²². Доскональный анализ деятельности Наркомнаца, его роли в реализации национально-государственного строительства представила советский историк Г. П. Макарова в своей работе «Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: исторический очерк»²³. Книга красноречиво характеризует основные черты советской историографии национальной политики. Глубокий исторический анализ документов, богатый фактологический материал сопровождают тезисы о руководящей роли в реализации национальной политики Коммунистической партии и лично В. И. Ленина.

В целом необходимо признать, что в советский период в исторических исследованиях по данной теме большую роль играла политическая составляющая, происходило искусственное «зауживание» исследовательской проблематики, а многие явления и процессы в сфере

²⁰ Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 16.

²¹ Бромлей Ю. В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская этнография. 1989. № 6. С. 105–129; Агаев А. Г. К вопросу о теории народности: закономерности развития народностей СССР. Махачкала, 1965; Чугаев Д. А. Образование Союза ССР (Историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6. С. 173–182; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденция их развития. М., 1972; История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 / ред. В. П. Шерстобитов. М., 1979 и др.

²² Дробижска Л. М. Духовная общность народов СССР (ист.-социол. очерк межнац. отношений). М., 1983; Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М., 1984; Козлов В. И. Национальности в СССР: этнодемографическое обозрение. М., 1977; Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население, М., 1986; Шерстобитов В. П. Советский народ – монолитная общность строителей коммунизма. М., 1976.

²³ Макарова Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг.: исторический очерк. М., 1987.

межнациональных отношений не изучались и даже замалчивались. Однако, как отмечают современные историографы национальной политики, в рамках советской историографии происходило накопление фактов, вводились в оборот комплексы архивных документов, высказывались оригинальные идеи, обозначались новые методы исследования²⁴.

Принципиально новый этап историографии начался в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В этот период в России вышел ряд работ, посвящённых теме регулирования государством сферы межнациональных отношений. В частности, появляются исследования по историографии национальной политики в СССР, критически осмысливается опыт исторических исследований, сталинской «теории этноса», открыто говорится о недостатках национальной политики²⁵. В работах Т. Ю. Красовицкой, Т. П. Коржихиной, Т. Ю. Бурмистровой, К. В. Калининой, К. К. Хутыза 1990-х годов вводится в научный оборот большое количество источников, переосмысляются историографические концепции, формируются новые подходы в изучении советской национальной политики²⁶.

Важным событием начала постсоветского периода стал выход коллективной монографии «Национальная политика России: история и современность» под редакцией В. А. Михайлова. Авторами впервые представлен комплексный неидеологизированный взгляд на национальную политику, затронуты темы репрессий, положения и статуса русских в советской национальной политике²⁷. Идеи, заложенные в этой монографии, развивает в своих трудах В. Ю. Зорин, крупнейший российский специалист современности, непосредственно занимающийся вопросами реализации государственной национальной политики в России XX века²⁸. В одной из своих работ учёный, характеризуя советскую национальную политику, делает акцент на взаимоотношениях центра

²⁴ Матвеева Л. Д. Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье: 1917–1936 гг.: Автореф. дисс. ... д. и. н.: 07.00.09 / Матвеева Л. Д. М., 2007. С. 44.

²⁵ Подр. см.: Бромлей Ю. В. К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская этнография. 1989. № 6. С. 105–129.

²⁶ Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: начало 1917 – декабрь 1991. М., 1994; Бурмистрова Т. Ю. Зёрна и плевелы: национальная политика в СССР. 1917–1984. СПб., 1993; Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925 гг. М., 1995; Калинина К. В. Национальные отношения в СССР: история и современность. М., 1991; Хутыз К. К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (1917–1940 гг.): дисс. ... д. и. н.: 07.00.02. М., 1994.

²⁷ Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

²⁸ Зорин В. Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002; Он же. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2002. Он же. Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. М., 2018.

и федеративных единиц, обращая внимание на негативное влияние политики «искусственной перекачки средств и ресурсов из Центра в национальные окраины» на развитие федеративных отношений. Эта политика в итоге сформировала у республик иждивенческие позиции, а не их экономическую самостоятельность. В качестве позитивного фактора В. Ю. Зорин отмечает, что интернационализм стал «реальным и важным фактором повседневной жизни советского общества»²⁹. В. Ю. Зорину принадлежат и наиболее актуальные историографические очерки советской национальной политики в современной России. Кроме него большая работа по систематизации материала и историографии по национально-государственному строительству в СССР проведена Н. П. Копосовой³⁰.

Немалый вклад в осмысление феномена национальной политики СССР внёс академик В. А. Тишков. В статье «Национальности и национализм в постсоветском пространстве» он отметил двойственность и противоречивость советской национальной политики, разрыв между её идеями и реальным воплощением на местах. Он же одним из первых стал рассматривать национальную политику в контексте политических процессов, которые проходили в стране в тот период³¹.

Формируются разные подходы к осмыслению советской национальной политики как феномена. Исследователи Н. Ф. Бугай и Д. Х. Мекулов в работе «Народы и власть: «социалистический эксперимент», следуя модернизационному подходу, рассматривают советскую модель национальной политики как вариант исторически сложившейся федеративной формы славянских, тюркских, финно-угорских и кавказских народов³². Близкие к модернизационному подходу трактовки сути национальной политики представляет в одной из своих монографий и Т. Ю. Красовицкая³³. Она же, используя методы субъективной истории и изучив биографии отдельных активистов советского национально-культурного движения, даёт собственные интерпретации движущим силам национальной политики, факторам, влияющим на принятие различных решений³⁴.

²⁹ Зорин В. Ю. Национальная политика российского государства... С. 179.

³⁰ Копосова Н. П. Национально-государственное строительство в первые годы советской власти, 1917–1922 гг.: дисс. ... к. и. н.: 07.00.02. М., 2000.

³¹ Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 22.

³² Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994.

³³ Красовицкая Т. Ю. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х гг. М., 1998.

³⁴ Красовицкая Т. Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 г.). Документы и материалы. М., 2007.

Большая работа по осмыслению национальной политики советского периода в русле национальной политики России в целом также проделана в коллективной монографии Т. М. Мاستюгиной, Л. С. Перепёлкина и В. Г. Стельмах «Национальная политика в России: XVI – начало XXI века». Авторы структурировали историю отечественной национальной политики, дали общетеоретическое обоснование тем изменениям, которые произошли в ней в советский период³⁵.

Анализ эволюционных процессов в национальной политике СССР осуществляет в своих трудах А. И. Вдовин, один из крупнейших отечественных специалистов по истории национальной политики в СССР³⁶. Он также является одним из немногих учёных, разрабатывающих популярную на Западе тему статуса русских в СССР³⁷. Характеризуя советскую национальную политику, А. И. Вдовин отмечает, что она «определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов»³⁸. Позиция А. И. Вдовина в оценке национальной политики является наиболее скептической среди современных российских историков.

На рубеже 2010-х годов вновь фиксируется повышение интереса отечественных исследователей к теме национальной политики, выразившееся в целом ряде фундаментальных работ. Значимым событием в отечественной историографии национальной политики последних лет стало издание трудов В. Г. Чеботарёвой «Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг.» и «Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг.»³⁹. Автор вводит в научный оборот большое количество новых документов, формирует собственное видение периодизации национальной политики, осмысляет и переосмысляет феномен национальной политики в первые десятилетия советской власти, касается темы этнически мотивированных репрессий. По её

³⁵ Мастюгина Т. М., Перепёлкин Л. С., Стельмах В. Г. Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. М., 2013.

³⁶ Вдовин А. И. Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54; Он же. Революционное решение национального вопроса в России, 1917–1924 // Столетие Революции 1917 года в России (материалы научной конференции «Революция 1917 года в России», Москва, МГУ, 29–31 марта 2017 г.). С. 560–568; Он же. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.

³⁷ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

³⁸ Вдовин А. И. Русские в XX веке... С. 15.

³⁹ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003; Она же. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008.

мнению, «легитимизация этнического принципа в качестве основополагающего в государственном устройстве Федерации привела к тому, что главным вектором в национальной политике правительства РСФСР стал не союз равноправных и суверенных народов, а выдвинутые волей истории титульные этносы»⁴⁰. На сегодняшний день монографии В. Г. Чеботарёвой являются наиболее полными отечественными научными изданиями по национальной политике в СССР в 1920–1930-е годы.

Тему становления и развития национальных районов и сельсоветов в РСФСР, касаясь и национальной политики в целом, раскрыла в своей диссертации О. К. Кайкова. Автор полагает, что решить проблему национальных меньшинств в РСФСР в 1920–1930-е годы целиком не удалось, а опыт реализации национальной политики «оказался противоречив и неоднозначен»⁴¹.

Важной вехой в изучении советской национальной политики в современной отечественной историографии можно считать и выход сборника «Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы» по итогам VI Международной научной конференции 10–12 октября 2013 года (г. Киев). В издании представлены статьи современных российских и зарубежных исследователей, касающиеся самых разных аспектов национальной политики СССР. Сборник фиксирует рост интереса исследователей к реализации государственной национальной политики и её отдельных проявлений в регионах России и бывших республиках СССР⁴².

Крупнейшими периодическими научными журналами России, на страницах которых, как правило, публикуются статьи по национальной политике, являются «Этнографическое обозрение»⁴³, «Вестник российской нации»⁴⁴. Популярность набирает журнал *Ab Imperio*⁴⁵, где в последние годы вышло немало публикаций по советской национальной политике.

В целом для современной российской историографии характерен отказ от ортодоксальности ранее не позволявшей дать объективную

⁴⁰ Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации... С. 790.

⁴¹ Кайкова О. К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.: дисс. ... к. и. н. М., 2007.

⁴² Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014.

⁴³ Этнографическое обозрение [Электронный ресурс]: «Этнографическое обозрение». URL: <http://journal.iea.gas.ru/> (дата обращения: 30.09.2019).

⁴⁴ Архив журнала «Вестник российской нации» [Электронный ресурс]: Общероссийский союз общественных объединений содействия укреплению государственного единства «Российская нация». URL: http://rosnation.ru/?page_id=2282 (дата обращения: 30.08.2019).

⁴⁵ *Ab Imperio* [Электронный ресурс]: *Ab Imperio*/. URL: <https://abimperio.net/index.html> (дата обращения: 30.08.2019).

оценку национальной политике, а также ввод большого количества новых документов⁴⁶. Современные российские учёные признают противоречивость советской национальной политики, отмечают как неоднозначные её достижения, так и безусловно важные для российской государственности результаты. Одним из направлений развития историографии становится появление исследований в регионах с преимущественно русским населением. Из последних работ по подобной тематике можно выделить монографию В. Л. Соскина «Национально-культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века»⁴⁷, «Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг.»⁴⁸, а также сборник публикаций «Новая имперская история постсоветского пространства» (г. Казань)⁴⁹. Политико-правовые основы национально-государственного строительства на примере регионов Поволжья разрабатывают в своих трудах Е. А. Прокофьева, Т. А. Левченкова, М. М. Симонова⁵⁰.

Безусловно, анализ всех отечественных научных трудов, посвящённых национальной политике СССР, требует проведения отдельных историографических исследований. В данной работе представлены наиболее актуальные, с точки зрения автора, труды.

Тема советской национальной политики является одной из наиболее популярных в зарубежной англоязычной историографии. Начиная со второй половины XX века, авторы, как правило, пытались рассматривать её с позиций теории империй и постколониального развития, а национальная политика в этом случае выступала как один из вариантов колониализма со своей спецификой⁵¹. Так, американский учёный Р. Пайпс, считающийся олицетворением т. н. «школы тоталитаризма»

⁴⁶ Особенно важными в этом плане были 2013 и 2014 годы, когда вышел 75-летний срок хранения архивных документов и личных дел репрессированных в 1937–1938 годах.

⁴⁷ Национально-культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века / В. Л. Соскин, А. А. Шадт и др. Новосибирск, 2005.

⁴⁸ Корсак А. В., Мозгунова Г. Н., Левитин М. Н. Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг: документы и материалы. Смоленск, 1994.

⁴⁹ Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. Казань: Центр исследования Национализма и Империй, 2004. – 652 с.

⁵⁰ Прокофьева Е. А., Левченкова Т. А., Симонова М. М. Национально-государственное строительство в Поволжье XX века (политико-правовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 59–65.

⁵¹ В исследовании D' Encausse СССР назывался «классической империей» с общей идеологией. См.: D' Encausse H. C. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, 1992. P. 235; Beissinger M. Soviet Empire as “Family Resemblance” // Slavic Review. 2006. Vol. 65. No. 2. PP. 294–303; Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997.

(«totalitarian school»⁵²) в западной историографии, весьма критически оценивал советскую национальную политику. Он же ввёл в научный оборот понятие «Красная империя» («Red Empire»)⁵³. В исследовании Х. К. дэ Энкуиз 1991 года СССР назывался «классической империей» с общей идеологией⁵⁴.

Ещё одно направление исследований советской национальной политики в зарубежной историографии неразрывно связано с теорией национализма и конструирования наций⁵⁵, которая исходит из трактовки понятия этничности как некоего информационного продукта XX века. Так, Г. Симон назвал советскую политику «собираанием новых наций из сырого этнического материала и наделения их собственными республиканскими институтами»⁵⁶. Авторы этого направления делают акцент на методах по формированию новых идентичностей в СССР, изучают процессы нациогенеза советских народов.

Обращение к советской национальной политике и её объяснение актуализировалось в период распада СССР и создания независимых государств из бывших республик СССР. В трудах Б. Фоукса, С. Сунни, Д. Смита советская национальная политика рассматривается в качестве одной из причин распада СССР, в том числе потому, что поддерживала развитие местных этнических культур и национализма⁵⁷. Своё, ставшее уже хрестоматийным, объяснение феномену советской национальной политики как явлению предложил в 1988 году Ю. Слезкин, сравнивший СССР с «коммунальной квартирой», где каждая республика имела свою «комнату». Особенность национальной политики СССР он видел в привязке национальностей к территориям и формировании в них новых идентичностей. По мнению автора, поддерживаемая государством этни-

⁵² Термин «totalitarian school», в частности, вводит американская исследовательница Ф. Хирш в своей монографии. См.: *Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London. 2005. P. 2.*

⁵³ В книге «Россия под большевиками» («Russia under the Bolshevik Regime») 1995 года одна из глав так и называется «Красная империя». См.: *Пайнс Р. Русская революция. Книга 3. Россия под большевиками 1918–1924 гг. / пер. М. Тименчик. М., 2005; См. также: Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Harvard University Press, 1954.*

⁵⁴ *D'Encausse H. C. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York: Basic books, 1992. P. 235.*

⁵⁵ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; Anderson B., Silver B. Equality, Efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // The Soviet Nationality Reader: Disintegration in Context. 1984. PP. 371–372.*

⁵⁶ *Simon G. Nationalism and Policy toward Nationalities in the Soviet Union. Boulder, Coly, 1991. P. 415.*

⁵⁷ См., напр.: *Suny S. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; Fowkes B. The disintegration of the Soviet Union: A study in the Rise and Triumph of Nationalism. New York, 1997; Smith J. The Bolsheviks and the National Question. 1917–23. Houndmill, 1999; Simon G. Nationalism and Policy toward Nationalities in the Soviet Union. Boulder, 1991.*

ческая обособленность («state sponsored ethnic particularism») привела к прекращению существования СССР⁵⁸. Ю. Слезкин одним из первых предложил расширить рамки советской национальной политики до конца 1930-х годов и рассматривать её как некую эволюционирующую модель – от борьбы с великорусским шовинизмом до представления русского народа как первого среди равных. Эволюция и причины т. н. «русского поворота» и сегодня являются важной историографической проблемой⁵⁹. Разные авторы по-разному оценивают время данного перехода. Д. Бранденбергер, например, видит его в «кризисе сталинского агитпропа»⁶⁰.

Долгое время для зарубежной историографии было характерно восприятие советской национальной политики как навязываемой и реализуемой центральными властями, без учёта местных особенностей. Лишь в последние два десятилетия исследователи соглашались, что решения центральных властей «подстраивались» под сложившиеся местные условия и даже отменялись из-за них, а иногда и вовсе носили спонтанный характер. Так, современный взгляд на советскую национальную политику как вынужденную политику компромиссов раскрыла в своей монографии американская исследовательница Ф. Хирш. Развивая тезис Ю. Слезкина, она приходит к выводу, что большевики на уровне государства поддерживали местный национализм («state sponsored nationalism») для того, чтобы сохранить и централизовать власть⁶¹. Частично вопрос о политике компромиссов между центром и местными элитами поднят в книге Дж. М. Истера «Советское государственное строительство», где автор делает акцент на роли регионов в политике большевиков⁶². В своём исследовании он показывает, что «неформальное сотрудничество и внутригосударственные конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами»⁶³.

В 2000-е годы на фоне формирования теорий постколониального развития в зарубежной историографии возникла тема статуса русских в СССР. Впервые к ней обратился Т. Мартин. Рассматривая тезис о СССР как империи, он поднимает вопрос об искусственной

⁵⁸ *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. № 2. Р. 415. Статья Ю. Слезкина вызвала большой резонанс и по сей день является одной из наиболее цитируемых в отечественной и зарубежной историографии национальной политики.

⁵⁹ Подр. см. 3-ю главу.

⁶⁰ См.: *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа... 2017. С. 14.

⁶¹ *Hirsch F.* Empire of nations... Р. 5.

⁶² *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 25–26.

⁶³ Там же. С. 41.

поддержке национальных республик за счёт ресурсов РСФСР, называя СССР «империей положительной деятельности» («The affirmative nation Empire»)⁶⁴. На сегодняшний день книга Т. Мартина «Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939» является одним из наиболее авторитетных фундаментальных зарубежных исследований советской национальной политики. В книге «Правители и жертвы: русские в Советском Союзе» советолог Джэффри Хоскинг также склоняется к идее о несправедности и приниженном статусе русского народа в СССР. Он называет РСФСР «жалким гигантом среди советских республик»⁶⁵.

Большую роль в изучении современной зарубежной историографии национальной политики в СССР играет проект «История сталинизма» издательства РОССПЭН. В результате реализации проекта многие авторитетные зарубежные научные издания по истории СССР 1920–1930-х годов стали доступны отечественным исследователям⁶⁶.

В последние годы интерес к теме национальной политики в СССР 1920–1930-х годов после активных дискуссий 1990-х и середины 2010-х годов в отечественной и зарубежной историографии несколько снизился. Это обусловлено и завершением введения в научный оборот документов, которые были недоступны в советский период, и достижением консенсуса в научном сообществе по основным вопросам. В отечественных журналах «Этнографическое обозрение» и «Вестник российской нации» за последние четыре года вышло лишь несколько публикаций, посвящённых отдельным «локальным» эпизодам реализации национальной политики⁶⁷. Это характерно и для зарубежной историографии. В наиболее авторитетном зарубежном научном журнале о России «Slavic review», в частности, с 2014 года вышло только четыре статьи, опосредованно касавшихся вопросов национальной

⁶⁴ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

⁶⁵ *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артёмова. М., 2012. С. 98.

⁶⁶ В настоящий момент на русском языке изданы: *Мартин Т.* Указ. соч.; *Истер Дж.* Указ. соч.; *Ширер Дэвид Р.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953. М., 2014; *Штудер Б., Унфريد Б.* Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М., 2011; *Брандербергер Д.* Указ. соч.; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008; *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

⁶⁷ *Рамазанова Д. Ш.* О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований) // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 150–166; *Джантеева Д. С.* Нацестроительство на Северном Кавказе: коммуникативное измерение // Вестник российской нации. 2018. № 1 (59). С. 107–119; *Аманжолова Д.* Центр и регионы в условиях советского нацестроительства в 1920-е гг. // Вестник российской нации. 2019. № 2 (64). С. 34–44.

политики⁶⁸, в то время как статьи об имперском периоде и событиях 1917 года исчисляются десятками. В других зарубежных журналах тема национально-государственного строительства в СССР 1920-х годов также представлена лишь фрагментарно на примере истории отдельных народов⁶⁹. В настоящий момент проводятся лишь отдельные исследования, касающиеся локальных вопросов, аспектов национальной политики. Обобщающих фундаментальных работ практически не издаётся. Между тем локализация исследований создаёт условия для более глубокого осмысления национальной политики в СССР в контексте её реализации на отдельных территориях. Тем более что в 2019–2021 годах прошла и ещё пройдёт целая серия 100-летних юбилеев субъектов нацистроительства первых лет советской власти.

Характеризуя историографию советской национальной политики, можно констатировать, что её развитие как в СССР, так и за рубежом долгое время осложнялось влиянием политических процессов на науку, закрытым доступом к источникам (особенно в советский период). Однако на сегодняшний день созданы условия для проведения полноценных научных исследований, в том числе при участии российских и зарубежных учёных (как опыт Д. Брандебергера и М. Зеленова).

Как уже говорилось выше, долгое время для отечественной и зарубежной историографии было характерно изучение национальной политики через призму межреспубликанских взаимоотношений и реализации национальной политики в национальных республиках РСФСР. Анализ историографической традиции показывает, что подавляющее количество работ выполняется именно на этом материале. Однако, по мнению автора, сущность советской национальной политики не может быть объективно осмыслена, если не обратиться к её реализации в регионах РСФСР с преимущественно русским населением, где и проживало большинство населения республики. На этот же факт, в частности, указывает в своей книге и В. Г. Чеботарёва, говоря, что до настоящего времени в трудах отечественных историков не получили развития вопросы реализации национальной политики в автономных

⁶⁸ *Brandenberger D., Zelenov M. V. Stalin's answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // Slavic Review. 2014. № 4. PP. 859–880; Sablin I., Sukhan D. Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926 // Slavic Review. 2018. № 2. PP. 333–358; Lenkart J. Russian Revolutions in Print: The Fate of the Ethnic Press // Slavic Review. 2017. № 3. PP. 655–664; Brinegar S. The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan // Slavic Review. 2017. № 2. PP. 372–395.*

⁶⁹ См., напр.: *Dewhirst M. Review of Petrov, Petre and Ryazanova-Clarke, Lara (eds), The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe // Canadian Slavonic paper. 2017. № 2. PP. 531–533; Mogilner M. The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power // Soviet and Post Soviet Review. 2019. 05 Feb. PP. 71–75.*

республиках РСФСР в 1920–1930-е годы⁷⁰. На достижение аналогичной цели направлено и проведение данного исследования.

Предлагаемая работа посвящена реализации государственной национальной политики в Прикамье – исторически сложившемся регионе западной части Среднего Урала, где русские в 1920-е годы составляли более 85 процентов населения⁷¹. С 1923 по 1934 год Прикамье входило в состав Уральской области, первого нового крупного субъекта РСФСР. Здесь же проводились многие первые социальные эксперименты. В этой связи именно на Урале национальная политика первых лет советской власти представляет немалый научный интерес. Ранее данная проблема в комплексе ещё не рассматривалась, что также подчёркивает её новизну. В предлагаемом издании в качестве территориальных рамок будут приняты границы Пермской губернии в 1918–1923 годах; Верхнекамского, Коми-Пермяцкого, Кунгурского, Пермского и Сарапульского округов Уральской области в 1923–1934 годах; запада Свердловской области в 1934–1939 годах; Пермской области – в 1939 году⁷².

Выбор Прикамья обусловлен и тем, что регион имел несколько этнических анклавов. В частности, большой интерес представляет анализ ситуации вокруг коми-пермяцкого населения. Коми-Пермяцкий национальный округ в составе Уральской области был создан после длительного обсуждения целесообразности, придания территории проживания коми-пермяков статуса округа, или республики, или отнесения территории к создаваемой Коми АССР и т. д. Данные дискуссии отражают подходы и видение советскими руководителями практической реализации национальной политики, а также её воплощения на местах. Также заслуживают внимания действия местных властей в отношении традиционно компактно проживавших на территории Прикамья народов (татары, башкиры, марийцы, удмурты, язвинские пермяки). Кроме этого, в первые годы советской власти в Прикамье в силу разных исторических причин сформировались и этнолокальные группы некоренного населения – поляки, немцы, евреи, украинцы, белорусы, латыши, китайцы, корейцы. Все они были вовлечены в реализацию национальной политики⁷³. Таким образом, выбор именно территории Прикамья

⁷⁰ Чеботарёва В. Г. Национальная политика... С. 28.

⁷¹ По итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года в Верхнекамском, Коми-Пермяцком, Кунгурском, Пермском и Сарапульском округах Уральской области русские составляли 87% населения. См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

⁷² Включая территорию районов Пермской области образца 1934 года в период их нахождения в составе Свердловской области в 1934–1938 годах.

⁷³ Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 46–67.

позволяет осветить практически все аспекты национальной политики в РСФСР в территориях с преимущественно русским населением в её региональном аспекте, т. е. через призму взаимодействия центральных и местных властей в практической реализации национальной политики.

С учётом территориальных рамок отдельного анализа требует и историография реализации национальной политики на Урале.

Одной из первых к теме национально-государственного строительства на Урале в 1917 – середине 1930-х гг. обратилась Т. Г. Мосунова, автор первой обобщающей работы по развитию общеобразовательной школы национальных меньшинств Урала. Автором исследован ряд проблем школьного строительства в национальных районах, проанализированы просчёты и ошибки в решении задачи коренизации школ, показана специфика учебного процесса национальных школ с точки зрения языковых особенностей⁷⁴. Необходимо выделить и диссертацию И. А. Пашковой, посвящённую историографии национально-государственного строительства на Урале⁷⁵. Несмотря на время написания диссертации, работа не утратила своей актуальности. Национальная политика на Урале представлена в диссертационном исследовании Р. Т. Латыпова. Автор рассматривает основные процессы, формирует подходы к хронологии национальной политики, однако прикамская тематика в исследовании практически не представлена⁷⁶.

Учитывая, что крупнейшим этническим анклавом на территории Прикамья является Коми-Пермяцкий округ, отдельный пласт историографии посвящён истории его создания, а также роли коми-пермяцкого населения в реализации государственной национальной политики на Урале. В историографии Прикамья процесс создания Коми-Пермяцкого округа и сопутствующие этому дискуссии досконально изучены в работах пермских учёных А. Е. Коньшина⁷⁷, С. И. Пономарёва⁷⁸, М. А. Чугаева⁷⁹. В. Г. Чеботарёва посвящает процессу создания Коми-

⁷⁴ Мосунова Т. Г. Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926–1937 гг.): Дисс. к. и. н. Свердловск, 1988.

⁷⁵ Пашкова И. А. Отечественная историография национально-государственного строительства на Урале в 1917 – середине 30-х гг. XX века. Дисс. к. и. н.: 07.00.02. Екатеринбург, 1993.

⁷⁶ Латыпов Р. Т. Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов: Дисс. к. и. н.: 07.00.02. Екатеринбург, 2001.

⁷⁷ Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа 1917–1940. Кудымкар, 2004. С. 33–44.

⁷⁸ Пономарёв С. И. Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и её роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 420–437; Он же. Проблема автономии коми-пермяцкого народа и её разрешение // Наш край: Сб. статей. Кудымкар, 1970. Вып. 4. С. 34–46.

⁷⁹ Чугаев М. А. К вопросу об образовании Коми-Пермяцкого национального округа // Уч. зап. Пермского ун-та. № 133. Пермь, 1965. С. 115–125.

Пермского округа отдельный раздел своей монографии⁸⁰. Специальный параграф по данной теме выделен и в последней коллективной монографии историков Республики Коми «История Коми с древнейших времён до современности», вышедшей в 2011 году в Сыктывкаре⁸¹. В этих важных трудах представлены современные оценки создания Коми-Пермского округа в контексте национальной политики большевиков. Среди современных зарубежных исследователей данной тематики можно выделить работы финского учёного С. Лаллуки⁸² и представителя Эстонии И. Яатса⁸³. В этих трудах представлены основные этапы «дискуссии о пермяком населении» 1920-х годов, события и участники этого процесса. Однако мало внимания уделяется эволюции представлений о национальном вопросе у центральных властей, практически не берутся в расчёт те факторы, которые влияли на принятие ими решений.

На протяжении 2000-х годов также выходил ряд обобщающих работ, в том числе научно-популярного плана, участие в подготовке которых принимали сами руководители и активисты этнических общественных объединений⁸⁴. Рассматриваемый период частично описан в научных изданиях и справочниках по общей этнической истории Прикамья⁸⁵. Большую роль в обобщении накопленного научного материала сыграл выпуск четырёхтомного издания «Межэтнический мир Прикамья»⁸⁶ и библиографического указателя «Этнический мир Прикамья»⁸⁷. Участие ряда народов Урала в мероприятиях в рамках национальной политики, как и советский период в истории народов Прикамья, частично осветил в своих работах

⁸⁰ Чеботарёва В. Г. Национальная политика... С. 173–185.

⁸¹ История Коми с древнейших времён до современности. Т. 2. Сыктывкар, 2011. С. 281–284.

⁸² Лаллука С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. СПб., 2010.

⁸³ Jääts I. «The Permiak Question»: Bolshevik Central Authorities, Russian and non-Russian Provincial Elites Negotiating Over Autonomy in the Early 1920s // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2012. № 40. PP. 241–257.

⁸⁴ Народы Пермского края. Истоки. Становление. Развитие: научно-популярная энциклопедия / Колл. авт. Пермь, 2010; Пермский край – территория межнационального согласия. Пермь, 2011; Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014.

⁸⁵ Сергеева С. В. Этносоциальные процессы Западно-Уральского региона на современном этапе. Пермь, 2000; Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. Пермь, 2002.

⁸⁶ Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области: в 4 т. / Рос. Акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Центр по изуч. межнац. отношений. М., 1996–2001. Т. 1, 3–4.

⁸⁷ Этнический мир Прикамья: библиогр. указ. / сост. Т. И. Быстрых. Пермь, 2003.

Г. Н. Чагин⁸⁸. Проблем этнодемографии и учёта этнического фактора при проведении переписей населения неоднократно касаются в своих работах Г. Е. Корнилов⁸⁹ и О. В. Павлова⁹⁰. Авторы ввели в научный оборот большое количество научных данных, использовали новейшие методы демографии при анализе этнического состава населения и миграций на Урале.

Этническая составляющая репрессий 1930-х годов в Прикамье также находила отражение в историографии. В обобщённом виде эта информация представлена в книге А. Б. Суслова «Спецконтингент в Пермской области в 1929–1953 гг.». В одном из разделов автор касается национального состава репрессированных и спецпоселенцев в Пермской области⁹¹. Проблемы этнического фактора в виде выявления «инобазы» при репрессиях отражены и в уже ставшей хрестоматийной для Прикамья работе «Включён в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг.» под ред. О. Л. Лейбовича⁹².

Значительный вклад в изучение этнической истории отдельных народов на современном этапе вносит научный коллектив сектора этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра (ПФИЦ) УРО РАН, которым подготовлен ряд монографий об этнической истории отдельных народов⁹³, а также реализуется издательский проект «На-

⁸⁸ См.: Чагин Г. Н. Язьвинские пермяки: история и традиции. Пермь, 1993; *Он же*. Самоопределение уральских марийцев на рубеже 1910-х–1920-х гг. как пример решения национально-государственного строительства в регионах // Российская государственность: Ист. динамика: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2001. С. 238–242; *Он же*. Коми-язьвинцы Пермского края. Пермь, 2012; *Он же*. Манси Северного Урала: хозяйство, мировоззрение, связи с другими народами в первой трети XX века // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 144–150.

⁸⁹ Корнилов Г. Е. Этническая структура населения Урала в первой половине XX века // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 129–135; *Он же*. Национальный состав населения Урала в первой половине XX века // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. Оренбург, 1998. С. 42–45; *Он же*. Русские в этнодемографической структуре Урала XX века // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума. Тюмень – Омск, 2000. С. 247–249; и др.

⁹⁰ Павлова О. В. Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: Дисс. к. и. н.: 07.00.02. Екатеринбург, 2004.

⁹¹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области в 1929–1953 гг. М., 2010.

⁹² Лейбович О. Л. Включён в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009.

⁹³ Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии / Колл. авт. СПб., 2009; Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2010; Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб., 2011; Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; Черных А. В., Голева Т. Г., Каменских М. С., Шевырин С. А. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; Каменских М. С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; Черных А. В., Каменских М. С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014.

роды Пермского края. История и этнография»⁹⁴. Участие ряда народов в реализации государственной национальной политики отражено и в серии «Народы Перми: история и культура», включившей в себя 24 издания об истории отдельных народов прикамской столицы⁹⁵. В изданиях показаны основные этапы истории отдельных народов в Прикамье, этнодемографические моменты, их вклад в развитие региона. Аспекты национальной политики в контексте этнической истории народов Прикамья обобщены в выпущенном коллективном секторе в 2014 году справочном издании «Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие»⁹⁶.

Таким образом, уральские историки неоднократно касались различных проявлений и сторон национальной политики, как в рамках общей этнической истории региона, так и в истории отдельных народов. Однако обобщающей работы о реализации национальной политики в Прикамье в контексте национальной политики в регионах РСФСР ещё не было. Предлагаемое издание призвано осветить основные аспекты этой темы.

Несколько слов следует сказать и о хронологических рамках исследования. На сегодняшний день уже сложились общие представления о хронологии советской национальной политики в первые два десятилетия советской власти. Она принята большинством авторов. На первом этапе реализация национальной политики неразрывно связана с деятельностью Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) и ограничивается временем его существования (1918–1924)⁹⁷. Первый этап характеризуется активной поддержкой общественных движений, созданием бюро национальных меньшинств по всей стране, а также территориальными преобразованиями и созданием новых административных единиц с учётом этнической составляющей. На втором этапе, после 1924 года, страна вступила в принципиально новую эпоху развития, что и определило развитие национальной политики в новом направлении. Этот этап характеризуется реализацией политики коренизации, реформами алфавита, вовлечением национальных меньшинств в общегосударственные процессы, связанные с новой экономической политикой и переселенческим движением.

⁹⁴Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь, 2007; Народы Пермского края. История и этнография. Том 2. Пермь, 2014.

⁹⁵Черных А. В., Каменских М. С. «Народы Перми: история и культура»: исследовательский и издательский проект // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2018. № 2. С. 68–75.

⁹⁶Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014.

⁹⁷Хотя некоторые авторы первый этап политики ограничивают 1921 годом, то есть до принятия решений X съезда РКП(б) по национальному вопросу.

С начала 1930-х годов происходит т. н. «русский поворот», когда советское правительство отказывается от риторики борьбы с русским национализмом и обращается к образам, символизирующим историю и силу русского народа. В национальной политике в этот период происходят постепенное сворачивание общественной активности национальных меньшинств, отказ от коренизации и латинских алфавитов, а завершается этап репрессиями 1937–1938 годов, когда этническая принадлежность стала одним из факторов репрессий. К концу 1930-х годов национальная политика подошла в сформированном виде, который просуществовал без принципиальных изменений в подходах вплоть до конца существования СССР. За нижнюю границу исследования принят 1939 год, когда в стране была проведена Всесоюзная перепись населения⁹⁸, что можно считать своеобразным итогом реализации национальной политики в РСФСР во второй половине 1930-х годов. Все явления и процессы, характеризующие национальную политику на уровне страны, также нашли своё выражение в Прикамье.

К написанию исследования был привлечён обширный корпус источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Непубликованные письменные источники по теме выявлены и отобраны для исследования в девяти центральных и региональных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)⁹⁹, Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)¹⁰⁰, Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)¹⁰¹, Государственном архиве Пермского края (ГАПК)¹⁰², Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ)¹⁰³, Государственном архиве Свердловской области

⁹⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 132.

⁹⁹ Ф. Р-1235 – ВЦИК РСФСР; Ф. Р-1318 – Наркомнац СНК РСФСР.

¹⁰⁰ Ф. 17 – Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991).

¹⁰¹ Ф. 5675 – Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954.

¹⁰² Ф. Р-19 – Исполнительный комитет Пермского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-122 – Исполнительный комитет Пермского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-354 – Осинский уездный отдел народного образования Осинского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-945 – Отдел Центрального комиссариата по еврейским национальным делам при исполнительном комитете Пермского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

¹⁰³ Ф. 2 – Пермский окружной комитет ВКП(б), Уральская область; Ф. 156 – Верхнекамский окружной комитет ВКП(б); Ф. 65 – Кунгурский окружной комитет ВКП(б), Уральская область; Ф. 557 – Пермский губком РКП(б), Пермская губерния; Ф. 820 – Усольский Уком РКП(б).

(ГАСО)¹⁰⁴, Коми-Пермяцком окружном государственном архиве Пермского края (КПОГА)¹⁰⁵, Управлении по делам архивов города Сарапула Удмуртской Республики¹⁰⁶, Государственном архиве г. Красноуфимска¹⁰⁷. При этом особую значимость имеют фонды ПермГАСПИ, поскольку в них отложилась основная делопроизводственная документация о взаимодействии органов власти с общественными организациями народов разных национальностей, а также вся переписка с Уральским обкомом по вопросам реализации национальной политики. Наибольший интерес здесь представляют фонды агитпропотделов, входивших в структуру губкомов¹⁰⁸.

В описи 5 Фонда № 88 ГАСО «Комитет содействия народам Севера» содержится основной массив информации о реализации национальной политики на Урале: переписка с окружными комитетами партии, докладные записки о ситуации на местах, переписка с центральными органами власти и т. д. Особую ценность представляют и стенограммы закрытого заседания комиссии, выделенной секретариатом ЦК по вопросу о Пермском крае от 15 января 1925 года. Комиссия принимала решение о создании Пермского округа и разбирала ситуацию, сложившуюся в данной территории в 1921 году. Материал впервые вводится в научный оборот¹⁰⁹. Важным источником, пока не оценённым в должной мере исследователями, является и стенограмма Совещания по организации переселенческой кампании в 1927 году из фондов РГАЭ¹¹⁰. Источник не только содержит базовые документы переселенческой кампании, но и отражает дискуссии участвующих сторон в ходе обсуждения и принятия решений.

В отдельную группу выделены неопубликованные источники личного происхождения. В частности, в фондах КПОГА хранятся личные записи и рукописи нескольких мемуаров Ф. Г. Тараканова, одного из

¹⁰⁴ Ф. Р-88 – Исполнительный комитет Свердловского областного Совета народных депутатов г. Свердловск (13.12.1923–21.10.1991); Ф. Р-7 – Екатеринбургский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Губисполком г. Екатеринбург (15.07.1919–19.12.1923).

¹⁰⁵ Ф. Р-20 – Окружной исполнительный комитет совета крестьянских и рабочих депутатов; Ф. Р-29 – Тараканов Ф. Г.

¹⁰⁶ Ф. Р-20 – Сарапульский окружной союз потребительских обществ «Окрпотребсоюз»; Ф. Р-203 – Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-210 – Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО).

¹⁰⁷ Ф. Р-395 – Отдел народного образования Красноуфимского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

¹⁰⁸ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 165, 166, 249; Ф. 557. Оп. 2. Д. 169.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 14. Л. 42–44 об.

¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Стенограмма 1-го Всероссийского совещания работников по переселенческому делу 1927 г. Т. 1.

основателей коми-пермяцкого национально-культурного движения в Прикамье в 1920-е годы. Рукописи Ф. Г. Тараканова содержат целый ряд важных фактов, а также личностные характеристики участников этого процесса¹¹¹.

Среди наиболее значимых опубликованных источников при написании использовались различные документы, декреты и резолюции советских органов власти¹¹², сочинения В. И. Ленина¹¹³ и И. В. Сталина¹¹⁴ по национальному вопросу, а также резолюции областных совещаний Уральской области и постановления окружкомов по вопросам регулирования национальной политики¹¹⁵. Работа с опубликованными источниками проводилась в Российской национальной библиотеке (РНБ), Пермской краевой библиотеке им. А. М. Горького, Свердловской областной библиотеке им. В. Г. Белинского, Пермском краеведческом музее.

Важную роль в характеристике этнически мотивированных репрессий сыграли судебные-следственные дела. При написании работы, в частности, использовалась электронная база «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980 гг.» ПермГАСПИ¹¹⁶. Эти дела содержат биографическую информацию о репрессированных,

¹¹¹ КПОГА. Ф. Р-29 – Тараканов Ф. Г. Оп. 1. Д. 1. *Тараканов Ф. Г.* Автобиография. Машинопись; Д. 15. *Тараканов Ф. Г.* Коми-Пермяцкая трудовая коммуна. 1956 год; Д. 121. *Ф. Г. Тараканов* «О включении пермяков в автономную область Коми»; Д. 159. *Тараканов Ф. Г.* «Борьба за возрождение коми и коми-пермяцкого народов». 1972 год.

¹¹² Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению. М.: Народный комиссариат земледелия, 1927; Тайна национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного 4 совещания ЦК РУКП(б). М., 1992.

¹¹³ Прекрасная подборка всех сочинения В. И. Ленина по национальному вопросу «В. И. Ленин. О национальном вопросе и национальной политике» представлена на сайте Leninism.su. При написании работы использовались следующие его труды: «Критические заметки по национальному вопросу», «К вопросу о национальной политике», «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», «К вопросу о национальностях или об «автономизации». См.: В. И. Ленин. О национальном вопросе и национальной политике [Электронный ресурс]: Leninism.su. URL: <https://leninism.su/works/115-conspect/4248-v-i-lenin-o-natsionalnom-voprose-i-natsionalnoj-politike.html?start=13> (дата обращения: 31.10.2019).

¹¹⁴ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290–367; *Он же.* Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII Съезда партии по национальному вопросу: Доклад по второму пункту порядка дня IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 10 июня 1923 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 313–326.

¹¹⁵ ВКП(б). Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). Свердловск, 1927; ВКП(б). Уральская областная организация: Совещание партработников национальных меньшинств. Свердловск, 1927; Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала, 17–20 декабря 1927 г. Свердловск, 1928.

¹¹⁶ Ф. 641. Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома, 1918–1991 гг. В 2012–2013 годах снят режим секретности с архивных документов 1937–1938 годов, что значительно упростило работу по изучению периода репрессий.

материалы допросов, решения судов, а также документы по реабилитации. Так, в 1950-е годы, например, Ф. Г. Тараканов давал показания следственным органам о ситуации в Коми-Пермяцком округе в 1920–1930-е годы. Материалы допросов Ф. Г. Тараканова 1950-х годов также представляют интерес для исследования.

Большую роль в исследовании сыграли статистические данные. В первую очередь, речь идёт о переписях населения, материалы которых были использованы при написании работы, – 1920, 1923, 1926, 1939 годов¹¹⁷. Сведения о численности отдельных национальностей представлены в переписке Уралобкома с окружными комитетами Уральской области.

Важное значение для написания работы, особенно в части реконструкции институционализации бюро национальных меньшинств при губкоме, имели материалы периодической печати. В работе использовались статьи журнала «Революция и национальности», газет «Известия Пермского губернского исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов», «Звезда», «Пермский вестник», «Пермская жизнь», «Уральский рабочий». В средствах массовой информации публиковались и нормативные акты местного значения по национальному вопросу.

В отдельную группу исследования выделены устные источники. Так, записанные в ходе полевых экспедиций в Куединском районе 2001–2002 годов семейные предания позволили рассмотреть причины и мотивы миграции чувашей в Прикамье, реконструировать на этом основании личные стратегии переселенцев.

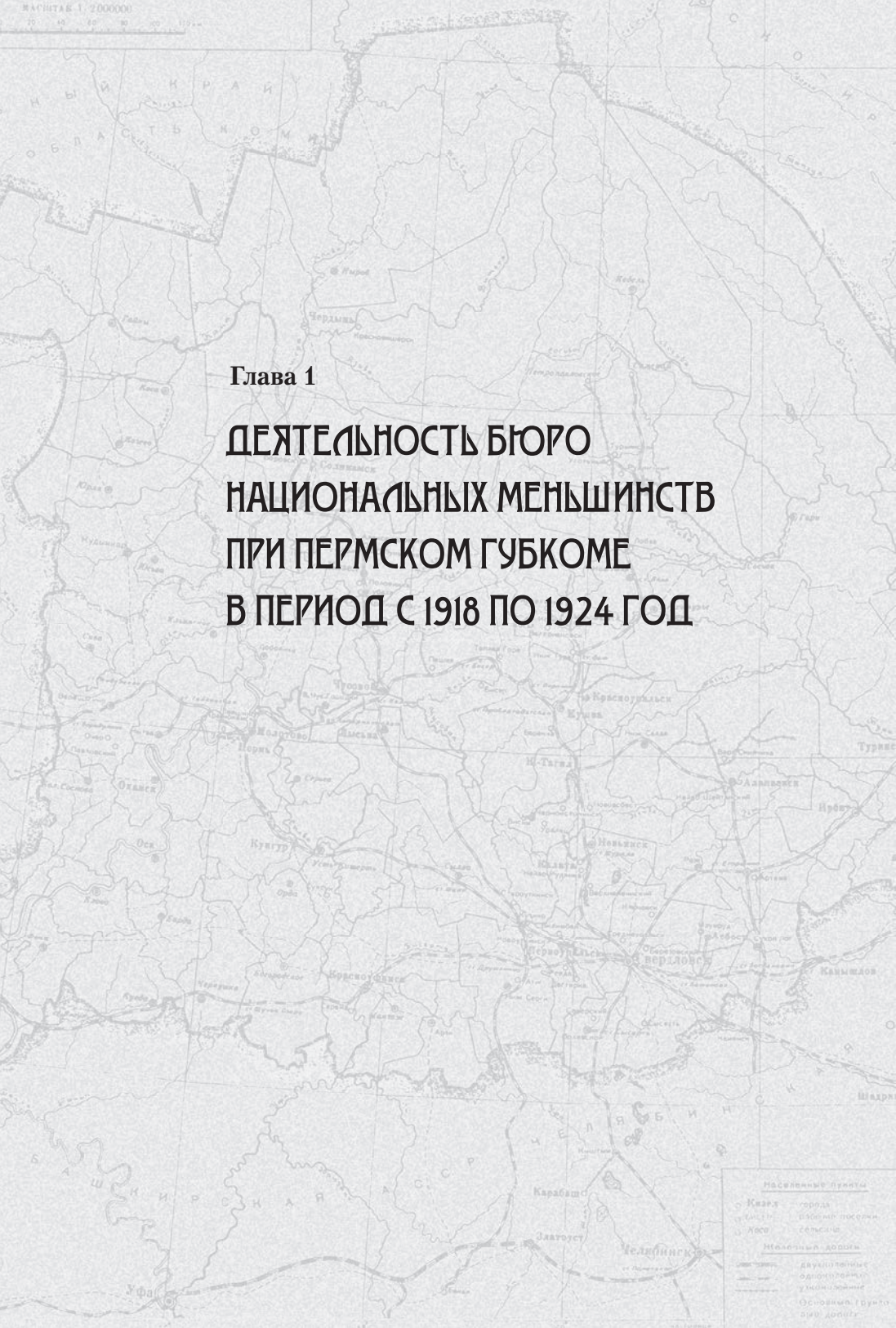
Предлагаемая работа имеет и практическую значимость. На фоне реализации Стратегии государственной национальной политики РФ, создания и унификации исполнительных органов федеральной и государственной власти, органов местного самоуправления, ответственных за состояние сферы межнациональных отношений, внимание учёных, политиков и экспертов всё больше привлекает опыт советской национальной политики, особенно в её ранний период. В этой ситуации очень важно иметь чёткие, неидеологизированные представления об инструментах национальной политики в советский период, её механизмах и особенностях практической реализации.

¹¹⁷ Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. // Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 5. М., 1924. С. 48, 50; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. Свердловск, 1925. С. 33; Труды ЦСУ СССР. Отдел демографии. Т. 20.4.4. М., 1927. С. 38–39; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. IV // Труды центрального статистического управления СССР. Отдел демографии. Т. 20. Ч. 4. М., 1927; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147; Всесоюзная перепись населения СССР: 1939: Уральский регион. Екатеринбург, 2002.

Актуальной представляется именно региональная специфика, так как в современной России многие регионы самостоятельно реализуют национальную политику, выстраивая на местном уровне собственные цели и приоритеты.

Следование источнику в рамках данной работы обусловило необходимость использования ряда специальных терминов, применявшихся в делопроизводстве 1920–1930-х годов, в том числе «нацмен» (национальные меньшинства), «татаро-башкиры» (татары и башкиры как единая общность), «великорусский шовинизм», «национальный район» (район, где официально провозглашено проживание представителей конкретной национальности). Кроме этого, в работе не используются принятые в рассматриваемый период устаревшие этнонимы («пермяки», «вотяки», «вогулы», «черемисы» и т. д.), если это не продиктовано необходимостью следования источнику.

Структура исследования включает в себя анализ вышеприведённых аспектов реализации национальной политики. В первой главе представлены основные направления реализации национальной политики в Прикамье в период с 1918 по конец 1920-х годов. Вторая глава посвящена преимущественно событиям 1930-х годов.



Глава 1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЮРО НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ПРИ ПЕРМСКОМ ГУБКОМЕ В ПЕРИОД С 1918 ПО 1924 ГОД

Населенные пункты

- Кварт. — города
- Уезд. — районные поселки
- Хутор — селения
- Населенные пункты — двукратные административные пункты, имеющие особую территорию

Западная от Уральских гор часть Пермской губернии, именуемая в данной работе Прикамьем, исторически формировалась как регион многонациональный, с преимущественным проживанием русского населения и крупными этническими анклавами¹. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года показала довольно пёстрый этнический состав, сложившийся на тот момент в Пермском Прикамье. Самыми крупными по численности были русские (85,7 %), пермяки (6,8 %), башкиры (4,5 %), татары (3 %) (см. таблицу).

Помимо традиционно проживавших здесь русских, коми-пермяков, татар и башкир, марийцев и удмуртов в силу процессов социально-экономического развития Российской империи конца XIX – начала XX века (Русско-японская война, Столыпинская реформа) в Прикамье появились сообщества и места компактного проживания немцев, поляков, евреев, корейцев, латышей, белорусов и эстонцев.

Важным для этнических процессов в Пермской губернии явился период Первой мировой войны, когда в регион стали прибывать беженцы из западных губерний России – немцы, евреи, поляки, латыши, украинцы. Вместе с беженцами в Прикамье размещались военнопленные, армейские подразделения, формировавшиеся в районах с отличающимся этническим составом населения. Кроме этого, из-за дефицита рабочих рук на пермские заводы стали привлекать китайцев и корейцев, общая численность которых к началу 1917 года превысила 10 000 человек².

В результате в 1917 году в Пермской губернии уже существовали и самоорганизовывались этнические группы евреев, латышей, эстонцев, поляков, украинцев, корейцев, китайцев, немцев. Принятое в 1917 году постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» позволило регистрировать общества, не имеющие целью извлечение прибыли³. На основании этого документа в Перми были зарегистрированы общества поляков, латышей, евреев, немцев, эстонцев, китайцев. Все они занимались помощью соотечественникам. В первую очередь – вопросами репатриации. Большая часть этнических сообществ размещалась в Перми и других крупных городах губернии.

¹ Черных А. В., Каменских М. С., Белафин А. М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 49–60.

² Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб., 2011. С. 53.

³ Постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» // Вестник Временного правительства. 1917. 21 июля.

Таблица 1.1

**Национальный состав населения Пермского Прикамья
по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 года**

Народ	Уезды Пермского Прикамья							
	Красно- уфимский	Кунгур- ский	Осинский	Оханский	Пермский	Соли- камский	Чердынский	Итого
Все население	259 165	136 343	321 774	268 390	272 967	228 845	105 791	1 593 275
Великорусы	202 018	131 713	266 020	267 645	259 177	161 276	77 324	1 365 173
Малороссы	14	32	8	30	97	10	4	195
Белорусы	5	—	3	5	51	8	5	77
Поляки	65	43	33	35	902	48	30	1 156
Немцы	28	11	11	11	256	34	4	355
Евреи	31	102	5	18	865	33	21	1 075
Вотяки	434	—	5 907	40	—	4	4	6 389
Вотулы	389	—	2	—	—	1	79	471
Черемисы	15 345	—	7	—	49	17	3	15 421
Зыряне	68	745	48	—	545	182	1 121	2 709
Пермяки	3	12	2	82	51	65 079	26 903	92 132
Татары	14 753	2 715	13 690	407	6 982	1 706	273	40 526
Башкиры	21 809	502	34 407	60	3 677	348	2	60 805
Мещеряки	487	7	3	—	—	—	—	497
Тептяри	3 649	—	1 614	—	30	2	—	5 295
Цыгане	13	6	—	—	—	45	13	77

Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 94–97.

Уже в первые месяцы после прихода к власти большевистское правительство начало активно привлекать к сотрудничеству этнические сообщества, которые успели институционально оформиться в период работы Временного правительства и имели собственные программы развития. Эта политика реализовывалась через институт бюро национальных меньшинств («бюро нацмен»), создаваемых при губкомах. Бюро национальных меньшинств включали в себя секции национальных меньшинств, представлявшие активистов тех или иных национальностей. Кроме этого, свои отделы по всей стране открывал и созданный в советском правительстве Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац)⁴. К концу 1918 года в стране было создано уже более 100 отделов Наркомнаца⁵. 27 июня 1918 года вышел Декрет Совета народных комиссаров (СНК), на основании которого все созданные до этого беженские организации распускались, а их дела и имущество передавались отделам соцобеспечения городских Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов⁶.

С этого момента местные бюро нацмен и отдела Наркомнаца при исполкомах стали единственными легитимными представителями этнических сообществ при советских органах власти.

Сохранившиеся источники позволяют реконструировать обстоятельства возникновения секций бюро нацмен, их общественную деятельность и взаимодействие с органами власти, а также с представляемыми ими этническими группами. Такой анализ поможет глубже взглянуть на сущность советской национальной политики на стадии её оформления.

⁴ Статья № 529. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об учреждении представительств Народного Комиссариата по Делах Национальностей в Автономных Респу́бликах и автономных областях // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 782.

⁵ *Песикина Е. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950. С. 61–62.

⁶ 21 июня. Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам о пленных и беженцах // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 247.

1.1. БЮРО НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И ОТДЕЛ НАРКОМНАЦА

К концу 1917 года в Пермской губернии уже существовало от 5 до 10 общественных организаций, представлявших интересы различных этнических сообществ⁷. Для взаимодействия с ними при Пермском губкоме в 1918 году было создано местное бюро национальных меньшинств (бюро нацмен). На этот орган возлагалась функция по взаимодействию с представителями разных национальностей⁸. В течение нескольких месяцев при нём открылось до 10 секций, представлявших разные народы. Их деятельность активизировалась в разные периоды и в основном была связана с внешней политикой Советской России. А уже 3 июля 1918 года был создан Комиссариат по национальным делам при Пермском губисполкоме⁹. Его целью объявлено «скорейшее приобщение трудовых масс мелких национальностей, населяющих пределы Пермской губернии, к общепролетарскому делу борьбы против класса капиталистов, эксплуататоров и строительства нового социалистического государства»¹⁰.

После занятия Перми армией А. Колчака в декабре 1919 года деятельность бюро и комиссариата была прервана, они возобновили работу только после июля 1920 года.

Судя по источникам, некоторые секции после установления советской власти в Перми начали работу самостоятельно, в связи с чем организационно-инструкторский отдел губкома даже проводил отдельное собрание по сбору сведений об имеющихся в городе организациях нацмен. Через газету «Звезда» было дано объявление об обязательстве для всех не учтённых на собрании организаций явиться в губком для регистрации¹¹.

Институциональное оформление бюро национальных меньшинств, по всей видимости, произошло в начале 1921 года. 12 января в губкоме состоялось заседание всех секций национальных меньшинств¹². Цель собрания в источниках не отражена, однако уже 8 февраля

⁷ Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М. Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 68.

⁸ Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь, 2001. С. 25.

⁹ По пермскому губернскому исполнительному комитету. Постановления Губернского Исполнительного Комитета при Совете рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов от 3 июля 1918 г. Известия Пермского губисполкома. 1918. 10 июля.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1340. Л. 8.

¹¹ Извещения // Звезда. 1920. 14 июля.

¹² Извещения // Звезда. 1921. 12 янв.

1921 года на пленуме губкома партии при характеристике результатов проделанной агитационной работы объявлено и о создании бюро национальных меньшинств¹³. Начиная с февраля 1921 года местные газеты регулярно сообщали о деятельности отдельных секций бюро¹⁴. В конце февраля 1921 года доклад на тему «Национальные меньшинства» был зачитан на Седьмой губернской партийной конференции РКП(б). Сообщалось как результат, что национальные секции были объединены в бюро¹⁵. 23 февраля представители всех национальных секций приняли участие в демонстрации в честь третьей годовщины Красной Армии¹⁶. А 1 марта 1921 года должно было состояться первое заседание «всех национальных секций и союзов г. Перми»¹⁷. На встрече с железнодорожниками Перми 15 марта 1921 года секретарь губисполкома Орлов среди достижений в проделанной работе назвал «утверждение коллегии отдела национальностей». Это был третий по порядку пункт из 15 перечисленных, что подчёркивает его значимость¹⁸. В документах созданный институт именовался по-разному (бюро, коллегия, отдел и т. д.), но позже на уровне делопроизводства закрепилось название «бюро нацмен».

Наиболее активная работа бюро велась с лета 1921 до конца 1922 года. 27 июля 1921 года в помещении губкома состоялось совещание созданного подотдела национальных меньшинств губисполкома, куда были приглашены все руководители национальных секций. Помимо общих вопросов рассматривалась ситуация в Украинском бюро (Укрбюро) и Еврейской секции (Евсекции). Начальником подотдела нацмен на тот момент был Е. Шиндлер¹⁹. Конференцию беспартийных национальных меньшинств планировалось провести в Перми 7 августа 1921 года. На мероприятии должны были быть заслушаны доклады о «белом терроре», о «продналоге и кооперации» и др. Интересна квота для участия в конференции: по одному человеку от 10 пермяков, 20 поляков, 5 китайцев и корейцев, 3 венгров и латышей, 2 немцев. Организацией конференции занимался подотдел национальных меньшинств при губисполкоме²⁰. Однако протокола конференции в источниках не сохранилось. На ослабление деятельности секций нацмен после 1921 года оказал влияние и тот факт, что многие из них

¹³ Пленум губкома // Звезда. 1921. 11 фев.

¹⁴ См.: Извещения // Звезда. 1921. 16 марта.

¹⁵ Седьмая Пермская губернская конференция // Звезда. 1921. 27 фев.

¹⁶ Извещения // Звезда. 1921. 23 фев.

¹⁷ Седьмая Пермская губернская конференция // Звезда. 1921. 27 фев.

¹⁸ Губисполком у железнодорожников // Звезда. 1921. 20 марта.

¹⁹ Извещения // Звезда. 1921. 26 июля.

²⁰ 7-го августа созывается беспартийная конференция национальных меньшинств // Звезда. 1921. 5 авг.

функционировали на базе сообществ беженцев, численность которых с 1921 года начала сокращаться. Начиная с 1920 года местные газеты регулярно писали об отбытии эшелонов с беженцами на родину. В итоге количество пермских поляков, латышей и евреев, уроженцев польских губерний, сократилось до минимума²¹.

Согласно имеющимся источникам, в пермское губернское, а затем окружное бюро нацмен в разное время входили венгерская, польская, мусульманская, украинская, немецкая, удмуртская (вотская), пермяцкая, татаро-башкирская (Татбашбюро), латышская, австрийская, литовская, эстонская, китайско-корейская и еврейская (в качестве отдела Комиссариата по еврейским делам) секции.

После 1923 года вся работа с этническими объединениями сосредоточилась вокруг Татбашбюро, а к середине 1930-х годов она практически прекратилась.

1.1.1. Комиссариат по мусульманским делам и Губернское бюро татар и башкир в Прикамье в 1918–1921 годах

До создания бюро нацмен национальным вопросом в губернии занималось отделение Комиссариата по мусульманским делам, сформированного большевиками в январе 1918 года²². Он создавался с расчётом на конфессиональную идентификацию татарского, башкирского и другого мусульманского населения²³. 19 июня 1918 года местное отделение Комиссариата выпустило два приказа в местных органах печати. В первом говорилось о создании при Центральном мусульманском комиссариате 1-го Татаро-Башкирского батальона рабоче-крестьянской Красной Армии «для приобщения трудового мусульманства к революционной семье красноармейцев»²⁴. Вторым приказом предписывалось местным органам власти создавать военные отделы, которые должны были заниматься набором добровольцев в армию и вести пропаганду, «привлекая в неё сознательный революционный пролетариат»²⁵. В источниках сохранилась фамилия

²¹ Губэвак извещает // Звезда. 1921. 19 нояб.

²² Комиссариат по делам мусульман Внутренней России был создан 17 января 1918 года. См.: Декрет об учреждении Комиссариата по мусульманским делам // Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 – 25 марта 1918 года. М., 1957. С. 367.

²³ Густерин П. В. Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 92–93.

²⁴ От пермского комиссариата по мусульманским делам // Известия Пермского губисполкома. 1918. 19 июня.

²⁵ Там же.

первого заведующего пермским отделом Комиссариата по делам мусульман, это был некто Брундуков.

Одно из первых собраний мусульман Прикамья состоялось 21 сентября 1918 года на Усьвинских угольных коях, где работало большое количество татар, симпатизировавших большевикам. Атмосферу собрания передают названия докладов участников: «Чехословаки, белогвардейцы, социал-предатели и их вред для мусульманского пролетариата»; «Значение советской власти для крестьян и рабочих мусульман и мелких национальностей вообще»; «Новые реформы народного образования» и др. На собрании было решено создать местный отдел комиссариата, открыть вечерние курсы для взрослых мусульман. Организаторы также призвали участников вступать в ряды Красной Армии²⁶. Позднее, в октябре 1918 года, на базе воинских частей города Перми даже были организованы курсы для агитаторов-мусульман, «учитывая недостаток таковых в уездах Пермской губернии». Планировалось, что обучение в течение месяца пройдут 35 человек из следующих уездов: Осинский – 10 человек, Красноуфимский – 10, Верхотурский – 6, Кунгурский – 3, Пермский – 3, Усольский – 3. Одним из требований к участникам курсов было хорошее знание русского языка²⁷.

Немало информации отложилось в источниках и в связи с привлечением мусульман к мероприятиям по празднованию первой годовщины революции. Агитация началась с середины октября 1918 года. На тот момент, согласно источникам, помимо Комиссариата по делам мусульман в Прикамье уже работали коммунистическая ячейка мусульманской социалистической роты, Клуб красноармейцев и рабочих мусульман, издавалась газета «Кызыл Урал» («Красный Урал»). Руководителями подготовки были избраны Еникеев, Брундуков (комиссар по делам мусульман – **М.К.**) и Мухтаров. На встрече с мусульманским активом в Перми революция называлась «дорогим для мелких национальностей праздником полного освобождения из-под ига царствующей и диктующей нации»²⁸. Для празднования планировалось создать хор из красноармейцев и городской мусульманской молодёжи, а для исполнения выбраны «Марсельеза», «Варшавянка» и похоронный марш на татарском языке. Отдельные мероприятия по случаю годовщины революции прошли на территории Бардымской волости, где проживали в основном татары и башкиры. Для местного населения был проведён митинг с участием агитаторов-татар

²⁶ Среди рабочих мусульман // Известия пермского губисполкома. 1918. 23 сент.

²⁷ Агитаторские курсы для мусульман г. Перми // Известия Пермского губисполкома. 1918. 11 окт.

²⁸ Подготовка рабочих и крестьян мусульман к празднованию годовщины революции // Известия пермского губисполкома. 1918. 18 окт.

из Перми²⁹. В г. Чусовом в дни празднования годовщины революции местным татарским коммунистам был зачитан доклад «М. Вахитов и восточный пролетариат». А лысьвенская труппа показала бесплатный спектакль с участием актеров-татар, в праздничном митинге по случаю годовщины революции приняло участие 200 человек. Кроме этого, 1 ноября 1918 года на собрании татар в этом городе была прочитана лекция на татарском языке «Военная трудовая школа», на которую было приглашено 50 человек³⁰.

Не остались без внимания культура и образование. С 16 октября 1918 года в с. Сараши Осинского уезда начала работать мусульманская учительская семинария с целью ликвидации безграмотности и организации культурно-просветительской работы среди мусульманских крестьян и рабочих³¹. В Перми мусульманская семинария начала работать в ноябре 1918 года, функционировал мусульманский клуб Тайгуриной³².

На заводе в Добрянке был организован мусульманский кружок драматического искусства, а местный активист т. Мухматьянов вёл просветительскую работу среди мусульманского населения, за что получил благодарность от мусульман на общем собрании³³. С мая 1918 года в связи с необходимостью собственный комиссариат по делам мусульман открылся в Кунгурском уезде³⁴. Кроме этого, по инициативе бюро в ноябре 1918 года был проведён Пермский уездный съезд мусульманской бедноты³⁵. Принимая во внимание важность сотрудничества с татарским и башкирским населением, большевики закрывали глаза на религиозную жизнь мусульман. Так, отдельным постановлением местных органов власти татарам и башкирам разрешалось не работать в период проведения праздника «Курбан байрам»³⁶.

После отступления армии А. Колчака из Перми работа с мусульманским населением возобновилась. Судя по источникам, уже в июле 1920 года в возобновившем свою работу мусульманском клубе Тайгуриной проводились митинги, «спектакли на мусульманском

²⁹ Митинг мусульман // Известия Пермского губисполкома. 1918. 18 окт.

³⁰ Среди мусульман (Чусовской завод) // Звезда. 1920. 1 нояб.

³¹ Среди мусульман // Известия Пермского губисполкома. 1918. 26 окт.

³² Открытие мусульманской семинарии // Известия Пермского губисполкома. 1918. 15 нояб.

³³ Среди мусульман // Звезда. 1921. 24 апр.

³⁴ Комиссариат по делам мусульман в Кунгуре // Известия Пермского губисполкома. 1918. 19 июня.

³⁵ Пермский уездный съезд мусульманской бедноты // Известия Пермского губисполкома. 1918. 15 нояб.

³⁶ Извещения // Звезда. 1921. 5 авг.

языке», концерты в поддержку созданного мусульманского приюта³⁷. Например, 1 июля 1920 года мусульманский клуб проводил концерт и митинг. С 9 по 17 сентября 1920 года в Перми работали агитаторы с парохода «Красный Урал», который был снаряжён специально для работы с мусульманским населением. Согласно отчёту основная работа велась среди татар Пермского гарнизона. Всего было организовано пять митингов с общим количеством участников 2000 человек. Темы бесед: «Текущий момент», «Вред дезертирства», «Мир на штыках Красной Армии», «Советское строительство» и др. Отдельно проводилось обучение для агитаторов-коммунистов. В одной из частей прошёл показ диафильма «Февральская и Октябрьская революция» с комментариями на татарском языке, сеанс этой газеты называли «волшебным фонарём с картинками»³⁸. Отметим, что деятельность советских активистов и агитаторов не всегда благожелательно воспринималась местным населением. В июне 1920 года, например, во время поездки в Осинский район для организации «Недели помощи Западному фронту» местными жителями был убит агитатор Хусаин Шайхатаров³⁹.

К 30 ноября 1920 года относится упоминание об учредительном собрании Губернского татаро-башкирского бюро (Губтатбашбюро). По всей видимости, бюро приняло на себя функции отдела Комиссариата по мусульманским делам⁴⁰. Первым председателем Губтатбашбюро был избран Шамсутдинов. Ответственным редактором газеты «Кзыл Тан» («Красный рассвет») – Кабиров. Бюро собиралось еженедельно, протоколы собраний сохранились в ПермГАСПИ⁴¹. С 6 по 16 января 1921 года Губтатбашбюро были организованы курсы для мусульман в с. Кояново Пермского уезда, на которые обязаны были явиться все мусульмане – работники просвещения, а также «школьники, внешкольники и дошкольники»⁴². В конце февраля 1921 года, когда на Седьмой губернской партийной конференции был заслушан доклад на тему «Национальные меньшинства», работа татаро-башкирской секции уже отмечалась как наиболее результативная: она вела активную деятельность по посевной кампании и издавала свою газету⁴³. Губтатбашбюро было единственным из всех секций национальных меньшинств, имевшим собственное молодёжное объединение. Пермское

³⁷ Работа мусульманок // Звезда. Красная труженица. 1920. 2 июля.

³⁸ Среди красноармейцев-мусульман (работа парохода «Красный Урал») // Звезда. 1920. 5 окт.

³⁹ Сотрём подлых убийц // Звезда. 1920. 29 июня.

⁴⁰ ПермГАСПИ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ф. 557. Оп. 1. Д. 105.

⁴² Мусульманские курсы просвещения // Звезда. 1921. 5 янв.

⁴³ Седьмая Пермская губернская конференция // Звезда. 1921. 27 фев.

татаро-башкирское отделение РКСМ даже направляло собственное обращение в поддержку движения молодёжи Востока⁴⁴.

Велась работа и среди беспартийных. Так, 6 марта 1921 года в Перми была организована первая беспартийная конференция красноармейцев татар и башкир. Местом проведения стал бывший Агафуровский дом (ул. Торговая, 64). Начальник военсекции Опарин обращался со страниц газеты с просьбой ко всем частям гарнизона провести выборы делегатов и направить на конференцию по одному представителю от пяти человек⁴⁵. 20 марта 1921 года после получения известия о мятеже в Кронштадте Губтатбашбюро совместно с вотсекцией (актив обоих находился в пермском гарнизоне) организовало митинг. Видимо, для обеспечения явки было объявлено, что после мероприятия все участники приглашаются на спектакль⁴⁶. В сентябре 1921 года Татбашбюро наравне со многими другими секциями организовало работу по помощи голодающим. Активистами было проведено два спектакля и два концерта, в результате благотворительной акции было собрано 3 млн рублей. Кроме этого, организована продажа литературы, выпущен специальный номер татарской газеты «Кзыл Тан», посвящённый помощи голодающим Поволжья, «Ашлар Гаярдам» («Помощь голодающим»). К работе присоединилась и мечеть, прихожане которой собрали в фонд помощи голодающим 200 тыс. рублей⁴⁷. 2 апреля 1921 года в д. Канабеки Пермского уезда состоялась Первая районная конференция беспартийных татар, в которой приняли участие 54 человека. Судя по резолюции, «глубоко» приветствующей борьбу с Антантой, введение продналога и работу по просвещению молодёжи, можно предположить, что мероприятие было плановым⁴⁸.

Отдельное направление работы касалось женского населения, поскольку большевики придавали большое значение «раскрепощению женщины» и уравниванию её статуса с мужчинами. В газете «Звезда» раз в месяц даже выходило специальное приложение «Красная труженица». Местные газеты часто писали, что революция в меньшей степени коснулась именно мусульманок. «Женщины-мусульманки совершенно не принимают участия в работе советского аппарата», – писала в сентябре 1921 года газета «Звезда»⁴⁹. В этой связи общественное движение женщин, представляющих мусульманские народы, поддерживалось административно и информационно.

⁴⁴ Показали свою солидарность // Звезда. 1921. 7 мая.

⁴⁵ Мусульманская конференция // Звезда. 1921. 4 марта.

⁴⁶ Митинг для татар // Звезда. 1921. 18 марта.

⁴⁷ Мусульмане – голодающим // Звезда. 1921. 10 окт.

⁴⁸ Беспартийная конференция мусульман // Звезда. 1921. 19 апр.

⁴⁹ Из жизни женщин мусульманок // Звезда. 1921. 17 сент.

Так, в г. Осе, когда после местных выборов в исполкомах уезда не оказалось ни одной женщины-мусульманки, газета «Звезда» писала, что «необходимо женотделам приготовить известный кадр опытных агитаторов и организаторов из среды женщин-мусульманок»⁵⁰. Особое внимание уделялось проведению мероприятий в отдалённых районах. 15 января 1921 года в д. Краснояре Осинского уезда прошла уездная конференция мусульманок. Согласно источнику, участие в конференции приняли 80 делегатов мусульманского вероисповедания. Как сообщалось, на конференции было заслушано девять вопросов, касавшихся воспитания детей и отношений мужчин и женщин и др. В протоколе значится, что одна из присутствовавших даже задала вопрос о законности многожёнства⁵¹. В октябре 1921 года в Осинском уезде была проведена беспартийная конференция женщин-мусульманок, к участию в которой допускались только представители крестьянских семей мусульман уезда. На конференции обсуждались следующие вопросы: «Текущий момент и помощь голодающим», «Доклад Второй губернской конференции женщин Востока», «Продналог и участие мусульманки», «Ближайшие задачи женщин-мусульманок». В каждой волости, согласно официальной информации, удалось собрать от 40 до 80 участниц. Организаторы также всячески подчёркивали важность вовлечения в общественную жизнь мусульманок, которые должны «освободить себя от рабства и пойти рука об руку с русской женщиной»⁵². Кроме этого, газета «Звезда» писала о субботнике в детском приюте для татар Перми, в котором принимали участие татарки⁵³.

Несколько особняком от Губтатбашбюро с его развитой сетью существовала и Пермская городская татаро-башкирская организация, которая начала свою работу 2 марта 1921 года. В этот день состоялось первое после Гражданской войны собрание коммунистов татар и башкир города Перми. Известно, что 7 апреля 1921 года горсекретариат при Губтатбашбюро проводил общее собрание коммунистов и кандидатов в партию в помещении мусульманского клуба⁵⁴.

Таким образом, и Комиссариат по мусульманским делам, и Губтатбашбюро создавались с целью выстраивания взаимодействия большевиков и мусульманского (татарского и башкирского) населения⁵⁵. Политика большевиков среди татар и башкир реализовывалась в русле

⁵⁰ Из жизни женщин мусульманок // Звезда. 1921. 17 сент.

⁵¹ Конференция женщин мусульманок // Звезда. Красная труженица. 1921. 27 янв.

⁵² У женщин мусульманок // Звезда. Красная труженица. 1921. 18 окт.

⁵³ Субботник работниц татарок // Звезда. Красная труженица. 1921. 16 марта.

⁵⁴ Коммунистам мусульманам // Звезда. 1921. 7 апр.

⁵⁵ В источниках Губтатбашбюро нередко называется мусульманской или «восточной секцией».

общей работы с общественностью (мобилизация в Красную Армию, работа с молодёжью, женотделами и беспартийными), но в местах компактного проживания или размещения мусульманского населения она автоматически становилась национальной политикой. Судя по всему, масштаб её деятельности далеко не охватывал всё мусульманское население. Работа сводилась к разовым мероприятиям, на которых удавалось собрать до 100 человек. Более того, активность большевиков часто наталкивалась и на неприятие, и даже противодействие со стороны местного населения.

После создания Уральской области и округов в 1923 году на территории Прикамья было создано четыре окружных Татбашбюро, а также отдельное районное бюро в Красноярском районе (совр. Бардымский район), где численность татар и башкир превышала 90 процентов населения. Работа бюро также велась по нескольким направлениям, самым важным из которых была работа с молодёжью, женщинами и беспартийными.

1.1.2. Пермская секция

Национально-культурное советское общественное движение началось в пермских районах Прикамья ещё в 1920 году. Поскольку большая часть пермского населения проживала на территории современного Коми-Пермяцкого округа, основные мероприятия пермский актив реализовывал не в городе Перми, а в местах компактного проживания этого этноса. Так, известно о существовании Пролетарского сада в с. Коса, который создал местный женский отдел. «На своём пермском языке они выступают на вечерах и делают доклады», — писали об этом газеты⁵⁶. В 1921 году в с. Коча Чердынского уезда была организована работа по постановке спектаклей для населения, а также проведению субботников⁵⁷.

Ф. Г. Тараканов в своих воспоминаниях также сообщает о начале общественной работы с 1920 года, когда он с группой энтузиастов стал читать в пермских деревнях лекции на родном языке, проводил концерты коми-песни «Коми рыттэз»⁵⁸. Однако это движение возникло без участия местных советских органов, его работа поддерживалась властями создаваемой автономной области Коми, претендовавшей на территории проживания пермского населения. Лишь весной 1921 года пермским губкомом была объявлена бессрочная регистрация в ежедневном режиме всех «пермяков-коммунистов», проживающих

⁵⁶ Пермь за работой // Звезда. Красная труженица. 1920. 2 июля.

⁵⁷ Субботник пермячек // Звезда. Красная труженица. 1921. 5 мая.

⁵⁸ Тараканов Ф. Г. Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 17–18.

в Перми и Мотовилихе. Для тех, кто знал пермяцкий язык, явка была обязательной. Объявлялось, что неявившиеся будут караться «согласно партийной дисциплине»⁵⁹. 13–17 марта проводилась даже регистрация зырян-коммунистов, но о деятельности зырянской секции впоследствии ничего не сообщалось⁶⁰. Судя по всему, работа не принесла результатов, поскольку 29 апреля 1921 года в «Звезде» вновь появилось сообщение об «объявлении регистрации» в Пермское бюро при Губкоме РКП⁶¹. Параллельно 1 августа 1921 года в Перми открыто отделение автономной области Коми, которое проводило регистрацию зырян и пермяков по адресу ул. Покровская, 27⁶².

В целом необходимости в создании пермяцкой секции в городе Перми не было, общественная работа велась органами образования в территориях проживания пермяцкого населения. Однако деятельность пермяцкой секции демонстрирует, насколько сложно происходило взаимодействие между местными органами власти и создаваемыми по инициативе московского руководства отделениями Наркомнаца (подр. см. раздел 2.4.2. Дискуссии о самоопределении пермяцкого населения. Создание Коми-Пермяцкого округа).

1.1.3. Удмуртская (Вотская) секция

В первые годы советской власти удмурты активно вовлекались в реализацию национальной политики⁶³. По источникам видно, что в Перми в начале 1920-х годов была расквартирована красноармейская рота, укомплектованная практически из одних удмуртов⁶⁴. О «красноармейцах Пермского гарнизона вотской национальности», например, неоднократно писала газета «Звезда»⁶⁵. Местные власти взаимодействовали с ними через Вотсекцию. В частности, 7 августа 1920 года для «вотского населения Перми» в Загородном саду был организован концерт-митинг на родном языке. Комиссарам воинских частей, где были «коммунисты вотяки», было приказано отпустить красноармейцев на этот концерт⁶⁶. Создание Вотской секции обсуждалось на заседании губисполкома. Считалось, что её организация – необходимая мера, ввиду того, что в Пермском, Оханском и Осинском уездах существует «15 селений вотяков с общей численностью населения

⁵⁹ Извещения // Звезда. 1921. 10 марта.

⁶⁰ Извещения // Звезда. 1921. 12 марта.

⁶¹ Извещения // Звезда. 1921. 29 апр.

⁶² Извещения // Звезда. 1921. 10 авг.

⁶³ История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 93–95.

⁶⁴ Черных А. В. Удмурты Перми: история и культура. СПб., 2017. С. 22.

⁶⁵ Среди красноармейцев вотяков // Звезда. Красный солдат. 1920. 18 нояб.

⁶⁶ Вотский митинг // Звезда. 1920. 10 авг.

до 8000 человек, из которых 70–80 % совершенно неграмотны или малограмотны, не знают русского языка»⁶⁷. Однако секция начала работать только в 1921 году. Так, 7 марта 1921 года в губкоме с целью создания секции проводилось собрание «коммунистов вотяков гор. Перми и Мотовилихи»⁶⁸. Регистрация «всех коммунистов-вотяков гражданских и воинских ячеек» проводилась с 12 по 25 марта 1921 года. Явка объявлялась обязательной⁶⁹. 20 марта 1921 года после получения известия о событиях в Кронштадте созданная Вотсекция совместно с Губтатбашбюро (актив обоих находился в пермском гарнизоне) организовали митинг, после которого все участники были приглашены на спектакль⁷⁰. 22 декабря 1921 года «Звезда» писала, как для красноармейцев «вотской национальности» лекцию о заразных болезнях на их языке прочёл студент медицинского факультета Пермского университета Иванов. В основном лекция была посвящена трахоме, «развитой среди вотяков»⁷¹. С пермской Вотсекцией активно сотрудничало Центральное вотское бюро Совета нацменьшинств при Наркомнаце. При его участии удмурты Прикамья получали литературу на родном языке и квоты на обучение в вузах⁷².

В целом взаимодействие органов советской власти Прикамья с удмуртским населением ограничивалось преимущественно работой с солдатами, расквартированными в Перми, мероприятия носили разовый характер.

1.1.4. Украинская секция

Украинское население Прикамья не было многочисленным, однако в годы Первой мировой войны в Перми квартировалось несколько рот украинцев, которые не симпатизировали большевикам. Летом 1917 года солдаты с занятых немцами украинских территорий Российской империи, например, разогнали большевистский митинг против продолжения войны⁷³. Также в Перми располагался актив Украинского бюро РКП(б), эвакуированный сюда в 1918 году. Работа среди украинцев началась с открытия Украинского кружка, который

⁶⁷ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 106. Л. 14.

⁶⁸ Собрание коммунистов вотяков // Звезда. 1921. 4 марта.

⁶⁹ Извещения // Звезда. 1921. 12 марта.

⁷⁰ Митинг для татар // Звезда. 1921. 18 марта.

⁷¹ Вотская лекция // Звезда. 1921. 25 дек.

⁷² ГАПК. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 49. Л. 47.

⁷³ См.: Пермский вестник. 1917. 27 июня; *Каменских М. С.* Украинцы Прикамья в национальной политике большевиков в первые годы советской власти // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIII. Пермь, 2017. С. 113.

размещался по ул. Пермской, 70. В «Известиях Пермского губернского исполнительного комитета» за 4 июня 1918 года было опубликовано объявление, приглашающее украинцев города записаться в члены кружка: «К сведению украинцев. Правление пермского украинского кружка ставит в известность всех граждан-украинцев, что в доме № 70, по Пермской улице принимается запись в члены кружка, а также в хор, выдаются книги для чтения и разного рода справки у дежурного члена правления, каждый день с 6 часов вечера»⁷⁴.

После восстановления советской власти, в декабре 1919 года, большевики-украинцы подняли вопрос об эвакуации обратно на родину, всего 32 человека (члены партии, партийные инструкторы, работники советских учреждений и средств массовой информации Украины, рабочие с дореволюционным стажем)⁷⁵. Многие из них самостоятельно подали заявления об отправке их на родину и выехали к концу 1919 года, однако некоторым было отказано ввиду важности занимаемой должности и невозможности подыскать замену⁷⁶. Оставшиеся в Перми украинцы занялись общественной работой среди соотечественников в рамках бюро нацмен. По данным губкома партии, в Перми и Мотовилихе на 1920 год проживало 600 украинцев⁷⁷, что требовало отдельной работы. В этой связи выстраивание взаимодействия с ними было чрезвычайно важно для новой власти.

Решение Пермского губкома РКП(б) об открытии при бюро национальных меньшинств украинского отделения было принято 3 июля 1920 года, о чём и сообщалось в местном органе печати. Газета «Звезда» писала, что при большом количестве украинского населения «как культурно-просветительской, так и агитационной работы почти совершенно не велось», в связи с чем и создавалась украинская секция агитации и пропаганды при губкоме (также называется в источниках Украйбюро или Украйкомитет)⁷⁸. 28 июля 1920 года состоялось учредительное собрание бюро, председателем которого был избран т. Петров, а членами президиума – Блиндер, Мушинский, Балабанский, Дудка, Пикулев и др. Пермское Украйбюро имело свою собственную печать⁷⁹. После избрания председателя и президиума были намечены основные цели деятельности бюро, среди которых значились: учёт

⁷⁴ К сведению украинцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. 1918. 4 июня.

⁷⁵ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 103. Л. 45–48.

⁷⁶ Там же. Л. 64–65.

⁷⁷ Цифра может быть завышенной, поскольку не коррелирует с данными переписей населения 1920 и 1926 годов. См.: ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 5.

⁷⁸ Украинская секция при губкоме // Звезда. 1920. 3 июля.

⁷⁹ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 5 об.

всех украинских коммунистов, регистрация украинского населения, издание газеты на украинском языке, установление связей с бюро других губерний Урала, организация работы Украинского клуба «в культурно-просветительском отношении»⁸⁰.

В рамках своей работы Украйбюро наладило учёт украинского населения (в том числе беспартийного)⁸¹, проводило собрания, об этом информировала местная печать, ставило спектакли «с просветительской целью»⁸². При организации существовали Украинский коммунистический пролетарский клуб имени Т. Г. Шевченко и Драматическая секция⁸³. Кроме этого, организация вовлекала своих соотечественников в политическую деятельность через создание ячеек в городах губернии и участие в различных акциях, самыми крупными из которых были сбор средств для голодающих на Украине и призыв бороться с войсками Врангеля в 1920 году⁸⁴. Украйбюро даже издало брошюры на украинском языке с призывом помочь землякам⁸⁵.

В 1921 году при Украйбюро были созданы школа по ликвидации безграмотности на родном языке, трудовая коммунистическая артель по обработке земли. Усилиями пермских украинцев была установлена связь с ЦК Коммунистической партии Украины, с помощью которого в Пермь доставлялась литература на украинском языке. В отчёте Украйбюро за апрель 1921 года сообщается, что «литература имеется в достаточном количестве»⁸⁶. Правление созданного при секции Пермского украинского кружка приглашало соотечественников вступать в свои ряды, в украинский хор, распространяло книги среди украинцев⁸⁷.

Что касается работы по вовлечению украинского населения в политику, то она не была успешной даже по оценке самих украинских коммунистов. Согласно протоколу заседания Украйбюро от 4 декабря 1920 года зарегистрировать в бюро удалось только 46 пермских украинцев, из которых партийными были 11. В протоколах заседаний бюро по целому ряду вопросов сохранились формулировки «принять к сведению» и «работу поднять на должную высоту», что свидетельствует о неудовлетворённости руководства секции качеством работы Украйбюро⁸⁸. Показателен в этом плане протокол бюро от 11 августа

⁸⁰ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 48 об.

⁸¹ Извещения // Звезда. 1920. 26 нояб.

⁸² ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 33.

⁸³ Украинская секция при губкоме // Звезда. 1920. 3 июля.

ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 5 об.

⁸⁴ Призыв украинцев // Красный Урал. 1920. 20 мая.

⁸⁵ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 14–15.

⁸⁶ Там же. Л. 5 об.

⁸⁷ К сведению украинцев Перми и окрестных заводов // Звезда. 1921. 18 июня.

⁸⁸ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 28–28 об.

1920 года, где сообщается, что «вследствие перезагруженности членов бюро другими работами, работа бюро протекала не вполне нормально, поэтому просить Губком РКП (больш.) и те учреждения, где служат члены бюро, не перегружать их работой ввиду важности и усиления работы бюро»⁸⁹. По всей видимости, украинцы не могли заниматься общественными делами из-за занятости на своих основных местах работы. Но активизировать деятельность бюро не получилось. После 1921 года какой-то значимой информации о жизни украинцев в Перми в источниках не отражено.

Анализируя данные источников, можно заключить, что работе с украинцами, вовлечению их в политическую деятельность местные власти придавали большое значение (с учётом участия украинцев в разгоне большевистской манифестации в Мотовилихе в 1917 году). Однако взаимодействие с украинским населением по линии создания Укрбюро при губкоме не было достаточно успешным, что признавали сами большевики, однако и антисоветских выступлений и каких-либо других проблем, связанных с украинским населением, после 1918 года в источниках не фиксируется.

1.1.5. Пермский отдел Центрального комиссариата по еврейским делам (Пермский евком)

В Прикамье крупная еврейская община существовала ещё с конца XIX века⁹⁰. В годы Первой мировой войны еврейское население значительно пополнилось за счёт вынужденных переселенцев из западных губерний России. При Пермском губернском комитете Всероссийского земского союза был создан Комитет помощи беженцам⁹¹. В источниках 1918 года пермские еврейские общественные организации оценивали свою численность в городе Перми в 5535 человек⁹². На момент прихода к власти большевиков самой влиятельной еврейской организацией была Еврейская община, которой руководил Еврейский общинный совет. Кроме этого, работали отделения еврейских партий «Бунд» и «Поалей Цион»⁹³.

21 января 1918 года в составе Народного комиссариата по делам

⁸⁹ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 29.

⁹⁰ Народы Пермского края. История и этнография. Т. 2. Пермь, 2014. С. 66–71.

⁹¹ *Баженова К. Е.* Деятельность организаций Всероссийского земского союза и всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 22.

⁹² ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 9. Л. 48.

⁹³ См.: *Каменских М. С.* Еврейский комиссариат и евреи в общественной жизни Пермской губернии 1918 года (по данным архивных материалов) // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 3 (42). С. 66.

национальностей был создан Центральный комиссариат по еврейским национальным делам (евком), который в своей инструкции предлагал «при каждом губернском городе и в уездных городах с еврейским населением при Совдепе открывать отдел Комиссариата»⁹⁴. На тот момент в стране работало несколько еврейских общественных организаций, и новый комиссариат, вероятнее всего, создавался для перехвата инициативы и установления монополии большевиков в еврейском общественном движении⁹⁵.

Первое собрание евреев, «стоящих на платформе советской власти», состоялось в Перми 22 июня 1918 года. Судя по всему, оно было инициировано московским Комиссариатом по еврейским национальным делам, поскольку с докладом «О значении Октябрьской революции для еврейского пролетариата» на учредительной конференции выступил представитель комиссариата Розин-Меерович. Он призвал присутствовавших создать пермский отдел Центрального комиссариата по еврейским национальным делам. В своём докладе он подчеркнул, что «еврейская рабочая масса осталась пассивной к революции, только частица её приняла участие, ещё поныне на еврейской улице всевластвует еврейская буржуазия»⁹⁶.

Пермский евком, согласно принятой резолюции, создавался в противовес Еврейской общине на платформе левых фракций пермских ячеек партий «Поалей Цион» и «Бунд»⁹⁷. «Еврейская община не отвечает интересам рабочих масс... Отныне пермский отдел комиссариата (евком – **М.К.**) будет считаться единой властью во внутренней национальной жизни евреев», – говорилось в итоговой резолюции⁹⁸. Примечателен и тот факт, что на собрании не было представителей ни губисполкома, ни губкома, а присутствовало, судя по протоколу, всего шесть человек⁹⁹. Даже когда в дальнейшем Пермский евком будет вести более активную работу, количество его сторонников принципиально не увеличится. В документах списочный состав членов евкама

⁹⁴ Декрет СНК от 21 января 1918 г. «О Комиссариате по еврейским делам» // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 274.

⁹⁵ В рамках данного раздела не был запланирован анализ богатой историографической традиции, посвящённой изучению отношения евреев к Революции 1917 года. На сегодняшний день эта работа уже проделана В. Г. Чеботарёвой и О. В. Будницким. См.: *Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*. М., 2005. С. 72–93. *Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР...* С. 21–26.

⁹⁶ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁹⁷ Постановления Губернского исполнительного Комитета Советских Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов. 1918. 3 июля. № 7 // Известия Пермского губисполкома. 1918. 3 июля.

⁹⁸ Среди еврейских пролетариев // Известия Пермского губисполкома. 1918. 4 июля.

⁹⁹ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

не будет превышать 10 человек¹⁰⁰. В соседнем с Пермью Екатеринбурге такого отделения вообще создано не было, поскольку революционно настроенные евреи объединились в образованный на базе находящейся в коалиции с меньшевиками партии «Поалей Цион» Еврейский рабочий клуб¹⁰¹. Обращает на себя внимание и возрастной состав участников евкома. Не секрет, что наиболее активным сторонником радикальных большевистских идей была молодёжь, и этот ресурс большевики успешно использовали. Инициаторами создания евкома также были молодые люди. Актив организации составляли Соломон Шпринц (1898 г. р.), Иосиф Линкович (1898 г. р.), Абрам Миревич (1891 г. р.), Моисей Кац (1898 г. р.), Исер Хазанов, председатель (1898 г. р.), т. е. старше 30 лет не было никого, а председателю евкома было только 20 лет¹⁰².

Деятельность организации осуществлялась в двух направлениях: повышение влияния среди еврейского населения с использованием ресурсов других еврейских общественных организаций и формирование лояльного отношения к новой власти местного еврейского сообщества. За время своей деятельности евком с разной степенью успешности отметился работой по ликвидации Еврейского общинного совета, созданием Еврейского рабочего клуба «III Интернационал» и работой с беженцами, а также организацией мобилизации евреев Перми в Красную Армию.

На основании вышедшего 21 июня 1918 года декрета Совета народных комиссаров¹⁰³ действовавшие до этого советы еврейских общин упразднялись. Было решено «реорганизовывать их на началах диктатуры рабочих и беднейших слоёв населения»¹⁰⁴. 14 июля Пермский евком опечатал помещение Еврейской общины и Еврейского общинного совета. Организации официально были объявлены распущенными, их имущество передавалось местному евкому¹⁰⁵. 1 сентября губисполком уполномочил А. Р. Банка и М. Е. Каца принять на баланс евкома имущество Еврейского общинного совета в доме Вычеславского на ул. Б. Ямской и все его финансовые средства¹⁰⁶. Согласно «Акту передачи кассы еврейской общины в собственность Еврейского комиссариата», на счету организации было 166 137 рублей 55 копеек. Однако эти

¹⁰⁰ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 14. Л. 45–47.

¹⁰¹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15. Л. 31–32.

¹⁰² ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 9. Л. 159.

¹⁰³ 21 июня. Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам о пленных и беженцах // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 247.

¹⁰⁴ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 3. Л. 36–37.

¹⁰⁵ Разгон Пермского Еврейского Общинного Совета // Известия Пермского губисполкома. 1918. 21 июля.

¹⁰⁶ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 9. Л. 22.

средства не были переданы евкому, несмотря на его многочисленные просьбы¹⁰⁷. От предыдущей организации евкому досталась только библиотека (ул. Кунгурская, 34). Со страниц «Известий Пермского губисполкома» библиотечная секция евкама 19 октября 1918 года даже обращалась к евреям Перми с просьбой пополнить библиотечный фонд. Предлагалось приносить «книги на еврейском языке» или на русском, если они касались еврейской жизни. «Мы глубоко уверены, что широкие еврейские народные массы сочувственно отнесутся к нашему призыву и дружно возьмутся за общее дело содействия в создании столь важного еврейского культурного органа», – говорилось в обращении¹⁰⁸. Можно с уверенностью предположить, что лишённый помещения Еврейский общинный совет вывез из библиотеки книжный фонд, в связи с чем евкому и понадобилось его срочно пополнять.

С сентября 1918 года активисты евкама начали работу по созданию еврейского рабочего клуба «III Интернационал» и народного театра, который планировалось организовать на месте бывшей еврейской библиотеки. Клуб был открыт в октябре 1918 года¹⁰⁹. Предполагалось, что в нём будут читать лекции на политические, литературные и научные темы¹¹⁰. На торжественном открытии клуба организаторы исполняли еврейские народные песни и еврейскую музыку¹¹¹. Работу клуба должны были обеспечить еврейские пролетарии, однако они не слишком активно в него записывались. Во всяком случае, и газета «Известия Пермского губисполкома», и Пермский евком через публикацию отдельных воззваний несколько раз убеждали еврейский пролетариат вступать в ряды членов клуба¹¹². Тем не менее при большом количестве документов, раскрывающих историю создания клуба и организацию его деятельности, практически нет материалов о его непосредственной работе. Согласно отчёту в клубе за всё время его существования, с октября по декабрь 1918 года, собирались всего один раз, его активистами были четыре человека – члены правления евкама. Посещаемость клуба составляла от 15 до 20 человек¹¹³. Таким образом, несмотря на инициативу и поддержку, евкому не удалось создать мощный культурный центр для местного еврейского населения.

¹⁰⁷ В архиве сохранилось немало писем евкама в адрес Еврейского общинного совета, где сообщалось, что средства до сих пор не получены. См.: ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 20. Л. 66.

¹⁰⁸ К товарищам гражданам евреям // Известия Пермского губисполкома. 1918. 19 окт.

¹⁰⁹ Местная жизнь // Известия Пермского губисполкома. 1918. 12 окт.

¹¹⁰ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 9. Л. 38–40а.

¹¹¹ Там же. Д. 4. Л. 3.

¹¹² Там же. Д. 1. Л. 4.

¹¹³ Там же. Д. 11. Л. 1–1 об.

Для повышения своего авторитета Пермский евком даже имел право содействовать евреям в осуществлении религиозной деятельности. Так, даже после революции в еврейской школе продолжали изучать идиш и религиозную литературу¹¹⁴. В сентябре 1918 года евком официально просил Пермский продотдел выделить «к наступающим еврейским осенним праздникам кошерного мяса 10 голов скота» для еврейского населения Перми, употребляющего мясо, приготовленное лишь по еврейскому религиозному ритуалу. Заднюю часть туши, как «неупотребляемую в еду», евком обещал вернуть в продотдел¹¹⁵. В источниках сохранилось удостоверение гражданина Гирша Сапожникова, согласно которому он направлялся в Красноуфимск для исполнения обязанностей «резника и кантера к наступающим еврейским праздникам»¹¹⁶. А у городского отдела социального обеспечения еврейский комиссариат просил выдать 20 аршин белой материи для савана умершему Хоне Краконовскому¹¹⁷. Также в переписке с губисполкомом есть ведомость выдачи беднейшим евреям на пасху 662 рублей¹¹⁸.

Понимая, что их работа организована не так, как хотелось бы губисполкому, активисты евкама со второй половины октября 1918 года начали усиленно готовиться к празднованию годовщины Октябрьской революции, о чём свидетельствует большое количество писем по этому вопросу, направленных в губисполком. В них активисты евкама запрашивали у властей денежные средства, красные ленты и гирлянды, которыми планировалось украсить здание еврейского рабочего клуба¹¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что местные власти неохотно шли на контакт с евкомом, поскольку он создавался как отделение общесоветской организации. В источниках не сохранилось упоминаний об участии членов губисполкома или губкома в его мероприятиях. В переписке с губисполкомом евком постоянно требовал поставки различных продуктов и выделения финансовых средств, направляя соответствующие сметы и расчёты. Но, судя по источникам, эти средства он не получал. 30 октября 1918 года председатель евкама И. Хазанов даже направил в Центральный комиссариат по еврейским национальным делам письмо, в котором сообщал, что его комиссариат работает без всяких средств, так как «местный совдеп не оказывает евкуму

¹¹⁴ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 2. Л. 136.

¹¹⁵ Там же. Д. 9. Л. 29.

¹¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 152.

¹¹⁷ Там же. Д. 4. Л. 10.

¹¹⁸ Там же. Л. 120.

¹¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 46.

содействия и игнорирует его ходатайства», и что «за неимением средств комиссариат принужден будет ликвидироваться сам немедленно»¹²⁰.

Скорее всего, для губисполкома евком был не важной социальной базой, а инструментом противодействия еврейской общине. Это подтверждает и тот факт, что единственный вопрос, на который губисполком отреагировал, касался обложения налогами наиболее состоятельных до революции евреев¹²¹. С инициативой такого обложения вышел сам евком. Активистами организации был составлен список лиц, подлежащих единовременному обложению налогом в пользу Пермского евкама. Список включал 189 человек, наиболее состоятельных евреев Перми, с общей суммой обложения 45 550 рублей¹²². Однако в попытке обложения соплеменников налогами активисты евкама не пошли (или не решились пойти) дальше переписки. В письмах состоятельным евреям они в уважительной форме просили делать взносы со ссылкой на решения комиссариата и на необходимость помощи беднейшим евреям. В ответных письмах адресаты, как правило, либо отказывались, либо просили отложить платёж¹²³.

Последнее, чем ещё отметился Пермский евком, – это мобилизация проживавших в Прикамье евреев в Красную Армию. В октябре 1918 года было решено создать отдельный отряд евреев в составе 5-го Виленского полка Западной дивизии, который формировался в Москве по приказу Л. Троцкого для «освобождения» Литвы. Информацию об этом Пермский губком и местные еврейские организации получили от организации коммунистов 5-го Виленского полка¹²⁴. 23 ноября «Известия Пермского губисполкома» уведомляли о создании еврейского полка в Западной стрелковой дивизии¹²⁵. Кроме того, Пермский евком выпустил воззвание «К еврейским рабочим!», где также призывал вступить в ряды Красной Армии для освобождения Литвы¹²⁶. Запись в отряд проводилась ежедневно в здании евкама. В архивах сохранилось немало копий воззваний к еврейским рабочим о вступлении в полк и лишь одно заявление Александра Григорьевича Левина о желании в него вступить¹²⁷. Не было информации и об отправлении такого отряда из Перми, хотя есть все основания предполагать, что в случае его отправки местные газеты наверняка отразили бы данный факт.

¹²⁰ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 9. Л. 173.

¹²¹ Там же. Д. 4. Л. 115–156.

¹²² Там же. Д. 19. Л. 1–20.

¹²³ Подр. см.: *Каменских М. С.* Еврейский комиссариат... С. 69.

¹²⁴ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 4. Л. 106–106 об.

¹²⁵ Вниманию еврейских рабочих // *Известия Пермского губисполкома*. 1918. 23 нояб.

¹²⁶ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹²⁷ Там же. Л. 76.

30 ноября 1918 года председатель евкома И. Ф. Хазанов был призван в Красную Армию. В декабре в евкоме оставалось шесть человек, их руководителем был Моисей Юделевич Кривицкий¹²⁸. 6 декабря 1918 года решением губисполкома евком был выселен из здания на Кунгурской, 34 без объяснений и указания нового адреса¹²⁹. На этом его деятельность фактически завершилась.

Деятельность еврейской секции была восстановлена, когда 30 сентября 1920 года губком через официальные издания уведомлял о начале регистрации евреев-коммунистов¹³⁰. В июне 1921 года по адресу Сибирская, 16 состоялось собрание рабочих евреев, стоявших на платформе советской власти. На собрании был заслушан доклад об отношении евреев к советской власти, принята соответствующая резолюция¹³¹. Однако каких-то более серьезных фактов, связанных с еврейской организацией, в источниках не отражено. По всей видимости, к 1921 году количество евреев-беженцев в Перми было уже не столь велико, а местная община не шла на активное сотрудничество с властями.

Изучение истории создания и деятельности пермского отдела Центрального комиссариата по еврейским национальным делам позволяет оценить сразу несколько аспектов национальной политики большевиков. Создавая еврейские комиссариаты, большевики пытались подчинить своему влиянию как старые еврейские организации, так и возникшие революционные еврейские общественные институты. Для достижения этой цели новая власть была готова идти на уступки, связанные с поддержкой религиозных верований, финансированием спорных проектов. В этой работе большевики делали ставку на наиболее радикально настроенную молодёжь из пролетарской среды. Важно отметить, что созданные по инициативе Центрального комиссариата ячейки не находили поддержки у местных властей. Губисполком не придавал большого значения работе евкома, но и не мешал ей. Для губисполкома деятельность евкома представляла интерес только с точки зрения налогообложения состоятельных евреев и мобилизации евреев в Красную Армию. Поэтому, когда необходимость в работе евкома отпала, никто не стремился его поддерживать, организация перестала функционировать сама собой.

1.1.6. Латышская секция и клуб «Циня»

В начале XX века за счёт рабочих пермских заводов, а также переселенцев Столыпинского времени в Прикамье уже существовало небольшое сообщество латышей, которое существенно пополнилось в годы

¹²⁸ ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 20. Л. 126.

¹²⁹ Там же. Д. 2. Л. 44.

¹³⁰ Извещения // Звезда. 1920. 30 сент.

¹³¹ Извещения // Звезда. 1921. 21 июня.

Первой мировой войны¹³². На сегодняшний день сложно оценить даже примерную численность латышей Перми в 1917 году, но очевидно, что речь может идти о нескольких сотнях или даже тысячах человек, о чём косвенно свидетельствуют масштабы деятельности латышских общественных организаций. Еще в 1917 году на основании законов Временного правительства в Перми было зарегистрировано Пермское латышское общество. Документы о его создании были поданы 1 декабря 1917 года жителем Перми Андреем Мартыновичем Грекером (ул. Большая Ямская, д. 70, кв. 3) в регистрационный отдел Пермского окружного суда¹³³.

Учредителями общества, согласно заявлению, были:

– прапорщик 152-го пехотного запасного полка Карл-Артур Эрнстович Галвакин;

– учитель рукоделия Наталья Ивановна Берзина;

– инженер-строитель Эдуард Яковлевич Берзин;

– инженер-строитель Ян Юрьевич Лассма;

– учитель Андрей Мартынович Грекер;

– студент-техник Эдуард Яковлевич Озовин;

– вдова Елизавета Петровна Кайре¹³⁴.

Разные статусы и профессии учредителей свидетельствуют об интеграции латышей в местное сообщество и их многочисленности. К заявлению был приложен устав общества. Главной целью Пермского латышского общества было провозглашено «осуществление политических и социальных идеалов, удовлетворение национально-культурных потребностей и улучшение экономического положения своих членов и вообще латышского народа на благо Латвии и всего человечества»¹³⁵. Объединение не ставило своей целью извлечение прибыли. Особым пунктом оговаривалось, что членами общества могут быть не только латыши, но и сочувствующие им представители других национальностей.

В структуру общества входили совет, правление, общее собрание и ревизионная комиссия. Высшим его органом являлось общее собрание членов, которое проводилось раз в год, всю текущую работу осуществляло правление. В состав правления входили председатель, три его заместителя и секретарь. Все они утверждались путём голосования простым большинством голосов на общем собрании сроком на один год. Также в уставе оговаривалось, что все заседания общества должны вестись на латышском языке. С согласия членов любой выступающий мог использовать русский язык, но так, чтобы осуществлялся перевод на латышский. 8 декабря 1917 года регистрационный отдел внёс

¹³² Народы Пермского края. История и этнография. Т. 2. Пермь, 2014. С. 101–108.

¹³³ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 1.

¹³⁴ Там же. Л. 4.

¹³⁵ Там же. Л. 5–29, 36.

сведения в общий реестр под названием «Латышское общество в г. Перми»¹³⁶. К сожалению, никаких дальнейших упоминаний о деятельности этого общества под таким названием в источниках не сохранилось. Это, безусловно, связано с утверждением новой власти.

После окончательного установления советской власти работа с латышами сосредоточилась в руках латышского культурно-просветительского клуба «Циня», который возник в Перми в январе 1918 года по инициативе местных латышских рабочих «с целью подготовить рабочих к социалистическому строю, посредством разъяснения социально-политических и экономических вопросов и ознакомления с искусством, устраивая лекции, членские вечера, концерты и т. д.»¹³⁷. Позже местные газеты уже писали, что существовавшее ранее Латышское общество переизбрало свой совет. В новый состав было избрано 10 человек (П. К. Зарин, Вернер, Земмел, Крумин, Мука, Киплок, Каулен, Полис, А. Грекер, Берзуп), при этом только один из них (А. Грекер) входил в состав предыдущей организации¹³⁸. С июня 1918 года в газетах появляются сообщения о деятельности латышского клуба «Циня». Клуб размещался в Перми по адресу ул. Пермская, 145, запись новых членов клуба проводилась по понедельникам и субботам с 6 до 9 часов вечера¹³⁹. При клубе существовал певческий хор, участвовать в котором приглашались не только латыши, но и все заинтересованные. Хор проводил занятия по вторникам и пятницам¹⁴⁰.

Первую годовщину революции клуб «Циня», как и другие организации национальных меньшинств, встретил циклом мероприятий, о которых писали местные газеты. 18 октября 1918 года по инициативе организации была открыта латышская школа, получившая помещение в здании бывшего 5-го мужского училища на углу улиц Верхотурской и Пермской. В воскресный день 20 октября в клубе были прочитаны лекции агитаторов К. Пратнека с темой «Диктатура буржуазии и демократическая республика» и А. Розенберга «Диктатура пролетариата и Советская республика», а также состоялась концертная программа¹⁴¹. Через неделю «Известия Пермского губисполкома» писали, что на 27 октября планируется к проведению общее собрание членов клуба «Циня», где будут заслушаны доклады правления и комиссии, пересмотр-

¹³⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 5–29, 36.

¹³⁷ О культурной деятельности латышских рабочих // Известия Пермского губисполкома. 1918. 31 янв.

¹³⁸ Среди латышей // Известия Пермского губисполкома. 1918. 19 фев.

¹³⁹ Латышский культурно-просветительский клуб «Циня» // Известия Пермского губисполкома. 1918. 9 июня.

¹⁴⁰ Комиссия хорового пения // Известия пермского губисполкома. 1918. 11 июля.

¹⁴¹ Извещения // Известия Пермского губисполкома. 1918. 20 окт.

рен устав организации, проведены выборы руководящего состава. Объявление о собрании печаталось с пометкой «Собрание будет считаться полноправным при всяком числе явившихся», что косвенно указывает на проблемы организаторов с обеспечением массовой явки латышей¹⁴².

В ноябре 1918 года, после начала революционных событий в Германии, пермские коммунисты-латыши присоединились к серии интернациональных митингов, организованных Областным центром латышских секций РКП (б) Урала¹⁴³. А 17 ноября, как извещали газеты, в Перми в здании Лютеранской церкви святой Марии (пересечение улиц Ленина и Соликамской) будет проведён большой концерт-митинг, на котором планировалось прочитать доклады с революционной тематикой, исполнить революционные гимны¹⁴⁴. Последнее сообщение о деятельности латышского клуба «Циня» относится к 6 декабря 1918 года, когда газета «Известия Пермского губисполкома» сообщала о готовящемся собрании латышей Перми в здании по адресу ул. Пермская, 156¹⁴⁵. О его итогах и дальнейшей деятельности организации ничего не известно.

С началом действий Красной Армии на территории Латвии летом 1920 года фиксируется активизация деятельности губкома в отношении живших в Перми латышей. Предполагалось, что разделяющие социалистические взгляды латыши должны будут вступать в Красную Армию для «освобождения» своей исторической родины. Уже 20 июня 1920 года по инициативе губкома в Перми был организован митинг, в котором приняло участие 300 человек. На мероприятии перед собравшимися были прочитаны доклады о текущем моменте, положении в «белой Латвии», а также сообщение «О возвращении в Латвию», где местным латышам, большинство из которых, видимо, составляли беженцы, было предложено вступить в ряды Красной Армии. «Организованные и сознательные трудящиеся латыши признают, что в настоящее время в Латвии не рабоче-крестьянская, а власть кровожадной буржуазии. И потому они возвращаются в Латвию только с оружием в руках, чтобы свергнуть буржуазное правительство», – говорилось в итоговой резолюции. На следующий день после митинга состоялось организационное собрание латышей-коммунистов. Первым решением собрания было начать регистрацию всех латышей, проживающих в Пермской губернии¹⁴⁶. Латышские митинги и собрания, согласно

¹⁴² Извещения // Известия Пермского губисполкома. 1918. 24 окт.

¹⁴³ Извещения // Известия Пермского губисполкома. 1918. 13 нояб.

¹⁴⁴ Извещения // Известия Пермского губисполкома. 1918. 16 нояб.

¹⁴⁵ Извещения // Известия Пермского губисполкома. 1918. 6 дек.

¹⁴⁶ Латыши против белой Латвии // Звезда. 1920. 26 июня.

источникам, проводились ещё 16 июля¹⁴⁷, 20 июля¹⁴⁸, 3 октября¹⁴⁹. С 15 сентября 1920 года восстановила свою деятельность латышская школа, где проходили обучение дети латышей 4–16 лет¹⁵⁰.

Латышская секция и клуб «Циня» вели и культурную работу среди населения. В январе 1921 года при клубе был организован хор певчих, куда приглашались только «товарищи» латыши¹⁵¹. Хор собирался дважды в неделю по адресу ул. Екатерининская, 4. В феврале 1921 года от имени клуба «Циня» сообщалось о проведении семейного вечера для латышей: «Желательно, чтоб все тт. латыши явились на этот вечер»¹⁵². Сохранились и объявления о проведении спектаклей на латышском языке в исполнении активистов клуба¹⁵³. 16 апреля в клубе «Циня» началось чтение цикла лекций т. Бажбауэра с темой «Об истории искусства». Лекции, как правило, завершались семейными вечерами¹⁵⁴. В 1921 году собрания латышской секции, согласно источникам, проводились 13 и 21 января, 22 февраля, 28 июня, 4 июля, 11 октября¹⁵⁵. По количеству проводимых собраний это была самая активная секция бюро нацмен.

Пример организации клуба «Циня» показывает вариант реализации успешного взаимодействия большевиков с сообществом латышей в Прикамье. Организация не только проводила митинги и призывала соотечественников вступить в Красную Армию, но и вела конкретную работу с населением: организовала клуб, школу, семейные вечера и т. д., то есть обеспечивала культурные потребности.

1.1.7. Эстонская секция

Численность эстонцев в Прикамье к моменту прихода большевиков к власти была небольшой, основу общины составляли преимущественно выходцы из среды переселенцев времён Столыпинской реформы и эвакуированные после начала Первой мировой войны¹⁵⁶. Кроме этого, мае – июне 1918 года на Урале воевал Эстонский коммунистический батальон, переформированный позже в Первый Таллинский эстонский стрелковый полк. Он принимал участие в боях на Кунгурском

¹⁴⁷ Извещения // Звезда. 1920. 16 июля.

¹⁴⁸ Извещения // Звезда. 1920. 18 июля.

¹⁴⁹ Извещения // Звезда. 1920. 1 окт.

¹⁵⁰ Латышская школа // Звезда. 1920. 1 сент.

¹⁵¹ Извещения // Звезда. 1921. 25 янв.

¹⁵² Вниманию латышей // Звезда. 1921. 4 фев.

¹⁵³ Извещения // Звезда. 1921. 6 апр.

¹⁵⁴ Вниманию латышей // Звезда. 1921. 21 окт.

¹⁵⁵ См.: Извещения // Звезда. 1921. 12 янв., 21 янв., 20 фев., 27 июня, 4 июля, 10 окт.

¹⁵⁶ Народы Пермского края. История и этнография. Т. 2. Пермь, 2014. С. 347–351.

направлении¹⁵⁷. К началу июня 1918 года относятся первые сообщения о деятельности Эстонского рабочего клуба¹⁵⁸. Так, в помещении городского исполнительного комитета беженцев 9 июля 1918 года состоялось общее собрание для эстонских коммунистов, в котором, если верить газетам, приняло участие около 50 человек, но это было «самое многочисленное собрание эстонцев» в Перми. Необходимость этого собрания была вызвана подготовкой и проведением в Москве 13 июля Съезда эстонских коммунистов, куда нужно было направить делегата от Перми. Председателем собрания был избран Ю. Рясас, секретарем – Л. Виссак. Представлять Пермь на съезде уполномочили действовавшего на тот момент секретаря Мотовилихинской организации РКП(б) Я. Лийва¹⁵⁹. Эстонская секция также занималась изданием брошюр на эстонском языке для соотечественников¹⁶⁰. Источники сохранили сведения о попытках работы среди местных эстонцев приезжих христианских пасторов. Так, в августе 1918 года в Перми был задержан пастор Август Карлович Николь. По решению пермского ЧК он был расстрелян¹⁶¹.

В 1920 году после подписания мира между Советской Россией и Эстонией возникла проблема репатриации эстонцев. В Прикамье их численность на тот момент составляла 782 человека¹⁶². При поддержке губкома было создано Пермское эстонское общество, которое в первой же резолюции постановило «просить соответствующих местных властей об ускорении выяснения настоящего положения эстонских беженцев и отправки их на родину»¹⁶³. Обществом был даже разработан устав, однако в источниках не отложилось информации о какой-либо деятельности организации¹⁶⁴. После лета 1920 года сведений о деятельности эстонских общественных организаций уже не было. Вероятнее всего, большинство эстонцев вернулось на родину.

Таким образом, Эстонская секция также возникла в связи с необходимостью вовлечения оказавшихся в 1918 году в Прикамье эстонцев в русло большевистской политики. Как только закончилась Гражданская война, а численность эстонцев сократилась, их общественная организация перестала существовать.

¹⁵⁷ Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2010. С. 165.

¹⁵⁸ Хроники Эстонского рабочего клуба // Известия Пермского губисполкома. 1918. 9 июня.

¹⁵⁹ Эстонские коммунисты // Известия Пермского губисполкома. 1918. 17 июля.

¹⁶⁰ Брошюры на эстонском языке // Известия Пермского губисполкома. 1918. 10 окт.

¹⁶¹ Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае... С. 162–163.

¹⁶² Распределение населения обоего пола в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 года // Статистический сборник. Оханск, 1923. С. 38–39.

¹⁶³ ГАПК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

¹⁶⁴ Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Пермском крае... С. 169–171.

1.1.8. Польская секция

В Прикамье поляки массово появились ещё в XIX веке в результате размещения ссыльных участников польских восстаний. Позже община значительно пополнилась за счёт инженеров и технических специалистов, приехавших в период промышленного развития города Перми во второй половине XIX века. На средства общины был построен костёл, в городе имелось собственное польское кладбище. Помимо Перми крупная община поляков сложилась в Кунгуре¹⁶⁵. В годы Первой мировой войны их общее количество увеличилось за счёт беженцев. На начало 1918 года, таким образом, численность польского населения Прикамья может быть оценена в несколько тысяч человек¹⁶⁶. Поляки-беженцы ещё в 1917 году создали в Прикамье Польский комитет помощи беженцам. Он размещался во флигеле Дома Алина (ул. Сибирская, 17)¹⁶⁷. В 1918 году местными поляками также были созданы Польская партия социалистов (ППС) и Комитет польской группы РКП(б). ППС отметилась проведением митинга беженцев-поляков в январе 1918 года. В его резолюции организаторы обратились к местным властям с просьбой о «приближении срока нашего возвращения»¹⁶⁸. Польское отделение РКП(б), созданное в октябре 1918 года, разместилось по адресу ул. Петропавловская, 36 (в источниках организация часто именуется Польбюро – **М. К.**)¹⁶⁹. Известно о нескольких собраниях организации в период с апреля по октябрь 1918 года¹⁷⁰. Деятельность Польбюро, вероятно, была свёрнута в связи с занятием Перми армией А. Колчака. Однако и в этот период поляки вели активную общественную деятельность и были заметны в общественной жизни¹⁷¹.

Возобновление деятельности бюро приходится на 1920–1921 годы. По данным центрального Польбюро (г. Москва), в начале 1920-х годов в Прикамье существовали две польские секции – в Перми и Кунгуре. В Перми функционировали польский клуб, библиотека, две школы и детский сад с общим количеством обучающихся 70 человек¹⁷². Во второй половине 1921 года Польбюро занималось распространением газеты на польском языке «Трибуна коммунистическая» среди соот-

¹⁶⁵ Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2009. С. 47–71.

¹⁶⁶ Там же. С. 113–115.

¹⁶⁷ Извещения // Звезда. 1918. 20 апр.

¹⁶⁸ Цит. по: Черных А. В. Поляки Перми: история и культура. СПб., 2017. С. 24.

¹⁶⁹ Комитет Польской группы РКП (большевиков) // Известия Пермского губисполкома. 1918. 19 окт.

¹⁷⁰ Извещения // Известия Пермского губисполкома. 1918. 20 апр., 20 окт.

¹⁷¹ Поляки в Пермском крае... С. 128–129.

¹⁷² Черных А. В. Поляки Перми... С. 24.

ественников¹⁷³. Однако, судя по всему, значительная часть поляков Прикамья не приняла новый режим. Так, 30 июня 1920 года со страниц газеты «Звезда» было предложено в 3-дневный срок явиться в комитет горрайкома РКП(б) для перерегистрации. Не явившихся обещали исключать из партии¹⁷⁴. Аналогичное объявление от имени «польского бюро агит-пропаганды при губкоме РКП» о собрании 22 февраля 1921 года также сопровождалось припиской: «Явка всех обязательна и аккуратна»¹⁷⁵. 26 февраля 1921 года местные газеты писали, что Польшбюро организует воскресник для всех «товарищей коммунистов-поляков» с целью заготовки дров для польской библиотеки¹⁷⁶. И тут же сообщалось, что Польшбюро при Пермском губкоме РКП(б) обращается ко всем «военным, партийным и гражданским организациям» с просьбой прислать списки всех поляков с указанием их партийности¹⁷⁷.

После окончания советско-польской войны в Перми с 27 марта по 3 апреля 1921 года была проведена перерегистрация¹⁷⁸ и организовано общее собрание поляков-коммунистов¹⁷⁹. А 2 апреля в Губэваке прошло собрание польских коммунистов для организации работы по обмену военнопленных и беженцев-поляков¹⁸⁰. Аналогичное собрание с обещанием, что «к не явившимся без уважительных причин будут приняты меры», было запланировано на 7 апреля, но о его итогах также ничего не известно¹⁸¹. Вероятно, оно могло и не состояться. Эти сообщения свидетельствуют о том, что местное Польшбюро могло не иметь обратной связи с поляками, жившими в Перми на тот момент. Ещё один раз Польшбюро собиралось 4 сентября 1921 года для обсуждения вопроса помощи голодающим и выборов комиссии по помощи голодающим от Польшбюро¹⁸², а 11 сентября для обсуждения вопросов репатриации¹⁸³. 12 ноября 1921 года из Перми выехал эшелон с поляками и уроженцами польских губерний в количестве 899 человек, а позже ещё два по 659 человек. В итоге количество пермских поляков сократилось до минимума¹⁸⁴. После сентября 1921 года сведений о деятельности поляков и Польшбюро в источниках не отражено. Как видно, местные польские коммунисты пытались создать крупную общественную организацию соотечествен-

¹⁷³ Извещения // Звезда. 1921. 11 окт.

¹⁷⁴ Извещения // Звезда. 1920. 30 июня.

¹⁷⁵ Извещения // Звезда. 1921. 20 фев.

¹⁷⁶ Извещения // Звезда. 26 фев.

¹⁷⁷ Всем военным, партийным и гражданским организациям // Звезда. 1921. 26 фев.

¹⁷⁸ Перерегистрация коммунистов-поляков // Звезда. 1921. 25 марта.

¹⁷⁹ Извещения // Звезда. 1921. 26 марта.

¹⁸⁰ Полякам коммунистам // Звезда. 1921. 2 апр.

¹⁸¹ Извещения // Звезда. 1921. 6 апр.

¹⁸² Извещения // Звезда. 1921. 3 сент.

¹⁸³ Вниманию поляков // Звезда. 1921. 13 сент.

¹⁸⁴ Губэвак извещает // Звезда. 1921. 19 нояб.

ников, используя административный ресурс, но, вероятно, не нашли отклика у них. И после окончания Советско-польской войны деятельность организации за ненадобностью была свернута.

1.1.9. Корейско-китайская секция

До событий октября 1917 года в России в результате Первой мировой войны находилось, по разным оценкам, до 100 тыс. китайских рабочих, из них в Пермской губернии – около 10 тыс. человек¹⁸⁵. В период деятельности Временного правительства вопросами их репатриации занимался Союз китайских граждан (СКГ). Организация имела свои представительства во всех крупных регионах страны, в том числе и на Урале. По источникам известно о деятельности на территории Прикамья Союза китайских граждан, однако местного представительства у этой организации не было¹⁸⁶.

После прихода к власти большевиков Союз китайских граждан, а также ряд других менее крупных организаций китайцев под влиянием большевиков были объединены, а на их основе создан Союз китайских рабочих (СКР). Об этом сообщала газета «Правда» в декабре 1918 года: «Совещание постановило выйти из рамок профессионального союза и придать ему характер революционной организации для широкой пропаганды»¹⁸⁷. Первый съезд Союза китайских рабочих состоялся в январе 1919 года. Позднее СКР занял здание бывшего китайского посольства в Петрограде, ему были переданы все архивы и дела посольства¹⁸⁸. После этого сообщения о создании СКР были разосланы на места. 6 августа 1919 года Восточный отдел Народного комиссариата по иностранным делам уведомил Екатеринбургский губком, что СКР «признан советской властью единственным официальным органом китайских граждан, правомочным по защите как личных, так и имущих интересов всех без исключения граждан Китайской республики»¹⁸⁹. Уполномоченный по Уральскому региону имел штаб-квартиру в г. Екатеринбурге¹⁹⁰.

Корейско-китайская секция в Бюро нацмен Пермского губкома была создана одной из последних. Начало её работы относится

¹⁸⁵ Аникст А. А. Организация и распределение рабочей силы в 1920 году. М., 1920. С. 42–43.

¹⁸⁶ Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб., 2011. С. 114–115.

¹⁸⁷ О совещании китайских и корейских рабочих организаций России // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М., 1961. С. 133.

¹⁸⁸ Занятие китайского посольства Союзом китайских рабочих // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). М., 1961. С. 134.

¹⁸⁹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 16. Л. 21.

¹⁹⁰ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 19.

к 8 ноября 1920 года. У китайцев не было хорошо говорящих по-русски секретарей. Но при помощи местных властей, учитывая значимость работы с китайцами, им был назначен русскоговорящий сотрудник для ведения протоколов. По этой причине в архивах отложилось немало письменных источников на русском языке о деятельности китайско-корейской секции. После оргсобрания «Китайское бюро» (так оно чаще всего именовалось в источниках – **М. К.**) было утверждено губкомом и «начало продвигать работу, всего было общих собраний около 10, собрания посещались аккуратно»¹⁹¹. К концу года в бюро было зарегистрировано уже 42 кандидата, заполнивших анкеты на вступление в РКП(б), карточки кандидатов были выданы многим из них. Как следует из «Доклада о работе корейско-китайской секции за период с 8 ноября 1920 года по 25 января 1921 года», на общих собраниях «иногда присутствовал представитель горрайона и зачитывал лекции и знакомил с программой партии, товарищ Магуй (председатель секции – **М. К.**) переводил с русского языка по-корейски и по-китайски»¹⁹². Работа этой секции, однако, была одной из наименее успешных. Она не охватывала всех китайцев и даже вызывала некоторое раздражение со стороны большинства из них, живших в Перми. Как следует из упомянутого доклада, «когда секция начала сильнее развёртывать свою работу и повела борьбу со спекуляцией, то ей начали угрожать из корейцев и китайцев, которые этим злом занимались»¹⁹³. Несколько раз недовольные китайцы приходили на собрания секции и пытались разогнать их, особенно угрожали Магую. Последний сообщал о происходящем в губком и среди главных недовольных называл китайца Пуниби, который служил в ЧК в качестве агента. После нескольких стычек на собрания китайцев даже стали приходить патрули от ГубЧК. В дальнейшем руководством агитпропотдела Магую было поручено разыскать Пуниби и выяснить причины его недовольства. Для поимки Пуниби Магуй выбрал пять человек из числа китайцев, четырёх от уголовной комиссии и несколько человек из ЧК. 25 ноября 1920 года они направились в квартиру Пуниби (ул. Пермская, 89) и «начали говорить с ним, что ты нам нужен по делу секции и должен пойти с нами в секцию или ГубЧК, но он тут же начал сопротивляться и не пошёл»¹⁹⁴. Далее, следует из доклада, между сторонниками Пуниби и Магуя началась перестрелка. Пуниби застрелили, одного из его сторонников ранили, двух арестовали и увезли в ГубЧК, остальные разбежались. Позже арестовали и Магуя.

¹⁹¹ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 15.

¹⁹² Там же. Л. 9.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

При обыске его квартиры оказалось, что он скрывал у себя несколько винтовок, которые использовал в личных целях. Анализируя этот эпизод, можно предположить, что описанный конфликт, скорее всего, был выяснением отношений между двумя влиятельными китайцами (во всяком случае, оба они занимали важные должности в органах советской власти, пользовались авторитетом) – Пуниби и Магуем, каждый имел вооруженных сторонников. А когда обнаружилось, что конфликт выходит за рамки национальной политики и оба китайца имеют вооруженные отряды, вероятно, и было принято решение об аресте их обоих. После ареста Магуя секция прекратила свою работу. Как свидетельствуют источники, 11 декабря 1920 года в Перми прошло общее собрание кандидатов, на котором присутствовало 30 человек, а 9 января 1921 года ещё одно, его протокол «по-русски не написан и в настоящее время секции не существует. Осталось всего кандидатов 4 человека»¹⁹⁵. Ещё один случай внутренних конфликтов произошел, когда 4 марта 1921 года новый председатель Китайского бюро РКП(б) Лян Симин и член президиума бюро Шикои вступили в конфликт с группой соотечественников, промышлявших спекуляцией. Согласно официальной версии, последние потребовали прекратить партийную работу и борьбу со спекуляцией. После отказа Лян Симин и Шикои были застрелены¹⁹⁶. Смерть Лян Сими́на и Шикои́ была представлена как гибель в борьбе с контрреволюцией. 9 марта 1921 года газеты писали, что в центре города (угол ул. Сибирской и Покровской) будет организована похоронная процессия, к участию были приглашены представители всех национальных бюро¹⁹⁷.

В 1921 году работа секции была возобновлена. Объявления о приглашении китайцев вступить в ряды Красной Армии неоднократно размещали на своих страницах местные газеты, называя их «революционерами в революционной стране»¹⁹⁸. В мае – июне 1921 года Китайское бюро отчиталось о регистрации членов и приступило «к работе по организации ячейки коммунистов и подготовительной работе по открытию курсов ликвидации безграмотности, проведено два собрания коммунистов»¹⁹⁹. Других сведений о деятельности секции не сохранилось.

На примере деятельности этой секции видно, что в период отсутствия реальной власти в России вопросы китайцев решались возникавшими по инициативе самих же китайцев организациями, в первую

¹⁹⁵ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 9.

¹⁹⁶ Памяти товарищей // Звезда. 1921. 10 марта.

¹⁹⁷ Извещение // Звезда. 1921. 9 марта.

¹⁹⁸ Всем революционным социалистическим китайцам // Звезда. 1921. 30 июня.

¹⁹⁹ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 9.

очередь, помогавшими соотечественникам вернуться на родину. Однако с утверждением советской власти возникшие ранее общественные структуры теряли свой вес, их место занимали органы власти, уполномоченные заниматься национальными вопросами. Однако нет оснований полагать, что лидеры китайского сообщества были убеждёнными коммунистами. Они могли идти на сотрудничество с советской властью, чтобы сохранить своё влияние среди соотечественников²⁰⁰. Этим объясняется тот факт, что занимавшие разные посты в советской системе органов власти китайцы становились конкурентами, устраивали вооружённые конфликты. Советская власть смогла подчинить себе китайское сообщество и использовать китайских бойцов на фронтах Гражданской войны, однако сами китайцы могли и не разделять идейные ценности новой власти.

Корейцы Прикамья в первые годы советской власти также неоднократно упоминались в источниках. 3 августа 1919 года комиссаром ГубЧК был проведён обыск в доме № 89 по ул. Красноуфимской в квартире корейского врача Цой-Да-Е. В момент обыска в квартире находилось 11 китайцев и корейцев, один из которых «поспешно что-то прятал под подушку, это был револьвер»²⁰¹. Кроме револьвера были изъяты 7,5 фунта кокаина, деньги, 16 мешков вермишели, 50 фунтов стеариновых свечей и четыре мешка муки²⁰². Всех находившихся в квартире задержали. В ходе следствия комиссар китайского отряда Ли Сифан неоднократно обращался в судебные органы с просьбой освободить задержанных как бойцов Красной Армии, которые попали в плен и собирались вернуться в расположение его отряда. Однако эти просьбы остались без ответа²⁰³. В ноябре 1919 года задержанные получили наказание – по три года условно с обязательством, что не будут замечены в спекуляции. В случае нарушения им грозила высылка из страны. Известно также, что защитником этой группы в суде выступал «председатель корейского общества» Алексей Николаевич Ким, живший по ул. Вознесенской, 90²⁰⁴.

Следующий этап корейского национального движения связан с деятельностью Корейского союза. Сообщества по этническому признаку создавались как на уровне страны, так и в отдельных регионах.

²⁰⁰ Известен, например, случай героя Гражданской войны на Урале Жен Фучена, который, как показывают документы, до 1917 года был надзирателем за китайскими рабочими на Алапаевских коях и лично подавлял их бунты. См.: *Каменских М. С.* Герой Гражданской войны на Урале Жен Фучен: красный командир и настоящий китаец // *Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всерос. науч. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов.* Пермь, 2010. С. 81–84.

²⁰¹ ГАПК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 224. Л. 82.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. Л. 29, 86.

²⁰⁴ Там же. Л. 85.

Не обошёл этот процесс и корейцев. Их общественные организации в провинции стали возникать ещё с 1919 года. 25 февраля 1919 года на II Всероссийском съезде корейских национальных обществ, проходившем в Уссурийске, был учреждён Корейский национальный союз²⁰⁵. В 1920 году в Перми по адресу ул. Екатерининская, 82 было открыто отделение Корейского национального союза, организационное собрание которого прошло 1 января 1920 года²⁰⁶. Председателем единогласно был избран Ли-Хан-Ча, остальные должности заняли следующие корейцы: заместитель – Ю-Мун-Як; управделами и финансами – Иван Иванович Магай; заведующий юридическим отделом – Цай-Цан-Юй; секретарь – Ю-У-Ен; уполномоченный для Сношения Союза с учреждениями – Пак-Хва-Юн; члены коллегий: Ли-Ди-Сен, Чой-Юн-Хи, Тен-Чи-Хай, Тен-Ги-Сен, Ким-Дин-Эта, Ким-Чан-Бок, Ким-Сун-Як; заведующий отделом национальной политики – Ли-Хан-Бем; ревизоры – Ли-Ен-Гу и Ким-Сен-Хо²⁰⁷.

Из Устава Корейского национального союза:

Организация Союза.

Корейский национальный союз является учреждением, объединяющим и регулирующим деятельность всех корейских организаций в России.

2. Цели и задачи

Союз ставит своей основной целью объединение трудящихся масс Кореи в единую семью с трудящимися классами в Европе и Азии.

Политической программой Союза является:

- восстановление политической самостоятельности Кореи на основе самоопределения её населения;
- борьба с японским экономическим и политическим господством в Корее.

Цели Союза:

- объединение всех живущих в России корейцев;
- организация Корейского национального союза и Корейского консульства;
- организация местных Союзов;
- борьба за самостоятельность Кореи, её национальное самоопределение, за установление в Корее трудовых действий с русским и мировым пролетариатом;
- революционная пропаганда среди корейцев Кореи, Сибири и на Дальнем Востоке;

²⁰⁵ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 19. Д. 251; *Сим Хон Ёнг*. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века; Перепись населения 1926 года [Электронный ресурс]: Lib.ru. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 24.02.2018).

²⁰⁶ ГАПК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

²⁰⁷ Там же. Л. 2.

- борьба против японского империализма всеми способами и участие в борьбе за освобождение угнетённых народностей Азии;
- контакты с корейскими организациями в Америке;
- обращения к населению Кореи с воззваниями²⁰⁸.

Из источников следует, что Союз создавался без участия пермского губкома, о чём свидетельствует письмо секретаря губкома в ЦК РКП(б) от 16 января 1920 года, в котором сообщается, что «только когда уже образовался Союз, по нашему предложению, отдел Управления подробно ознакомился с корейским Союзом и отказался признать его»²⁰⁹. Как видно, пермский Корейский национальный союз создавался без прямого участия органов советской власти, но при этом активно с ней сотрудничал. Организация вела агитационную и пропагандистскую работу среди корейцев Перми и губернии. Известно, что в 1923 году на средства Союза выпускалась газета «Голос пермских корейских рабочих»²¹⁰. Позднее, в 1926 году, по решению СНК Союз корейцев, в котором числилось и пермское отделение, был ликвидирован, несмотря на просьбы со стороны организации созвать конференцию или сессию Союза корейцев²¹¹. О пермской организации корейцев после 1923 года ничего не известно.

Опыт деятельности китайских и корейских сообществ показывает, что уже в первые годы советской власти многие стихийно возникшие общественные организации, сформированные по этническому признаку, быстро попадали под влияние органов власти и фактически становились подконтрольными ей. Пытаясь заручиться поддержкой, большевики шли на сотрудничество даже с теми, кто мог быть близок к незаконной деятельности и шёл на сотрудничество с советской властью, чтобы решать личные проблемы. Однако такие лидеры не могли обеспечить развитие и функционирование общественных институтов, в связи с чем создаваемые общественные организации постепенно переставали существовать.

1.1.10. Общественное движение марийцев

Компактные поселения марийцев до 1917 года сложились на территории Красноуфимского и Кунгурского уездов Пермской губернии²¹².

²⁰⁸ ГАПК. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

²⁰⁹ ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 1. Д. 104. Л. 39.

²¹⁰ ГАПК. Ф. 484. Оп. 2. Д. 322. Л. 1.

²¹¹ В копии отношения ЦИК Союза корейцев от 19 февраля 1925 года № 87 говорится: «С 1923 года накопилось очень много материалов, требующих разрешения только на съезде, но ЦК партии по политическим соображениям такового созвать временно не разрешил». См.: ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 18. Д. 31. Л. 2.

²¹² Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь, 2013. С. 9.

После установления советской власти именно Красноуфимск стал центром национально-культурного движения марийцев Урала. Первое в стране собрание Марийцев, если верить источникам, состоялось 26 сентября 1920 года. На тот момент марийское центральное бюро агитации и пропаганды существовало при обкоме Татреспублики, но планировало выделиться и создать собственное бюро. Предполагалось, что создаваемая структура будет обслуживать интересы марийского населения в ряде уездов соседних с Татреспубликой регионов, в том числе Сарапульском уезде Вятской губернии, Красноуфимском уезде Пермской губернии и Екатеринбургском уезде Екатеринбургской губернии²¹³.

После Первой Всероссийской конференции коммунистов мари в Казани 20–25 июля 1920 года во все укомы и обкомы страны были направлены отношения с просьбой предоставить информацию о количестве организаций мари²¹⁴. Решение о создании Марийского бюро в Прикамье было принято 25 октября 1920 года, но ему предшествовала большая общественная работа, развернувшаяся среди марийского населения в середине 1920 года. Так, в г. Красноуфимске в помещении Красноармейского клуба им. Троцкого 18 октября 1920 года был проведён Первый областной съезд Урал Мари. Участие в мероприятии принимало 87 человек, в том числе власти Красноуфимского уездного комитета, представители «краснококшайских мари», «чебоксарских луговых мари» и «козмодемьянских горных мари», делегаты из Екатеринбургской губернии и Башкирской республики²¹⁵. Председателем съезда стал бывший учитель миссионерской школы д. Васькино Гаврил Ефремович Ефремов²¹⁶. По сути, это было первое собрание всех марийцев Урала.

В резолюции съезд поддержал Октябрьскую революцию и национальную политику большевиков. Во второй день съезда были заслушаны доклады о текущей ситуации в общественной деятельности марийцев Урала, о деятельности секции при уездном отделе народного образования, а также доклады о деятельности марийских секций с мест компактного проживания марийцев – д. Васькино, Ивановка, Тебеняково, Янгильда, Сызганка, Красный Луг, Каменка Агафоновской волости; д. Нижний Потам Тихоновской волости; д. Карши Ялымской волости; д. Старо-Бухарова Бисерской волости; д. Верхний и Нижний Бардым Манчажской волости; д. Б. Карзи и Андрияшково Сажинской волости;

²¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 29. Л. 8–9.

²¹⁴ Там же. Л. 3.

²¹⁵ Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 26. Л. 2–3.

²¹⁶ Подр. биографию Г. Е. Ефремова см.: *Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И.* Марийцы Пермского края... С. 74.

д. Пантелейково Артинской волости; д. Ключики Саранинской волости; д. Багышково Больше-Усинской волости; д. Усть-Маш, Первые и Вторые Сарсы Ювинской волости Красноуфимского уезда²¹⁷. Доклады, как правило, касались вопросов содержания и открытия школ, организации изб-читален в деревнях, а также преподавания на марийском языке, доставки марийской литературы в Пермскую губернию. Сам факт выступления 19 докладчиков с сообщениями о ситуации на местах позволяет сделать вывод о масштабах общественной деятельности марийцев в начале 1920-х годов. Об этом свидетельствуют и другие источники.

В марте 1921 года в г. Краснококшайске проведено совещание с 10 работниками с мест, в том числе с представителями Екатеринбургской и Вятской губерний. В протоколе сообщается, что практически никто из участников не направил нужную информацию, «однако наиболее исполнительно оказалась марийская секция при Красноуфимском Укоме». В документе подчёркивалось, что Красноуфимская секция под руководством Г. Е. Ефремова, несмотря на её отделённость, оказалась наиболее дисциплинированной. Она одной из первых связалась с Центральным бюро и присылала отчёты, проводила митинги, беспартийные конференции, создавала новые ячейки, даже отправила на партийные курсы 15 марийских активистов. В своём докладе на конференции Г. Е. Ефремов сообщил, что в Красноуфимском уезде проживает 8 тысяч марийцев и ещё 1 тысяча – в Кунгурском уезде. Он же сообщил о работе марийской школы-коммуны в 19 верстах от Красноуфимска. «Школа эта действительно является культурным и политическим центром марийского населения», – сообщил в своём докладе Ефремов²¹⁸. С его участием в начале 1920-х годов при подотделе национальных меньшинств Красноуфимского отдела народного образования даже была открыта марийская секция²¹⁹.

В дальнейшем Красноуфимское бюро ещё несколько раз упоминалось в отчётах мари секции в Наркомнаце как наиболее дисциплинированное. Даже было создано «эконокультурнопросветительское общество «МАРИ»²²⁰. Однако после создания Уральской области и передачи территорий Красноуфимского уезда в подчинение Свердловскому округу сведения о деятельности общественной организации марийцев перестали поступать. Но марийцы и марийская культура регулярно упоминались в местных СМИ, об их истории и расселении на Урале писались научные и публицистические статьи²²¹.

²¹⁷ Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–6 об.

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 29. Л. 8.

²¹⁹ Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

²²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 41. Л. 25.

²²¹ Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края... С. 34–35.

1.1.11. Прочие народы

В источниках сохранились фрагментарные упоминания о функционировании ещё нескольких секций бюро нацмен. Так, отдельная работа велась и среди литовцев. В 1920 году организационно-инструкторский отдел губкома пытался собрать литовцев губернии²²², аналогичные объявления подавались в 1921 году от имени «литовского комитета»²²³, но кроме объявлений о сборе говорящих по-литовски активистов никакой информации в источниках нет.

Известно о деятельности австрийской и немецкой секций в 1918 году (изначально создавалась как немецко-австрийская секция, затем короткое время существовала немецко-венгерская)²²⁴. Эти секции также были созданы в противовес существующим общественным организациям. В ноябре 1918 года газета «Известия Пермского губисполкома» писала, что «немецкая группа Пермской организации РКП (большевиков) арестовала работавших до этого в Перми австрийских и немецких представителей, сняла старые знамёна, вместо которых были вывешены красные»²²⁵. Перед немецкими коммунистами Прикамья стояли две главные задачи: работа среди крестьян и военнопленных немецкого происхождения. Члены немецкой секции проводили агитационную работу среди местных немцев, устраивая митинги, концерты и лекции, а также занимались агитационной работой среди возвращающихся на родину военнопленных – немецких подданных. Также для агитационной работы немецкой секции активно использовались ежедневные газеты, выпускаемые на немецком языке²²⁶. При пермском немецком бюро были созданы постоянные подразделения: редакция немецкого издания «РОСТА», культурно-просветительский кружок, агитационная коллегия, клубная секция, школьно-лекционная комиссия²²⁷. В январе 1921 года некоторые члены этой секции направлялись на политическую работу в Австрию и в немецкую партийную школу политграмоты в Москву. В немецкой секции осталось семь членов. Позднее из неё выбыли ещё несколько человек²²⁸. В мае 1921 года местные газеты ещё несколько раз упоминали австрийских и немецких военнопленных в связи с вопросами репатриации и раздачи подарков для военноплен-

²²² Извещения // Звезда. 1920. 18 июля.

²²³ Звезда. 1921. 28 янв., 4 и 18 фев.

²²⁴ См.: Вайман Д. И., Черных А. В. Немцы Перми: история и культура. СПб., 2015. С. 23.

²²⁵ Аресты немецких и австрийских представителей // Известия Пермского губисполкома. 1918. 14 нояб.

²²⁶ Немцы в Прикамье. XX век. Сборник документов и материалов в 2-х т. Т. I. Книга 1. Архивные документы. Пермь, 2006. С. 17–19.

²²⁷ Там же. С. 30, 50.

²²⁸ Там же. С. 81–82.

ных²²⁹. В июне 1921 года немецкая секция была ликвидирована «ввиду того, что в Пермской губернии нет немецкого населения»²³⁰.

Источниками подтверждается и существование Чешско-словацкой коммунистической группы, которая вела работу по организации частей чехословацких интернационалистов. Собрания группы проходили по адресу ул. Торговая, 12²³¹. Недолгое время в Перми с помощью находившихся здесь военнослужащих действовала венгерская секция²³². О её существовании также известно только по протоколам общих собраний бюро национальных меньшинств.

Таким образом, за первые шесть лет советской власти с разной степенью успешности в Прикамье проработали свыше 10 разных секций национальных меньшинств. Появившись сразу после прихода большевиков к власти в Прикамье, они приостановили свою работу к концу 1918 года, возобновив её летом 1919 года. С 1922 года информация об их деятельности практически не отражается в источниках, в какой-то мере после 1923 года работа по линии взаимодействия с национальными меньшинствами была продолжена в рамках областного Татбашбюро.

Анализируя деятельность бюро национальных меньшинств, можно выделить несколько общих черт в работе секций. Безусловно, они создавались как часть общей советской системы, имеющей целью контролировать развитие различных общественных групп (наряду с ними существовали отдел по работе с молодёжью, женотдел и т. д.). Сама по себе деятельность секций носила искусственный характер, поскольку создавались они в большинстве своём не по инициативе самих представителей данной национальности, а по решению губкома, часто – в качестве альтернативы уже существующей организации. Причиной создания бюро нацмен могло быть и желание большевиков привлечь новых бойцов в Красную Армию (китайцы, евреи, латыши)²³³, и обеспечение влияния в отдельных этнических сообществах. Так, Вотская и Украинская секции создавались исключительно для выстраивания работы с военнослужащими, расквартированными в Перми. Другие секции национальных меньшинств формировались как альтернатива уже существующим организациям (евреи, латыши, поляки, немцы, китайцы). Пермская секция возникла в Прикамье только после того,

²²⁹ Подарки для бывших военнопленных // Звезда. 1921. 25 мая.

²³⁰ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 30.

²³¹ Среди прибывающих // Известия Пермского губисполкома. 1918. 7 дек.

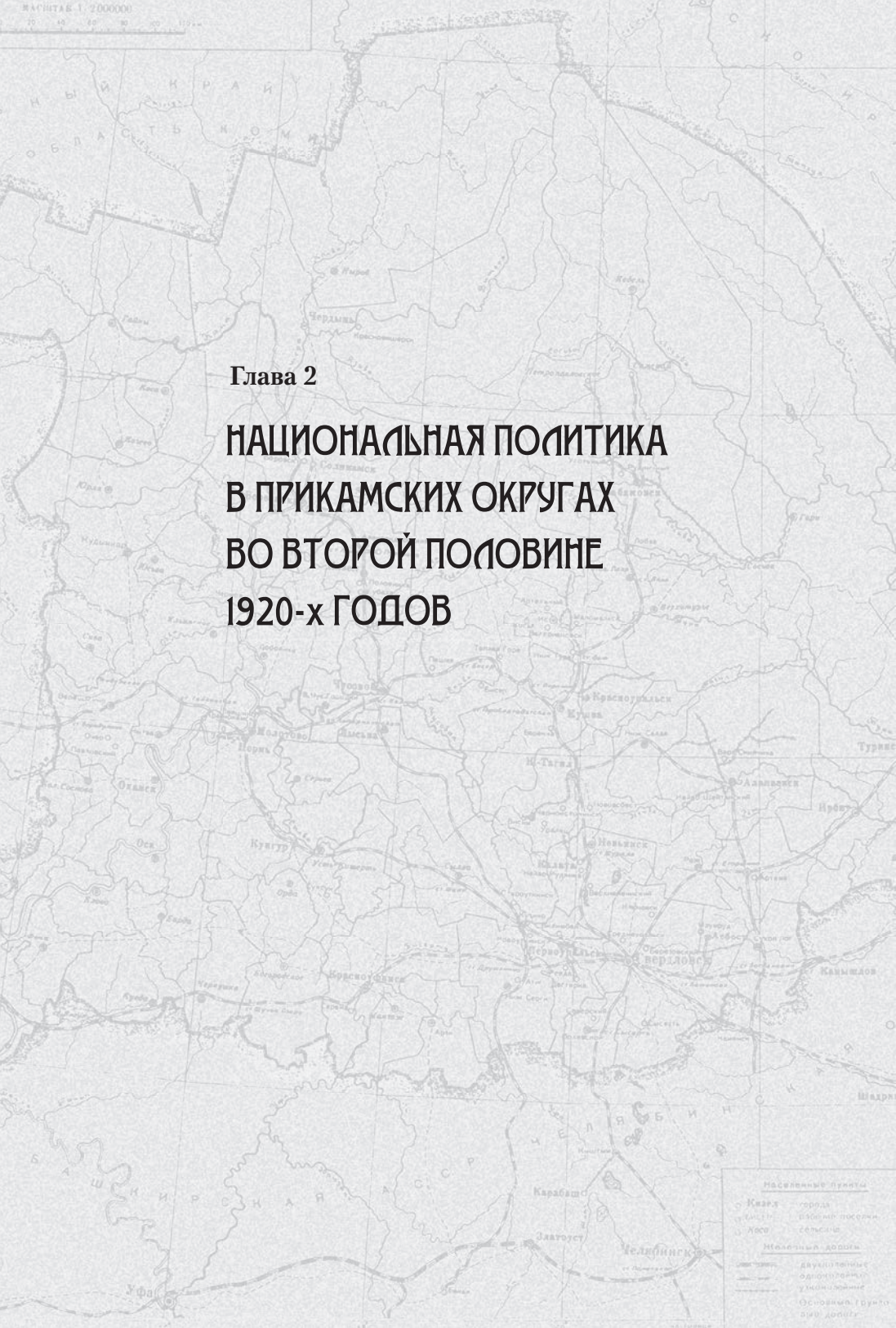
²³² Венгры – борющимся // Звезда. 1920. 31 июля.

²³³ Известно, что создание национальных воинских формирований было одной из ключевых задач большевиков в национальной политике первых лет советской власти. См.: *Дмитриев Т.* «Это не армия»: национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурной национальной политики // *Время вперёд! Культурная политика в СССР*. М., 2013. С. 113.

как появилась необходимость конкуренции с созданным отделением Коми облревкома.

Работа по линии бюро национальных меньшинств была продиктована текущими политическими задачами советской власти во внутренней и особенно во внешней политике. Так, в годовщину Октября 1917 года все секции национальных меньшинств проводили большие мероприятия и митинги в поддержку власти. Активизация деятельности той или иной секции начиналась в тот момент, когда Советская Россия поддерживала революционное движение или вела боевые действия на исторической родине этих народов (украинцы, латыши, эстонцы, поляки). В некоторых случаях, следует признать, большевикам удалось наладить деятельность общественных институтов и выйти на взаимодействие с этническим сообществом (латыши, татары и башкиры, украинцы). Но эта деятельность, несмотря на лозунги и заявления, не являлась приоритетной. Одной из причин постепенного сворачивания работы бюро нацмен была их низкая эффективность. Бюро национальных меньшинств имели большой административный ресурс и информационную поддержку. Однако общие для всех секций «обязательные собрания» и регулярные перерегистрации свидетельствуют, что само население, с которым работали секции, не принимало активного участия в их деятельности. В этой связи судьба бюро была предreshена. Как только большевики окончательно укрепили свою власть и отказались от идей экспорта революции, большинство секций как искусственно созданные и невостребованные институты перестали существовать.

В целом большевикам не удалось наладить работу с национальными меньшинствами через институт Бюро национальных меньшинств. Исключением является деятельность Татаро-башкирского бюро, которое в итоге и сохранилось как институт. Нельзя при этом утверждать, что национальная политика была специфическим направлением внутренней политики большевиков. По форме она вписывалась в общую концепцию видения основ взаимодействия общества и власти у большевиков, когда государство через создаваемые безальтернативные и подконтрольные общественные институты реализует собственную политику среди населения. Попытка контролировать этнические сообщества, таким образом, и вылилась в создание института Бюро национальных меньшинств.



Глава 2

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРИКАМСКИХ ОКРУГАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Населенные пункты

- Кварт. город
- Уезд. город
- Хотел. поселок
- Хотел. селение
- Населенный пункт
- двухэтажный
- одноэтажный
- улицы, шоссе
- основная линия
- линия дорог

В марте 1921 года решение национального вопроса в стране актуализировалось в связи с проведением X съезда РКП(б), на котором был заслушан доклад И. В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии». Документ обозначил основные цели партии в национальном вопросе. В нём, в частности, говорилось, что съезд считает нужным указать на особую опасность «великодержавности» и «колонизаторства»: «Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских шатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах»¹, – говорилось в документе. По итогам X съезда РКП(б) была принята резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», согласно которой партия обязывалась «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки из туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийного аппарата»². Таким виделось решение национального вопроса большевикам в начале 1920-х годов. Борьба с великорусским шовинизмом и помощь «нерусским народам» в их культурном и экономическом развитии стали одними из основных направлений национальной политики страны в 1920-е годы.

В данной главе будет представлен очерк о реализации национальной политики в прикамских округах Уральской области на примере учёта этнической составляющей при проведении крупных общегосударственных кампаний – административно-территориальной реформы, реформы образования и ликвидации безграмотности, вовлечения населения в кооперативное и колхозное движение, переселенческого движения. Эти меры реализовывались на уровне страны и касались всего населения, но в районах со сложным этническим составом имели

¹ Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии [Электронный ресурс]: Marxists Internet Archive. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t5/immediate_tasks.htm (дата обращения: 11.09. 2019).

² Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Протоколы X Съезда РКП(б). М., 1933. С. 573–582.

свою специфику, что и позволяло местным органам власти называть это национальной политикой.

2.1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРИКАМЬЯ В СОСТАВЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Административно-территориальное деление бывшей Пермской губернии в границах 1919 года было значительно изменено после принятия постановления ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в жизнь положения об Уральской области»³, включавшую в себя 15 округов, в том числе территорию Прикамья в составе четырёх округов – Пермского, Верхнекамского, Кунгурского и Сарапульского с общим населением 1962,2 тыс. человек, или около 30 процентов населения области.

Для реализации национальной политики на уровне области 15 декабря 1923 года был образован Уральский Областной Совет национальных меньшинств, штат которого был утверждён в количестве трёх (после – пяти) человек и одного технического работника. Для руководства политикой при облизполкоме учреждена должность уполномоченного по работе среди национальных меньшинств. Первым эту должность занял член президиума облизполкома А. И. Плешков. Было разработано Положение об уполномоченном нацмен⁴. Согласно этому документу в каждом округе должны были быть открыты окружные отделы по работе с национальными меньшинствами с подчинением отделу при облизполкоме в г. Свердловске⁵. Уполномоченные (или инспекторы) нацмен работали в 11 из 15 созданных округов⁶. Естественно, что в условиях территорий Уральской области они не в состоянии были обслужить всю массу учреждений, работающих по линии взаимодействия с локальными этническими сообществами. Их работа носила инспекционный характер и проводилась точечно в зависимости от текущей ситуации. В Пермском округе, например, этой работой занимался на общественных началах бывший уполномоченный губернского отдела народного образования Кадыров, который в то время занимал должность заведующего татаро-башкирским детским домом⁷. После

³ Постановление ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в действие Положения об Уральской области» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17300#0550592639252756> (дата обращения: 30.08.2019).

⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 185.

⁵ Районирование Урала / Урал. обл. ком. Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Свердловск, 1924. С. 8.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 299; Уральский рабочий. 1925. 22 марта.

⁷ Латышев Р. Т. Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов. Дисс. к. и. н.: 07.00.02. Екатеринбург, 2001. С. 110–111.

1925 года решением облисполкома была проведена реорганизация всех бюро при окружках и райкомах РКП(б), областное бюро было ликвидировано, при парткомах разрешалось иметь только штатного инструктора⁸.

На областном уровне национальный вопрос в 1920-е годы поднимался дважды. Впервые это случилось на пленуме Уралобкома в июне 1925 года, где был зачитан доклад «О повседневной партийной работе среди нацмен», в котором отмечалось, что «до сих пор нет достаточного изучения условий быта, культуры, хозяйственного, экономического и социального устройства» национальностей, что объявлялось «серьезным препятствием» в удовлетворении их культурных и экономических потребностей⁹. На пленуме были провозглашены следующие «очередные задачи в реализации национальной политики»:

- осуществлять дополнительное кредитование нацмен;
- вовлекать нацмен в кооперативное движение;
- вовлекать нацмен в систему советского управления, особенно в выборные органы;
- признать целесообразным создание Коми-Пермяцкого округа в составе Уральской области;
- создавать условия для общения на русском и местных языках в равной пропорции;
- развивать сеть национальных школ 1-й и 2-й ступени, техникумов;
- содействовать изданию букварей и учебников, завести шрифты на национальных языках в местных типографиях;
- создать при президиуме облисполкома комиссию по делам национальных меньшинств, а в округах со значительным количеством нацмен создать аналогичные комиссии, в остальных округах ограничиться введением должности инструктора по делам нацмен при орготделах;
- активнее работать в отношении антирелигиозной пропаганды и не допускать «отправления религиозных обрядов отдельными членами ВКП(б) и ВЛКСМ»¹⁰, при этом разработать методические указания дифференцированно для каждой национальности; не допускать сборов и регистрации актов гражданского состояния со стороны мусульманского духовенства;
- посылать научные, медицинские и киноэкспедиции для изучения корней религиозности среди северных народностей с целью борьбы с невежеством;

⁸ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 64.

⁹ Там же. Д. 335. Л. 8.

¹⁰ Такая формулировка, в первую очередь, свидетельствует о том, что данные прецеденты имели место.

– разъяснять бедноте контрреволюционную сущность деятельности мулл по организации работы населения в мутавалитах, лишать права голоса председателей советов мечети¹¹.

Для достижения задач было принято сразу несколько резолюций. В резолюции «О задачах массовой работы среди рабочих и работниц нацмен на Урале» говорилось, что в дело социалистического строительства должны быть втянуты разнообразные слои рабочего класса, включая и «наиболее отсталые, в том числе из национальных меньшинств»¹². От инструкторов также требовали не только массовой работы, но и классового воспитания трудящихся, работа с «узко-культурническим содержанием» считалась недостатком¹³. Среди основных трудностей в работе в среде национальных меньшинств назывались «экономическая, культурная и политическая отсталость трудящихся, в частности, рабочих; острый недостаток подготовленного актива, знающего быт и язык местного населения, отсутствие женского актива; территориальная разбросанность по разным районам; языковые особенности, отсутствие письменности у некоторых народов; отсутствие массовой популярной литературы для тех народов, у которых есть письменность; исключительно сильное влияние духовенства и живучесть религиозных и бытовых предрассудков, особенно среди женщин и подсобных рабочих и крестьян»¹⁴. В документе также предлагалось усилить работу с теми народами, у которых не было собственных административных районов. Среди таких назывались чуваша, марийцы, зыряне, белорусы. Для этого создавались секции в национальных селениях¹⁵. Кроме этого, отсталость предполагалось преодолевать «путём действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым нацмен СССР в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния»¹⁶. Также в резолюции сообщалось о случаях шовинизма, антисемитизма и национализма даже со стороны коммунистов и комсомольцев¹⁷.

На этом пленуме также была принята резолюция «О задачах массовой работы среди рабочих и работниц нацмен на Урале и о работе советов среди национальных меньшинств». Этим документом провозглашалась необходимость вовлечения в дело социалистического строительства наиболее отсталых кадров из национальных меньшинств. Среди не-

¹¹ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 4 об.–6.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ Там же. Л. 8 об.

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 12.

достатков работы партийных органов отмечено, что работа сводится к «узко-культурническому» содержанию без классового воспитания трудящихся нацмен¹⁸. Предлагалось активнее вести пропаганду на национальных языках, создавать секции в национальных сельсоветах, проводить интернациональные вечера и беседы с рабочими, организуя «решительный отпор конкретным проявлениям национализма, великорусского шовинизма, антисемитизма как явлений, чуждых идеологии пролетариата»¹⁹.

После завершения создания управленческой сети в виде уполномоченных нацмен в округах и курирующего их отдела в структуре губисполкома власти вернулись к вопросу о регулировании национальной политики в 1927 году, когда в рамках подготовки «Всероссийского совещания нацмен» в Свердловске было организовано Первое областное совещание работников нацмен²⁰. Оно состоялось 17 декабря 1927 года и было приурочено к 10-летию советской власти. Участие в нём приняли работники райисполкомов и сельсоветов, где имелось компактное проживание представителей разных национальностей. Целью совещания объявлялось «подведение общих итогов советской работы среди национальных меньшинств за последние годы, а также коллективная проработка практических мероприятий по отдельным отраслям хозяйственного и культурного строительства на ближайший период времени»²¹. На заседании были заслушаны доклады «Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале» (с содокладами представителей Челябинского и Троицкого округов), «О проведении революционной законности и судостроительства среди национальных меньшинств области», «О состоянии и задачах просвещения», «О кооперативном строительстве среди нацмен», «О состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в национальных районах». В прениях было 53 выступления, из них 40 – работников с мест²².

Позднее обсуждение национального вопроса всё реже встречается в деловой повестке советских органов. К концу 1920-х годов национальная политика практически перестаёт обсуждаться, за исключением вопросов, связанных с языковой политикой и районированием.

¹⁸ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 8–8 об.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Президиум ВЦИК циркулярной радиогаммой от 24.02.1927 предложил всем краевым, областным и губернским исполкомам использовать предстоящие съезды советов для организации местных совещаний среди национальных меньшинств. См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 138.

²¹ Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала 17–20 декабря 1927 года. Свердловск, 1928. С. 1.

²² Там же. С. 3–11.

2.2. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ В 1920-Е ГОДЫ

Третьим и четвёртым по численности народами в Прикамье после русских и коми-пермяков были татары и башкиры соответственно. Ввиду близости языка и духовной культуры их часто объединяли в одну группу, чем и вызвано существование «Татбашбюро» практически во всех округах области. В 1920-е годы национальная политика часто ассоциировалась именно с башкирским и татарским населением, а все основные мероприятия в большинстве округов также были связаны с этими двумя народами. При Уралобкоме уже в 1923 году существовала официальная сеть Татбашбюро, для татар и башкир было даже разработано специальное «Положение о бюро татбаш. при агитпропах окружных комитетов»²³. После 1923 года развёрнутая работа по округам Прикамья велась в основном среди татарско-башкирского населения, что и требует отдельного анализа этой деятельности.

Задачи органов советской власти в работе с татарами и башкирами Прикамья были сформулированы на Первой окружной конференции коммунистов (татаро-башкир) в г. Перми в марте 1925 года: «Основной целью политико-просветительской работы среди татбаш является широкое вовлечение их как отсталой нации в общественно-государственную жизнь и изменение бытового уклада их жизни, покоящихся ещё и посейчас на религиозных предрассудках (многожёнство и проч.)... ближайшие задачи по работе среди татбаш – это антирелигиозная и с/х пропаганда, наилучшей постановкой которой может стать создание кружков при клубах и избах-читальнях»²⁴. Среди задач, обозначенных конференцией, также были провозглашены: «...объединение населения татар и башкир Уральской области по партийной, профессиональной и советской линии; проведение мероприятий для татаро-башкир партсовпрофорганами для применения в быту и психологии таковых; подготовка кадров; развитие агитпропа и печати; руководство молодёжным движением»²⁵.

Источники свидетельствуют, что местные власти предпринимали серьёзные меры, чтобы направить сельское татарское и башкирское население в русло большевистской идеологии. Но, судя по всему, это не всегда получалось.

В 1924 году Уралобком инициировал процесс по «вовлечению татарско-башкирской молодёжи в общественную жизнь»²⁶. «В связи

²³ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 6–8.

²⁴ Там же. Д. 237. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 234. Л. 44.

²⁶ Там же. Д. 232. Л. 6–8.

с переломом среди рабочих и наплыва в партию после смерти «Ильича» нужно использовать для вовлечения в партию и союза тат/баш рабочих и молодёжи, для этого необходимо устраивать собрания татбашрабочих и молодёжи», – говорилось в февральском циркуляре РКП(б) 1924 года. Для этого предлагалось привлекать на лекции представителей других, более «развитых», национальностей, а также при сообщении в окружном о результатах вступления в партию и союзы особо отмечать количество «татбашрабочих», вступающих в РКП(б) и РКСМ²⁷. Был даже разработан отдельный план и даны инструкции агитпропам на местах, как вовлечь в партию сезонных рабочих татар и башкир для усиления влияния коммунистической идеологии в деревне. Беседы предлагалось вести на татарском языке. В 1925 году агитпроп Пермского окружкома, например, даже организовывал специальные курсы по подготовке чтецов газет в татарских деревнях²⁸. Задачами этих чтецов, согласно разработанному позже положению, были популяризация партийной советской печати среди крестьян, углубление и расширение идейной политической связи газеты с рабоче-крестьянскими массами, поднятие культурного уровня крестьян через газеты, вербовка подписчиков газеты. Основной формой работы было названо «громкое чтение газеты перед неграмотными слушателями»²⁹. Также было рекомендовано распространять газету «Интерчиляр» (орган печати в Татарской АССР)³⁰. Были созданы ячейки в Канабеках и Баш-Култаево, открыто три народных дома в этих населённых пунктах. Свои библиотеки для татар были открыты в Чусовом, Лысьве, Мотовилихе на кислотном заводе³¹.

Однако в целом работу в отношении татар и башкир нельзя признать удачной с точки зрения достижения тех целей, которые ставила советская власть. Несмотря на активную деятельность и большой административный ресурс, численность коммунистов среди татар к середине 1920-х годов была невелика. На упоминавшейся выше конференции сообщалось, что «представленное количество коммунистов далеко не соответствует, ибо количество татаро-башкирских населённых пунктов никак не можем взять на учёт... Неоднократно мы обращались в ЦК с просьбой дать работников и неоднократно командировали десятки курсантов на различные курсы, но мы добиться положительного результата не могли, ЦК работников не дало, а курсанты не вернулись»³². Ситуацию с распространением идей большевиков в татарской и баш-

²⁷ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 15.

²⁸ Там же. Д. 233. Л. 73.

²⁹ Там же. Л. 84.

³⁰ Там же. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же. Л. 48.

кирской среде красноречиво демонстрирует и Отчёт организации татар и башкир Пермского окружкома за 1925 год. В документе сообщалось, что охват молодёжи на середину 1925 года составлял 7 процентов, по сельскохозяйственным районам – 4 процента, партиздр – 25 человек (рабочих 23, крестьян 2), кандидатов – 48, из них 5 крестьян³³. На начало 1924 года в Прикамье коммунистов среди татар и башкир было 17, а также 12 кандидатов в члены партии³⁴. В другом отчёте о татарском населении говорится, что «татары работают на лесосеках и по-русски совсем не говорят, находятся в сильной зависимости от куреньщиков, которые их обсчитывают и обращаются грубо. Собрания татарами посещаются слабо, без знания русского языка им трудно, а если кто мало-мальски умеет говорить по-русски, то выступать на собраниях не решается, так как над ним смеются»³⁵. Пермский окружком в своём письме инструкторам татаро-башкирских ячеек в деревнях и на заводах от 8 февраля 1924 года писал: «...мы не смогли достигнуть реальных результатов в отношении политвоспитания тат/баш рабочей молодёжи»³⁶.

Первая Уральская областная конференция коммунистов татаро-башкир постановила завербовать 500 новых членов партии к 1 мая 1924 года, отдельно по Пермскому округу 80 человек³⁷. То есть за два месяца нужно было набрать почти в пять раз больше, чем за всё время советской власти. Судя по всему, эти показатели не были достигнуты. В отчёте о работе секции по итогам года лишь сообщается, что «работа была сосредоточена на вовлечении татар в общественную жизнь и сферу влияния коммунистической партии»³⁸. В работе с молодёжью предлагалось вести проверку посещаемости занятий членами РКСМ и РКП(б) в политшколе и политкружках, проводить беседы на родном языке с чтением литературы, политвоспитательную работу в деревнях с чтением книг на татарском языке и вовлечением актива. Перечень книг, который при этом рекомендовался, включал: «Саяси иктисад» («Политэкономия»), «Гильми-социализм» («Научный социализм»), «Саяси блем» («Политграмота»), «Дин турында» («О религии»), «Джсан-тереклек» («Душа и жизнь») и «История РКП(б)» Зиновьева³⁹. Молодёжь из среды татар и башкир также не очень активно вовлекалась в работу партийных органов по политпросвещению. О том, как была организована работа по набору молодёжи в учебные заведения, сви-

³³ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 65.

³⁴ Там же. Д. 232. Л. 14.

³⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 164.

³⁶ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.

³⁷ Там же. Д. 232. Л. 16.

³⁸ Там же. Д. 233. Л. 55.

³⁹ Там же. Д. 234. Л. 7.

детельствует циркулярное письмо Татбашбюро всем райкомам и райкомолам, где сообщалось, что бюро «вторично просит срочно прислать ответ» на отношения от 24 июня и 25 июля о направлении информации о желающих поступить в учебные заведения⁴⁰. «Частичная недисциплинированность в заводах характеризуется: выпивкой, манкировкой выполнения партпоручений, слабым посещением собраний, в деревне – соглашательством с кулацким элементом и неделикатным поведением некоторых членов в разрешении семейно-бытовых вопросов», – говорилось в отчёте местного Татбашбюро о коммунистах-татарах Пермского округа⁴¹. Новый состав окрбюро в конце 1924 года фиксировал: «...полное отсутствие связи с местами, отсутствие учёта, слабая воспитательная работа, в том числе среди женщин. В округе 12 485 татар, или 1,09% населения, а состав коммунистов 1% от общего количества партийцев (173)»⁴².

Ситуация в соседних округах была схожей. В Верхнекамском округе большая часть татар проживала в Кизеловском районе. Если верить переписке окружкома с Уралобкомом 1925 года, их численность в округе составляла 6060, или 13 процентов от общей численности населения, более всего – в Ленкопиях, Губахе и Усьве. У местных татар функционировало бюро общества «Яналиф» (создано девять ячеек), работали татаро-башкирские драмкружки, шесть татаро-башкирских библиотек. Однако местные активисты также испытывали трудности в работе. «В Ленинских копиях нет представителя в рудкоме, местные власти недостаточно обслуживают татаро-башкир. Причины – как общая неграмотность, так и отсутствие должного внимания со стороны райорганизации Кизеловского района», – говорилось в отчёте Уралобкому⁴³. Известно о существовании в Кизеловском районе ячейки татаро-башкир и собственного женотдела, но о их деятельности практически ничего не известно. Инструктор женотдела Кизеловского района сообщала руководителю отдела нацмен Уральской области Гатаулину, что женщины в Кизеловском районе проявляют свою активность, но «некому эту активность направлять по должному руслу». Причина в том, что была ликвидирована должность отдельного инструктора в районе⁴⁴. Также она сообщала о существовавших проблемах с переводом с татарского языка: «...метрическая книга Кизеловского района

⁴⁰ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 61.

⁴¹ Там же. Л. 72.

⁴² Там же. Д. 236. Л. 181.

⁴³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 163.

⁴⁴ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.

на татарском языке, и последняя находится в милиции, работники милиции татарские метрики не знают»⁴⁵.

При этом можно с определённой долей уверенности предположить, что первоначально на сотрудничество с большевиками в деревне шли преимущественно маргинальные слои, для которых должности в большевистской иерархии могли стать своеобразным социальным лифтом. В источниках отложилось немало документов о «недостойном» поведении лидеров комсомола в первые годы советской власти. В докладе инструктора при ОКРОНО Кадырова о поездке в Канабековскую, Кояновскую и Янычёрскую волости для обследования и инструктирования татаро-башкирских культурно-политпросветительских учреждений сообщается, что «секретарь Канабековской ячейки РКСМ тов. Ишмитов Амирхан вместо политпросветительской работы занимался развратничеством: пьянство, торговля оружием, растрата семсуды, выданной на обсеменение школьных участков, злоупотребление в деньгах, выданных в пользу беспризорных»⁴⁶. А секретарь Канабековского сельсовета Фахрутдинов «был замечен трижды в выпивке кумышки и в день траура по Ленину тоже был выпившим»⁴⁷.

Серьёзным препятствием для направления татарского и башкирского населения в русло большевистской идеологии был ислам. Большевики первоначально рассматривали его как средство борьбы с наследием царизма, поэтому в период с 1918 по 1923 год мусульманское население прожило в условиях религиозной свободы⁴⁸. Специальным постановлением Наркомнаца от 19 октября 1922 года даже было разрешено открывать мусульманские школы и готовить священников. Это, в свою очередь, привело к росту числа духовных образовательных учреждений.

Рост активности мусульман к середине первой половины 1920-х годов вызывал беспокойство органов власти, в том числе в Прикамье. В «Отчёте бюро нацмен Осинского уезда отдела народного образования» за 1923 год сообщается, что «с сокращением школ

⁴⁵ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.

⁴⁶ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 155. Л. 33.

⁴⁷ Там же. Л. 34.

⁴⁸ Вопрос о взаимоотношениях исламских элит с органами советской власти в начале 1920-х годов ещё требует серьёзного изучения, однако отдельные «локальные» исследования и данные источников свидетельствуют, что серьёзных преследований в отношении проявлений ислама в общественной жизни со стороны органов власти в начале 1920-х годов не было. См.: Пономаренко М. В. Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX века (на материалах Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–333; Исламское образование в советском Дагестане / ред. В. О. Бобровников [Электронный ресурс]: Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6537/4/Bobrovnikov%20V.O.%20Islamskoye%20obrazovaniye%20v%20Dagestane.pdf> (дата обращения: 03.12.2019).

в татаро-башкирских волостях началось почти стихийное возникновение школ вероучения»⁴⁹. В докладе съезда татаро-башкир Пермского округа «О политпросветительской работе среди татаро-башкир» сообщается: «...в каждой деревне существуют нелегальные ячейки под названием «Лутаволиш», состоящие из духовенства, которые великолепно связаны с вышестоящими органами, руководящими духовенством и националистической интеллигенцией». Указывалось, что «представители духовенства вследствие неосведомлённости некоторых органов власти в своей работе добиваются некоторого содействия со стороны исполкомов в виде удостоверений с правом устройства собраний по сбору мелких пожертвований, используя при этом всякие неясности в указаниях центра»⁵⁰. А Пермский окружком в циркулярах райкомам сообщал, что в 1924 году празднование Сабантуя «сопровождалось чтением Корана и участием мулл»⁵¹. Масштабы деятельности религиозных активистов, исповедующих ислам, в Прикамье в тот период характеризуют отложившиеся в архивах Сведения о выдаче разрешений на преподавание мусульманского вероучения в мечетях за 1924 и 1926 годы. В документе сообщается, что ещё в 1926 году в Прикамье было выдано 14 таких разрешений, в том числе 7 – в Сарапульском, 5 – в Кунгурском, 2 – в Пермском округах⁵². Количество обучающихся превышало несколько сотен человек, в том числе в Кунгурском округе – 193 человека, в Сарапульском округе – 147, в Пермском округе – 47 человек⁵³.

Между тем в условиях укрепления советской власти официальная государственная антирелигиозная политика и ислам не могли сосуществовать. Так, уже в январе 1924 года заведующий агитпропом и секретарь Пермского окружного татбашбюро писал в Уралобком: «...в местной мечети по воскресениям среди мужчин и по пятницам среди женщин проводятся беседы на религиозные темы вне времён религиозного обряда (Намаз), где со стороны муфтиев Гасимова и Айдарова ведётся агитация в религиозном духе», в этой связи «Татбашбюро просит сообщить, имеют ли они отдельно разрешение на ведение таковых бесед в не молитвенное время, и если нет, то какой штраф»⁵⁴. На уровне страны вопрос был решён в конце 1924 года. На заседании Центрального Татаро-Башкирского Бюро при ЦК РПК(б) 17 октября 1924 отмечалось, что «большим тормозом в работе является духовенство: в последние два

⁴⁹ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6.

⁵⁰ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 53.

⁵¹ Там же. Д. 233. Л. 74.

⁵² В Верхнекамском округе обучение исламу не проводилось.

⁵³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 165а.

⁵⁴ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 11.

года по линии Наркомнац духовенству представлены такие права, что они вполне имеют возможность вести свою агитрабoту на местах, они в каждом посёлке имеют 2–3 представителя духовенства, в то время как мы туда попадаем 2–3 раза в год». На этом заседании постановление Наркомнаца было названо необдуманнoм, а Наркомпрос решением от 3 января 1923 года постановил, что все религиозные школы должны быть закрыты, но по факту этого не было сделано⁵⁵. При этом сам религиозный актив не видел противоречий с советской властью и пытался использовать её ресурс, прикрывая свою фактическую деятельность необходимостью достижения задач советской власти. Так, в фондах ПермГАСПИ сохранился протокол заседания инициативной группы татар 1924 года, планировавшей создать мусульманский кооператив. «Кооператив мог бы решить и культурные нужды тёмного татарского населения», – сообщалось в документе⁵⁶. Однако в итоге в создании такого кооператива было отказано.

После заседания Татаро-Башкирского Бюро при ЦК РКП(б) в октябре 1924 года ислам также попадает в русло антирелигиозной политики. Уральский областной агитпроп в инструкции окружкомам в 1924 году писал, что в связи с «усилением влияния духовенства на т/б массы, в особенности на крестьянство, антирелигиозная пропаганда среди татаро-башкир приобретает особо важное значение»⁵⁷. В резолюции Первой Уральской областной конференции коммунистов татаро-башкир отдельным пунктом было обозначено, что политика НЭПа привела к «некоторому притуплению» классовой борьбы между рабочими и буржуазным элементом татаро-башкир, что стало причиной активизации мусульманского духовенства, «пытающегося под флагом ислама проводить шовинистические идеи пантюркизма и его религиозной оболочки – панисламизма»⁵⁸. Для противодействия исламу предлагалось готовить «антирелигиозников» из среды членов партии, окончивших старое медресе или хорошо знакомых с исламом; дополнить работу совпартшкол по антирелигиозной пропаганде пунктом об антиисламской пропаганде; вести широкую антиисламскую пропаганду среди широких масс; обратить внимание на педсостав «в смысле его подготовки по антирелигиозным вопросам»⁵⁹.

Важным направлением антирелигиозной работы стала поддержка праздника Сабантуй. Праздник не был связан с исламским вероучением, поэтому его использовали как альтернативу религиозным тор-

⁵⁵ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 48, 61.

⁵⁶ Там же. Д. 244. Л. 100.

⁵⁷ Там же. Д. 234. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Л. 56.

⁵⁹ Там же.

жествам. На упомянутом выше заседании пленума Уральского обкома в 1925 году был заслушан доклад «О реконструкции сельского хозяйства в национальных районах Уральской области». В резолюции отмечалось, что национальные меньшинства в вопросах сельского хозяйства находятся «на низшем уровне своего развития в сравнении с сельским хозяйством основных национальностей»⁶⁰. Уралстатбюро предлагалось начать изучение хозяйственно-экономического, культурного и социального устройства национальных меньшинств, местным органам – придать массовым национальным праздникам, таким как Сабантуй, характер демонстрации достижений сельскохозяйственного коллективного труда⁶¹. Первоначально праздник Сабантуй предлагалось проводить в день праздника Курбан-байрам, а в противовес жертвоприношениям планировалось «развернуть пропаганду за улучшение скота и улучшение его породы... и все процедуры «Сабантуя» должны поиметь современный физкультурный, спортивный вид. Он должен быть днём разумного отдыха рабочего»⁶². Работе по проведению Сабантуя уделялось большое внимание. Для организации праздника в 1925 году комиссия по устройству «сабантуй» при Татбашбюро окружкома РКП(б) получила в распоряжение один автомобиль, грузовики для перевозки буфета и скамеек. О празднике сообщалось, что он устраивается с благотворительной целью и все сборы поступят в фонд Ильича⁶³. Председатель Пермского окружкома в инструкции по проведению Сабантуя в 1925 году особо указывал, что праздник «ничуть не является религиозным праздником, а наоборот, антирелигиозным праздником, праздником физкультуры и сельскохозяйственного труда. Если в старину крестьянин думал, что урожай зависит от бога, то современный крестьянин должен быть вооружён наукой и уметь бороться с природой и использовать её... перед открытием сабантуя должны быть прочитаны лекции о значении многополья, кооперации и физкультуры, используя для этого местных агрономов, медиков и работников просвещения»⁶⁴.

Со временем Сабантуи стали более масштабными торжествами. Можно предположить, что в советский период значение Сабантуев значительно возросло за счёт понижения влияния религиозных праздников. В 1927 году председатель областного совета нацмен Е. Хасанов, например, писал, что «в дни национальных и религиозных праздников большинство школ и детдомов под руководством педагогов проводит

⁶⁰ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.

⁶¹ Там же. Л. 7.

⁶² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 48.

⁶³ Там же. Л. 40.

⁶⁴ Там же. Л. 48.

антирелигиозную пропаганду... руководство праздниками Сабантуй, Жейны, Косе постепенно переходит в руки партийных и комсомольских органов»⁶⁵.

Таким образом, после создания Уральской области основная деятельность в сфере национальной политики сместилась в сторону поддержки наиболее многочисленных народов. В отношении татарского и башкирского населения политика большевиков велась с разной степенью успешности, но имеющийся ресурс и масштабы деятельности не позволили наладить системную работу по всем территориям. Татары и башкиры Прикамья привлекались к реализации национальной политики во время разовых мероприятий и акций, а также в рамках массовых кампаний по набору в партию. Проводимая политика не встречала отклика у местного населения, поскольку мероприятия носили единичный характер, система подготовки агитаторов практически не работала. В этом отношении большевики проигрывали религиозным лидерам, которые легко расширяли сеть сторонников в условиях конкуренции и религиозной свободы. Однако в условиях безальтернативного развития и усиления режима большевистская идеология постепенно принималась основной массой населения и определяла дальнейшее развитие духовной сферы общества.

2.3. РАЙОНИРОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА УРАЛЕ

2.3.1. Прикамье в составе Уральской области

В 1920-е годы на территории РСФСР была реализована масштабная административная реформа, полностью изменившая административно-территориальную структуру страны и принципы управления ею. За этой реформой закрепился термин «районирование». По всей стране комиссия ЦИК по районированию из существующих губерний создала девять областей, включавших в себя 53 округа, 706 районов и 9307 сельсоветов⁶⁶. Базовой административной единицей стал округ, который называли «увеличенным в 2 раза уездом или уменьшенной в 2 раза губернией»⁶⁷. На 1 июля 1925 года созданная Уральская область занимала территорию 1660,7 тыс. кв. км, включающую в себя 16 округов, 206 районов и 3068 сельсоветов с общим населением 6386,1 тыс. человек⁶⁸. За время существования области на её территории было создано

⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 305 об.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁶⁷ Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 76.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.

426 национальных сельсоветов, или 13,6 процента от их общего числа по области. Из них чисто национальных – 149, с преобладающим населением национальных меньшинств – 110, со смешанным населением – 167. Национальных районов создано 15, из них чисто национальных – девять и смешанных – четыре⁶⁹ (см. таблицу).

Таблица 2.1

**Население прикамских округов Уральской области
на 1926 год**

Округ	Площадь (тыс. кв. км)	Население	Плотность населения (чел. на кв. км)	Процентное соотношение русского и нерусского населения (рус. : нерус.)	Наиболее крупные национальности (свыше 1000 чел.)
Верхнекамский	70,1	203 181	2,9	95 : 5	Русские, татары, пермяки
Кунгурский	25,8	479 519	16,3	88 : 12	Русские, татары, марийцы, башкиры
Пермский	38,1	715 988	18,8	95 : 5	Русские, пермяки, татары, белорусы, евреи, башкиры
Сарапульский	23,1	539 746	23,7	90 : 10	Башкиры, вотяки, русские, татары, марийцы
Коми- Пермяцкий	22,3	152 491	6,84	23 : 77	Пермяки, русские

Составлено и подсчитано по: Список населённых пунктов Уральской области. Т. 1. Верхнекамский округ. Свердловск, 1928. С. 8–12; Список населённых пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ, 1928. С. 9; Список населённых пунктов Уральской области. Т. V. Коми-пермяцкий округ. Свердловск, 1928. С. 9–10; Список населённых пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 9–10; Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 107–126.

Верхнекамский округ Уральской области был создан преимущественно на территории бывших Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии. Административным центром округа был город Усолье (с 1928 года – Соликамск). По данным проведённой в 1920 году переписи населения (расчёты которой принимались во внимание при проведении реформы), население округа составляло 315 988 человек, или 12 процентов от населения Прикамья. Это был самый маленький по населённости, но самый большой по территории округ региона. Северо-запад округа был местом исторически сложившегося ком-

⁶⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 2.

пактного проживания коми-пермяцкого населения. Крупнейшими национальностями округа были пермяки (позже – коми-пермяки) и русские. В округе значилось четыре национальных района. Помимо коми-пермяцкого населения важную роль в округе играли и татары, компактные поселения которых сложились в Кизеловском районе, где ещё в досоветский период на конях трудилось большое количество татар, работавших по найму.

Кунгурский округ создавался из бывших Кунгурского и части Осинского уездов Пермской губернии, а также части Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии. Этнический состав округа также был пёстрым. При составлении Списка населённых пунктов округа, например, для Кунгурского округа, авторы даже ввели отдельные графы для 4, 5 и 6-й по численности национальности в районах в связи со «сложным национальным составом»⁷⁰. Округ стал основным местом расселения сылвенско-иренских татар. Кроме этого, здесь находилось крупнейшее за весь период существования Уральской области сообщество марийцев – на территориях Красноуфимского, Суксунского и Манчажского⁷¹ районов. Здесь же имелись места компактного проживания цыган, белорусов и чувашей (Красноуфимский район), немцев и эстонцев (Алмазовский район)⁷². В материалах доклада уполномоченного среди национальных меньшинств при президиуме Кунгурского окружного исполнительного комитета (окрика) за 1925 год сообщается, что национальные меньшинства составляют 11,6 процента населения. Национальных селений в округе 143, из них татаро/башкирских – 107, марийских – 36, «нацмен сельсоветов» – 8, из них т/б – 7, марийский – 1⁷³. Ситуацию с национальными меньшинствами округа отчасти раскрывает доклад «О состоянии организационно-массовой работы советов в среде национальных меньшинств Кунгурского округа Уральской области», отложившийся в переписке этого окружкома с Уралобкомом в 1925 году. В документе сообщается, что в округе проживает татаро-башкир – 19 895, мари – 7815, чувашей – 291, немцев – 145, эстонцев – 149, удмуртов – 53. Компактно разные народы, согласно документу, проживали в Манчажском, Богородском, Алмазском, Ачитском и Берёзовском районах. «Бытовыми особенностями нацмен до сих пор продолжают оставаться антисанитарные условия жизни (особенно у мари и удмуртов), тесные грязные жилища, в которых зимой находится

⁷⁰ Список населённых пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928. С. 7.

⁷¹ В 1927 году Манчажский район получил статус национального.

⁷² Список населённых пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ... С. 7.

⁷³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 209.

скот... примерно 60–70 процентов мари поражены трахомой... Развито суеверие, знахарство, которые вместе взятые калечат и уродуют людей нацмен», – говорится в документе⁷⁴.

Пермский округ, унаследовавший управленческую инфраструктуру Пермской губернии, был самым крупным. В этой связи процессы, происходившие на его территории, представляют особый интерес. Крупнейшими этническими группами округа были русские, татары, белорусы и башкиры. Татарское и башкирское сельское население проживало преимущественно в трёх районах: Сергинском, Калининском и Юговском с численностью 8687 человек, что составляло примерно 70 процентов всех татар и башкир округа⁷⁵. Белорусское население ещё со времён Столыпинской реформы проживало на территории Сивинского района⁷⁶. За счёт городского населения Перми в округе существовали крупные общины немцев, поляков и евреев.

В феврале 1921 года постановлением ЦИК РСФСР г. Сарапул с большей частью Сарапульского уезда бывшей Вятской губернии был присоединён к Пермской губернии. В результате слияния этой территории с частью Осинского уезда Пермской губернии образца 1921 года был создан Сарапульский округ. По плотности населения он был самым густонаселённым в Прикамье и вторым в Уральской области. Этнический состав Сарапульского округа также был весьма пёстрым, на его территории располагались места компактного проживания татар, башкир, марийцев и удмуртов⁷⁷. В отчёте Сарапульского окрика за 1925 год говорится о «60 сёлах татаро-башкирского населения общей численностью 33 994 человека, вотяков 22 села и 11 036 человек, марийцев 8 сёл и 2422 человека, немцев и эстонцев 1 село и 225 человек, всего 92 села и 47 924 человека». Удмурты, в частности, компактно проживали в Бикбардинском (больше всего – 6308 чел.), Воткинском, Камбарском, Киясовском и Черновском районах⁷⁸. Бардымский район Сарапульского округа был местом компактного проживания гайнинских башкир. Это был единственный район, где доминирующей по численности национальностью не были русские: башкиры составляли свыше 70 процентов населения района. В 1927 году Бардымский район получил статус

⁷⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 107.

⁷⁵ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп 1. Д. 233. Л. 104.

⁷⁶ См.: Черных А. В., Каменских М. С. Этнодисперсные группы народов Пермского края. Белорусы: миграционные и этнические процессы // Вестник Пермского научного центра РАН. 2014. № 1. С. 10–19.

⁷⁷ Список населённых пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 9.

⁷⁸ Тезисы доклада Урала к всесоюзному совещанию работников по районированию. 12 мая 1926 года. См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 37.

национального⁷⁹. Районы компактного проживания представителей отдельных национальностей сформировались также в Рябковском, Бикбардинском, Каракулинском, Киясовском, Воткинском и Черно-вском районах⁸⁰.

Административно-территориальная структура Уральской области сформировалась к концу 1926 года и просуществовала до 1930 года.

Параллельно с районированием в стране шёл процесс создания специальных территориальных образований, сформированных по этническому принципу. За этим процессом в историографии закрепился термин «национально-государственное строительство». Признание права наций на самоопределение и на собственные автономии внутри страны было важной составляющей большевистской политики. Для создававшихся «национальных республик» появление собственных территорий, привязанных к определённым национальностям, означало начало собственной государственности, признание статуса и право на получение ресурсов в общегосударственном масштабе. За 10 лет, с 1920 по 1930 год, собственные административные образования получили практически все наиболее многочисленные народы России⁸¹. Естественно, на практике это вызывало споры и конфликты на местах, особенно в вопросах выделения новых административных единиц из старых: местные власти с неохотой готовы были отдавать часть «своих» территорий вновь создаваемым административно-территориальным «национальным» образованиям. Как отмечал В. П. Шерстобитов, из соседних республик и губерний в национальные районы «включались территории с промышленными центрами и русским пролетариатом, что нередко вызывало протесты губернских властей»⁸².

Другими словами, процесс национально-государственного строительства часто мог идти в разрез с процессами районирования. Так, первый секретарь Уральского обкома ВКП(б) Д. Е. Сулимов в 1926 году официально заявлял, что «национальный принцип... отрицательно отразился на цельности и правильности экономической границы Уралобласти»⁸³. А уполномоченный по делам нацмен Уралобкома Хасанкеев, в свою очередь, в докладной записке по национальному вопросу в Уралобком в сентябре 1924 года писал, что «нужен тщательный

⁷⁹ Список населённых пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ... С. 11.

⁸⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 221.

⁸¹ Вдовин А. И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 25–26.

⁸² История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 / ред. В. П. Шерстобитов. М., 1979. С. 70.

⁸³ Урал после районирования... С. 8.

учёт и изучение итогов районирования в направлении исправления в будущем ввиду согласования их границ с языковой принадлежностью населения районов»⁸⁴.

У большевиков не было достаточных этнографических знаний об устройстве страны, особенностях местной политики, поэтому решения, принимаемые в Москве относительно границ, могли носить спонтанный характер и зависеть от самых разных факторов, в том числе субъективных⁸⁵. Препятствие национально-государственному строительству объявлялось большевиками «великодержавным шовинизмом», а излишние претензии элит, выступающих от имени отдельных народов – «буржуазным национализмом»⁸⁶. Лавируя между двумя этими крайностями, большевики выстраивали новое государство.

Анализ пограничных конфликтов властей прикамских округов и Уральской области с органами власти соседних национальных республик (Удмуртской Республикой и Автономной областью Коми, с Башреспубликой и Татреспубликой), а также создание Коми-Пермяцкого национального округа позволяют проследить особенности национальной политики в период административных преобразований на Урале в 1920-е годы.

2.3.2. Установление границ между Уральской областью и Башкирской АССР

Отдельное направление районирования Уральской области – установление границ в юго-западной и южной частях региона с созданными в 1919–1920 годах Татреспубликой и Башреспубликой⁸⁷. При районировании возникло сразу несколько конфликтных зон, и ситуация в Прикамье является лишь частью целой серии приграничных споров властей Уральской области с этими республиками⁸⁸. Сложность вопроса

⁸⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 40. Л. 340–341.

⁸⁵ *Hirsch F.* Empire of nations... P. 10–11; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question... P. 241; *Jääts I.* “The Permiak question”: Bolshevik central authorities, Russian and non Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s [Электронный ресурс]: Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity (дата обращения: 12.09.2019).

⁸⁶ *Чеботарёва В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 29.

⁸⁷ Здесь и далее, следуя источнику, территория созданной в 1919 году Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики будет именоваться также Башреспубликой, БАССР, Башкирской Республикой. Аналогично и с Татарской автономной Советской Социалистической Республикой (Татреспублика, ТАССР).

⁸⁸ Именно на этом примере рассматривает в своей монографии Ф. Хирш противостояние этнического и экономического факторов («The National Idea versus Economic Expediency»). См. *Хирш Ф.* Указ. соч. С. 97.

демонстрирует подготовленный Уралпланом к заседанию Президиума Госплана доклад С. Немчинова «Об итогах районирования Урала» от 23 июня 1926 года. Учитывая специфику делопроизводства того времени, надо принимать во внимание, что все отчёты сопровождались риторикой торжества советской национальной политики и высоких оценок грамотному районированию. Но даже в этих условиях в тезисах говорится, что «некоторое неизбежное уточнение границ Урала с Баш-республикой и Казакстаном ни в коей мере не может принести ущерба принципу национального самоопределения этих республик». Далее в докладе предполагается, что «рассеять видимость внутреннего противоречия между этими двумя принципами может ускорение неизбежного некоторого пересмотра сетки районов Госплана, при котором должны быть приняты во внимание национальный момент и территориальная конфигурация современных экономических связей»⁸⁹.

Таким образом, даже в официально опубликованных документах власти признавали сложность решения данного вопроса.

Почва для противоречий была заложена ещё в досоветский период. Естественными и административными границами досоветского периода между Казанской, Уфимской, Вятской и Пермской губерниями были реки Кама и Белая. Территория излучины рек к югу от Камы в составе Касевской волости Уфимской губернии принадлежала башкирским землевладельцам (башкирам-вотчинникам), которые сдавали её на протяжении нескольких десятилетий русским крестьянам. В результате на территории к югу от Камы и к северу от Белой появился целый ряд деревень, населённых русскими крестьянами. После отмены личных землевладений и арендных отношений эти селения оказались уже на государственной земле. В Уфимской губернии они занимали т. н. «западную часть Сакловской волости», которая, согласно записке председателя Каракулинского райисполкома А. К. Башкова, включала в себя русские деревни Саклово с починком Ленинским, Козловку, Новосёловку и Мейляш с населением 2826 человек, а также башкирские Саузбашаево, Картово, Сауз и Иней-Иткино численностью 1925 человек⁹⁰. При районировании населённые пункты с русским населением, безусловно, симпатизировали «русской» Уральской области.

Территория к северу от Камы до 1917 года входила в состав Вятской губернии. В 1918 году она была передана Пермской губернии, а в 1923 году здесь был образован Сарапульский округ. Находящийся на

⁸⁹ Тезисы доклада Урала к Всесоюзному совещанию работников по районированию. 12 мая 1926 года. С. 71–73. См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 37.

⁹⁰ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 49.

юге округа Каракулинский район граничил одновременно с Мензелинским районом ТАССР (был передан из Уфимской губернии в 1920 году) и с Бирским Кантоном Башкирской АССР.

Обстоятельства конфликта и ход его разрешения отражены в фондах управления по делам архивов г. Сарапула. Первые упоминания о конфликте появились в отчётах Сарапульского окружкома первой половины 1920-х годов. Так, уже для разбора сложившейся ситуации 11 марта 1923 года собралась межведомственная комиссия с участием исполкомов Татарской и Башкирской республик (всего 4 человека с правом голоса) и Пермской губернии (4 человека). В материалах заседания сообщалось о «продолжавшихся с давних времён спорах о лугах, а затем и открытых столкновениях в 1918–1922 годах граждан Сакловской волости⁹¹ Бирского кантона с гражданами Сарапульского уезда»⁹². Кроме этого, озабоченность конфликтом высказывали присутствовавшие представители Татреспублики, так как данные местности находились на границе с ней. В протоколе заседания отражено, что уже несколько раз до этого созывались комиссии земорганов, «но каждый раз они не состоялись за неприбытием тех или иных представителей»⁹³.

На территории Каракулинского района дважды, 25 июля 1918 года и 24 июня 1919 года, проходило распределение сенокосных угодий, в результате чего одни и те же угодья переходили в собственность сначала Каракулинскому району, а затем Бирскому и Мензелинскому кантонам, с чем жители Каракулино были не согласны⁹⁴. Конфликт начался, когда «в 1921 году с ликвидацией гослугфонда Мензелинским КЗУ часть участков возвращена селениям, получившим их в 1919 году, а часть возвращается по неизвестным обстоятельствам бывшим владельцам башкирам»⁹⁵.

Дополнительные детали этой ситуации представлены в письме жителя села Новосёлова БАССР Фёдора Павловича Личидова. По его сведениям, в 1918 году их село решением Сакловского волисполкома получило луг в 244 десятины на границе с селом Каракулино. Этим лугом граждане пользовались до 1921 года. В 1922 году часть луга решением Сакловского волисполкома отошла деревне Козловка. Когда начался раздел луга, жители Каракулино тоже попытались получить долю, в результате чего возник конфликт. Власти Каракулино даже

⁹¹ В 1923 году волость была переименована в Кузговскую, в связи с чем в делопроизводстве очень часто наблюдается путаница в названиях. См.: Населённые пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа, 2002. С. 277–395.

⁹² Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁹³ Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6.

⁹⁴ Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–36.

⁹⁵ Там же. Л. 41.

арестовали нескольких жителей Козловки, но позже они были отпущены⁹⁶. Конфликт не был национальным, поскольку за право использовать луга спорили русские деревни, оказавшиеся в 1921 году в разных административных образованиях. Но сам факт конфликта спровоцировал инициативы по пересмотру территориальных границ между Пермской губернией и Башреспубликой.

В мае 1922 года власти Пермской губернии создали собственную комиссию, которая передала сёла Новосёлово, Козловку и Мейляш бывшей Сакловской волости с их надельными землями в Сарапульский уезд «без согласия и даже ведома органов власти бывшей Уфимской губернии»⁹⁷. С другой стороны, в Мензелинске 1 июня 1922 года собралась комиссия уже Башреспублики, в связи с чем власти Башреспублики, а также Татреспублики просили признать решения комиссии от 21 мая незаконными. Сохранившийся протокол комиссии от 11 марта 1923 года отражает и «внепорядковые прения присутствующих»: в течение двух дней заседаний голоса разделились поровну между представителями БашЦИКа и ТатЦИКа (4 голоса) и Пермской губернии (4 голоса)⁹⁸. После неудавшегося голосования по вопросу о границах стороны пытались обсудить предотвращение новых конфликтов населения во время покосной кампании 1923 года, однако, как следует из протокола, стороны «во время хода прений ни к какому единодушному решению не пришли, потому постановили: заседание комиссии закрыть»⁹⁹. Таким образом, компромисса в марте 1923 года не было достигнуто.

На случай возникновения подобных территориальных споров в РСФСР 8 октября 1923 года была принята специальная Инструкция ВЦИК и СНК, пункт 3 которой рекомендовал создавать при райисполкомах районов со спорными территориями Согласительные комиссии с участием заинтересованных сторон, которые перераспределяли территории и население приграничных районов. Эти комиссии принимали итоговое решение, изучая национальный состав, экономическое развитие и административное тяготение населения спорных территорий. Вторая стадия конфликта началась после образования Уральской области, когда с инициативой создания таких комиссий вышел Уральский облисполком. Учредительное собрание комиссии состоялось 27 июля 1924 года в г. Уфе. Участие в нём приняли представитель административной комиссии БашЦИКа Бишиев, от Уральской обла-

⁹⁶ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 24.

⁹⁷ Там же. Л. 8.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Л. 11.

сти – Б. В. Дидковский, член административной комиссии при ВЦИК РСФСР Даутов, а также представители БашЦИКа. В дополнительных материалах к совещанию Б. В. Дидковский вновь обратил внимание на существование пограничных вопросов с Башреспубликой, указывая, что «эти недоразумения в огромном большинстве своём продолжают уже несколько лет... повторяясь неизбежно ежегодно и нередко с применением физической силы»¹⁰⁰. Заседание начал Б. В. Дидковский, который предложил урегулировать порядок приграничного землепользования и договориться об установлении твёрдых границ между Уралобластью и Башреспубликой, «основываясь на национальном, экономическом и административном тяготении и учитывая мнение трудовых масс населения», а работу по установлению границ и правил землепользования проводить «в общей Русско-Башкирской комиссии из паритетных начал с назначением БашЦИКом представителя соответствующего кантона и Уралоблисполкомом от соответствующего округа»¹⁰¹. В случае возникновения вопросов, которые совместной комиссией решить не удастся, Дидковский предлагал обращаться за решением во ВЦИК. Предложение было одобрено большинством¹⁰². Обращая внимание на то, что «земли трудового Башкирского населения, им самим обрабатываемые и используемые, не должны быть задеты», Б. В. Дидковский тем не менее предлагал «долевое исправление приграничной полосы на основе наиболее целесообразного использования совокупности национальных признаков и экономического и административного тяготения рабочих и трудовых крестьянских масс»¹⁰³. Другими словами, предлагалось уйти от чересполосицы, «слишком извилистой» границы, и отделить башкирские поселения от русских. Конкретно на том совещании речь шла о западной части бывшей Сакловской волости, Агтяшках, а также ряде селений между Камбаркой и Бикбардой в Сарапульском округе, мешеряцких Усть-Багарянской и Карабольской волостях Белорецкого района БАССР¹⁰⁴. Решить вопросы о принадлежности этих территорий должна была отдельная согласительная комиссия с выездом на место.

¹⁰⁰ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 18.

¹⁰¹ Там же. Л. 16.

¹⁰² Из более поздних источников видно, что такие комиссии только в Прикамье были созданы при Куединском, Каракулинском и Камбарском районах Сарапульского округа, Красноуфимском районе Кунгурского округа. Все они занимались урегулированием границ с Башреспубликой.

¹⁰³ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 19.

¹⁰⁴ Там же.

Первое заседание созданной после совещания в Уфе окружно-кантонной Комиссии по выяснению границ между Сарапульским округом и Бирским кантоном, созданной на основании решения от 11 марта 1923 года, состоялось в г. Сарапуле 16 сентября 1924 года. В нём приняли участие заместитель председателя земуправления Бирского кантона Л. М. Овчинников и секретарь Ш. С. Гайнулин. От Сарапульского округа участвовали ответственный секретарь Сарапульского окрика И. П. Павлов, зав. секцией нацмен С. Г. Хисмивич, землемер-ревизор Сарапульского окружного земуправления И. В. Дмитриев. Председателем был избран И. П. Павлов, секретарём – Ш. С. Гайнулин. Однако голосование уже по первому вопросу показало непримиримость сторон, поскольку у комиссии, согласно протоколу, было выбрано два председателя и два секретаря – от Сарапульского окрика и Башреспублики соответственно. Комиссия должна была выехать на места и решить вопрос о национальном и экономическом тяготении населения бывшей Сакловской волости Башреспублики к Уральской области. В каждой деревне планировалось проводить встречи на уровне сельсоветов с участием представителей волисполкомов, а население привлекать только в случае надобности¹⁰⁵. Работу планировалось проводить в населённых пунктах Саклово, Козловка, Новосёлово, Мейляш, Сауз, Саузбаш, Картово, Иткино, Ленинский¹⁰⁶. Естественно, что русские деревни Козловка, Новосёлово, Мейляш, расположившиеся на южном берегу Камы, по национальному признаку тяготели к Каракулинскому району Сарапульского округа, так как в созданной на месте Сакловской Кузговской волости больше русских селений не было. Однако отмечалось, что экономически они практически не зависят от Каракулинского района (на основании опросов в материалах доклада присутствовала цифра 2 процента)¹⁰⁷. Что же касается административного фактора, то Каракулинский райисполком признавался однозначно как «в культурном и административном отношении более мощный, чем Кузговский»¹⁰⁸. Комиссия постановила провести во всех селениях бывшей Сакловской волости общие собрания граждан, на которых обсудить вопрос о том, желают ли жители перейти в Каракулинский район Сарапульского округа. Также комиссия подчёркивала, что в случае перехода селений

¹⁰⁵ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 25–26.

¹⁰⁶ Населённые пункты охватывали территории двух волостей Касевской (бывш. Сакловская, позже вошла в Калегинскую) и Кузговской (позже переименована в Ново-Кабановскую). См.: Населённые пункты Башкортостана... С. 277–395.

¹⁰⁷ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 27–28.

¹⁰⁸ Там же. Л. 28.

в Каракулинский сельсовет «спорность о лугах в областном масштабе отпадает сама по себе»¹⁰⁹. Опросы населения было намечено проводить до 18–20 сентября.

О том, как проходила работа на местах, известно сразу из нескольких источников. Большую ценность имеет и доклад представителя Сарапульского округа Павлова в адрес комиссии. Он раскрывает работу с населением 18 и 19 сентября 1924 года. В документе Павлов обращает внимание на претензии Башреспублики по поводу агитации среди русского населения за переход в Сарапульский округ, хотя «установлено на месте, что агитация кантоном всё время велась против перехода в Сарапульский округ». В подтверждение он ссылался на слова встречавшего их секретаря Кузговского волисполкома Мунасимова о том, что население против перехода в Сарапульский округ, эту же мысль высказали и прибывшие представители селений¹¹⁰. Но вместо принятия этой позиции комиссией было «признано неоспоримое тяготение к Сарапульскому округу по всем трём пунктам»¹¹¹. Прибывшие представители селений Кузговской волости, по мнению комиссии, отказались из-за агитации и интереса богатейших крестьян, которые в случае перехода в Сарапульский округ начали бы платить больший налог. Само же население Кузговской волости, если верить отчёту комиссии, выразило полное желание перейти в Сарапульский округ: «...волость населяет большинство русских и часть марийцев, и совсем нет татаро-башкир, так что во всех отношениях тяготеет вся волость к нам». Позицию властей Бирского кантона члены комиссии расценили как «надевание узды на голос населения» и «узурпаторские стремления»¹¹². Нельзя не упомянуть и о поведении представителя БашЦИКа Ш. С. Гайнулина, который, если верить источникам, не сумел сохранить нейтральную позицию. В докладной записке представителя Каракулинского района Алексея Карповича Башкова от 23 сентября 1924 года сказано о конфликте, возникшем из-за поведения Гайнулина, который вёл себя как «ярый националист, изображая из себя хозяина положения, чем вызвал сильный протест». В отчёте комиссии говорится, что Гайнулин на опросах населения «одних урезывал в показаниях или их извращал в негодную для них сторону, а других наталкивал на более выгодные для них показания... даже позволял себе высказываться, как бы умышленно

¹⁰⁹ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 28.

¹¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 44.

¹¹¹ Там же. Л. 45.

¹¹² Там же. Л. 47.

создавая споры»¹¹³. По словам А. К. Башкова, Ш. С. Гайнулин давил на представителей д. Мейляш, в результате чего они давали сбивчивые показания, а позже отказывались от многих своих слов. Кроме этого, он обещал представителям Кузговской волости, что «Каракулинскому району здесь лугов не полагается»¹¹⁴. Для обеспечения нужного Уральской области решения комиссии на месте постановили созвать съезд с участием сельсоветов. Однако, когда об этом стало известно, пришла телеграмма представителя БашЦИКа Шаталова об отказе в проведении съездов, и мероприятие не состоялось¹¹⁵.

При попытке созвать съезд в соседней Калегинской волости представителю БашЦИКа также пришла телефонограмма от председателя кантонного исполкома Губаева, в которой было сказано: «Утверждается, о передаче территорий Сарапульскому округу не может быть речи»¹¹⁶. В результате этого, как сказано в акте комиссии, «съезд был сорван, и крестьяне недовольные разъехались по домам, потеряв день страдной работы»¹¹⁷. Протоколом от 22 сентября 1924 года рабочая группа по выявлению пограничных споров Уральской области и Башреспублики постановила, что решение данного вопроса возможно только путём землеустройства с изменением территориальной принадлежности или в порядке разрешения земельных споров. Для этого было решено направить в территорию землеустроителей от Сарапульского округа и Бирского кантона, срок работ был обозначен – до 23 сентября. Также в разделе «Разное» комиссия выразила протест против действий уполномоченного БашЦИКа Ш. С. Гайнулина, который «своими поступками даёт повод думать о пристрастном его поведении к делу за одну сторону, т. е. граждан Бирского уезда»¹¹⁸.

Повторно вопрос был рассмотрен 23–24 сентября, о чём свидетельствует акт окружно-кантонной комиссии от 24 сентября 1924 года. Цель её – выявить, как относится местное население к идее перехода спорных сельсоветов в административное подчинение Сарапульского округа. Как следует из документа, присутствовавший представитель кантона сообщил, что «кантон запрещает разговаривать о переходе в Сарапульский округ, и он отказывается на этом съезде обсуждать данный вопрос и... с повестки дня вопрос снял». Для такого решения он

¹¹³ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 29–30.

¹¹⁴ Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 37–38.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. Л. 38.

¹¹⁷ Там же. Л. 39.

¹¹⁸ Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 29–30.

получил служебную телеграмму от исполкома кантона¹¹⁹. В результате встречи с населением не состоялись.

Таким образом, судя по отчётам, комиссия не смогла организовать работу согласно принятому ранее плану.

В Камбарском районе комиссия, работавшая в мае 1924 года, выявила самовольные заселения русскими крестьянами из селений Пермской губернии («припущенниками») южного берега реки Буй ещё в начале XX века, хотя граница Пермской и Уфимской губерний в этом районе шла по данной реке. В связи с этим было предложено «в целях сохранения существующей естественной границы и хозяйственно-целесообразного использования этих земель» закрепить земли за переселенцами «с причислением переселенцев в административном отношении к Уральской области»¹²⁰. С соответствующим обращением вышли жители деревень Кармановой, Урдяковой, Касак-Каиновой, Кумовой, Кизильяр, Краснояр, Бедряж и ст. Артауловой Байгузинской волости Бирского кантона¹²¹. Но как отмечено в протоколе, между просителями и руководством Бирского кантона «возникли разногласия, требующие разрешения этого вопроса в установленном законом порядке»¹²².

Спорные луга по границе реки Белой были у Каракулинского района Сарапульского округа и с Мензелинским кантоном (д. Семиострово) Татарской Республики. Этой территорией также занималась комиссия по урегулированию землепользования¹²³. Если верить источнику, за эти луга были даже вооружённые столкновения между жителями Арзамасцевской и Кузговской волостей и деревни Семиострово Мензелинского кантона. Так, в коллективном заявлении граждан Каракулинского района в согласительную комиссию говорится: «...когда же граждане Арзамасцевской волости, коим был указан означенный луг для костьбы, приехали на костьбу, то граждане Мензелинского уезда, вооружённые, их прогнали, о чём имеются дела в суде»¹²⁴. В июле 1924 года, после того как жители Каракулинского района самовольно выкосили Семиостровские луга, члены согласительной комиссии от Татарской Республики предлагали даже арестовать сено до решения Особой комиссии. В этом вопросе компромисса также не было найдено, комиссия просто перестала существовать¹²⁵.

¹¹⁹ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 39.

¹²⁰ Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 16. Л. 28 об.

¹²¹ Там же. Л. 27.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. Д. 12. Л. 63.

¹²⁴ Там же. Л. 50, 57.

¹²⁵ Там же. Л. 64.

Приведённые выше факты о конфликтных ситуациях на границе Уральской области, БАССР и ТАССР красноречиво свидетельствуют, насколько бескомпромиссны были позиции молодых советских органов власти этих регионов в территориальных вопросах. Фактически получив земли в управление в период с 1920 по 1921 год (а Уральская область в 1923 году), они воспринимали их «своими» и отказывались рассматривать любую возможность пересмотра границ даже на уровне переговоров.

В результате вопрос решался на самом высоком уровне. В июне 1925 года Президиумом ВЦИК была создана комиссия «для всестороннего обследования на месте вопроса об установлении границ между Башреспубликой и Уральской областью», о чём отдел землеустройства Уральского областного земельного управления уведомил власти Сарапульского, Кунгурского, Свердловского, Шадринского, Челябинского и Златоустовского округов. Работу планировалось закончить к концу сентября 1925 года, в связи с чем требовалось «немедленно подобрать все материалы по этому вопросу и с ними вместе с своими выступлениями командировать ответственное лицо в ОБЛЗУ к 15 июня»¹²⁶. Специальным постановлением ВЦИК от 26 октября 1925 года было принято решение о передаче «русских» деревень Башреспублики в состав Сарапульского округа, а башкирского населения – в состав Башреспублики. Протоколом № 9 от 26 августа 1926 года и на основании акта Согласительной комиссии от 15 августа 1926 года селения Мейляш, Новосёловка и Козловка были переданы в административное подчинение Сарапульского округа. Хотя даже после этого представитель БАССР Салимьянов отметил в протоколе особое мнение: «селения неразрывно связаны экономически с БАССР, и считаю необходимым переосмыслить этот вопрос в Президиуме ВЦИК»¹²⁷. Итоговые решения отражены в протоколе заседания Сарапульской окружной административной комиссии по районированию при Сарапульском окрисполкоме. Согласно протоколу заседания от 8 сентября 1926 года в Каракулинский район округа из Кузговской волости Бирского кантона были переданы Новосёлово, Козловка и Мейляш с населением 1226 человек. Однако вопрос о пользовании лугами на спорных участках бывшей Сакловской волости был обозначен в протоколе как нерешённый¹²⁸.

Ещё одно уточнение границ Уральской области и Башкирской АССР произошло в 1926 году. В фондах Управления по делам архи-

¹²⁶ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

¹²⁷ Там же. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 108.

¹²⁸ Там же. Л. 100–100 об.

вов Администрации г. Сарапула сохранился акт от 20 июля 1926 года о передаче части территории Казанчинской волости Бирского кантона БАССР в Сарапульский и Кунгурский округа Уральской области. На основании соответствующего постановления ВЦИК от 26 октября 1925 года в Кунгурский и Сарапульский округа были переданы 47 населённых пунктов с численностью жителей 11 211 человек (Сарапульский округ), а также 22 населённых пункта с 3060 жителями (Кунгурский округ). За счёт этого были расширены территории в Сарапульском округе – Больше-Есаульского сельсовета (деревни Б. Есаул, М. Есаул, Копытово, Покровка, Баяс, Левый Бизяр, правый Бизяр, Нижний Есаул); Етышского сельсовета (деревни Лаптево, Кузнецово, Ведерниково, Вегодинск, Устиново, хутора Порсева, Малькова, Усанина); Нижне-Трунского сельсовета (деревни Нижний Трун, Старый Трун, Лысая Гора, Троицк, Крещенка, Александровские ключи, хутор Трубицына); Темновского сельсовета (деревни Тёмное, Анастасьинка, Андреевск, Верхний и Нижний Григорьевск, Евгеньевск, Илеметево, Ивановская, Николаевский, Второй Николаевский, Озерки); из Васильевского сельсовета переданы деревни Текловка, Абдулино, Первый и Второй Ефимовский. Территория Кунгурского округа была расширена за счёт передачи Тураевского сельсовета (деревни Тураевка, Орловка, Юмраково, Баймурзино, Иликово, Левинск, Ново-Петровск); Васильевского сельсовета (селения Ильинск, Васильевка, Рождественский, Юрьевка); Тюинского сельсовета (селения Тюинск, Сергеевка, Екатериновка, Дмитриевка, Лидовка, Нижняя Лидовка, Жулановка, Новые хутора)¹²⁹. Большинство жителей этих населённых пунктов в источниках называются русскими по национальности, в связи с чем и осуществилась передача¹³⁰. При этом башкирские по национальному составу деревни, находящиеся на территории Аксаитовского сельсовета Куединского района Сарапульского округа¹³¹, с общей численностью населения около 2500 человек на основании того же постановления были переданы Бирскому кантону¹³². От Камбарского района в подчинение Байгузинской волости Бирского кантона были переданы 19 населённых пунктов общей численностью населения 7699 человек (переданные сельсоветы:

¹²⁹ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 16. Л. 29–29 об., 30.

¹³⁰ Список населённых пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ.. С. 120–134.

¹³¹ Деревни Аксаитова, Маматеева, Ильметьево, Зирим-Зибаш, Новый Артаул. Изначально вместе с ними планировалось передать и русские по населению посёлки Ново-Троицкий, Ново-Петровский, Первомайский, Ново-Вознесенский, но после повторного рассмотрения вопроса «ввиду категорического протеста граждан о переходе их в Башреспублику» их было решено оставить в Сарапульском округе. См.: Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 100 об.

¹³² Там же. Л. 29–29 об., 38.

Карман-Актаусский, Боядинский, Туртыковский, Пулат-Илгинский, Ново-Артауловский, Тат-Урадинский)¹³³.

Таким образом, в стране, где этнические различия были провозглашены уходящими в прошлое, власти вынуждены были определять границы регионов строго по этнической линии.

Согласно источникам работа административной согласительной комиссии Уральской области и БАССР продолжалась до сентября 1926 года. Последнее заседание, прошедшее 8 сентября 1926 года, зафиксировало следующие изменения. Из Башреспублики в Уральскую область было принято 52 населённых пункта численностью 13 398 человек, в том числе русских – 12 722, татар – 145, марийцев – 169, вотяков – 67, прочих национальностей – 295, при этом Башкирии передано 24 населённых пункта с 10 276 башкирами¹³⁴.

Разрешение конфликта между Башреспубликой и Уральской областью позволяет сделать несколько общих выводов. Во-первых, ключевым фактором в определении и перераспределении границ в этой части Уральской области стал национальный. Даже сохранив чересполосицу, власти пошли на строгое этническое разграничение. Во-вторых, обращает на себя внимание и поведение сторон. Несмотря на общую большевистскую солидарность, при распределении ресурсов местные власти бескомпромиссно отстаивали право на «свои» земли, используя любые методы. Власти Башреспублики, например, вели агитацию среди русского населения и отправляли «удобных» представителей для выражения общего мнения, а представители Уральской области, не принимая во внимание никакие экономические доводы, указывали на национальную принадлежность населения. Центральные же власти, разбирая эти конфликты, смогли найти компромисс только в этническом разделении территорий.

2.3.3. Дискуссии о самоопределении пермяков. Создание Коми-Пермяцкого округа

Самым острым и во многом показательным противостоянием местных органов власти инициативам национально-государственного переустройства на Урале можно считать ситуацию вокруг самоопределения пермяков¹³⁵. Они исторически были компактно расселены на территории северо-запада Пермской губернии – в Белоевской, Верх-

¹³³ Управление по делам архивов Администрации города Сарапула. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 41.

¹³⁴ Там же. Л. 100.

¹³⁵ До 1926 года коми-пермяцкое население официально называли «пермяками».

Иньвенской, Кудымкарской, Егвинской, Ошибской, Архангельской, Купросской, Тиминской и Кувинской волостях Соликамского уезда и Юксеевской, Косинской, Кочёвской, Гайнинской, Верх-Язьвинской и Усть-Зулинской волостях Чердынского уезда¹³⁶. По данным единственной досоветской переписи населения 1897 года, их численность составляла 114 тыс. человек¹³⁷.

После событий 1917 года актуализировался вопрос о территориальной принадлежности пермяков. С одной стороны, этнически они были близки соседнему зырянскому населению (совр. коми-зыряне – **М. К.**), с другой – исторически и экономически тяготели к Пермской губернии. Борьба, происходившая в начале 1920-х годов между властями Пермской губернии и автономной области Коми за территории проживания коми-пермяцкого населения, уже не раз освещалась в историографии. В. Г. Чеботарёва даже посвящает процессу создания Коми-Пермяцкого округа отдельный раздел своей монографии¹³⁸. Специальный параграф по данной теме выделен и в последней коллективной монографии «История Коми с древнейших времён до современности», вышедшей в 2011 году в Сыктывкаре¹³⁹. Кроме этого, процесс создания Коми-Пермяцкого округа и сопутствующих ему дискуссий представлен в работах пермских учёных А. Е. Коньшина¹⁴⁰, С. И. Пономарёва¹⁴¹, М. А. Чугаева¹⁴², Г. Т. Бачева¹⁴³ и др., а также зарубежных исследователей С. Лаллукки¹⁴⁴ и И. Яатса¹⁴⁵. Однако происходившие события часто рассматриваются исследователями автономно, без учёта общих тенденций в реализации государственной национальной политики в стране. В данном разделе сделана попытка не только максимально полно реконструировать ход создания округа в свете новых документов, но и представить его в русле

¹³⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. XVI. С. 94–97.

¹³⁷ Статистический сборник на 1923 год. Оханск, 1923. С. 38–39.

¹³⁸ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 173–185.

¹³⁹ История Коми с древнейших времён до современности. Т. 2. Сыктывкар, 2011. С. 281–284.

¹⁴⁰ Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Учебное пособие. Кудымкар, 2004.

¹⁴¹ Пономарёв С. И. Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и её роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 420–437.

¹⁴² Чугаев М. А. К вопросу об образовании Коми-пермяцкого национального округа // Учёные записки Пермского университета. 1965. № 133. С. 115–125.

¹⁴³ Бачев Г. Т. Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник. 2-е изд. Кудымкар: Пермское книжное издательство. Коми-Пермяцкое отделение, 1975.

¹⁴⁴ Лаллукка С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. СПб., 2010.

¹⁴⁵ Jääts I. "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s [Электронный ресурс]: Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity (дата обращения: 12.09.2019).

тех процессов, которые проходили в стране в сфере национальной политики. В фондах центральных и региональных архивов отложилось немало документов по истории создания округа. Особую ценность представляют стенограммы закрытого заседания комиссии, выделенной секретариатом ЦК ВКП(б) по вопросу о Пермском крае, от 15 января 1925 года. Комиссия принимала решение о создании Пермского края и разбирала ситуацию, сложившуюся в данной территории в 1921 году. Материал впервые вводится в научный оборот.

Учитывая, что процесс формирования округа длился почти пять лет и в отдельные периоды на него влияли разные ведомства и личности, целесообразной представляется следующая периодизация: 1) сентябрь 1918 – декабрь 1921 года: начало дискуссии об автономии народов коми, борьба Комиоблревкома и Пермского губисполкома за будущее пермьского населения; 2) январь – декабрь 1922 года: дискуссии в Наркомнаце и ВЦИК по поводу пермьского населения, передача автономной области Коми части территорий Пермской губернии; 3) январь 1923 – апрель 1924 года: активизация деятельности пермских лидеров, влияние на дискуссию о процессах районирования Урала и ликвидации Наркомнаца; 4) апрель 1924 – февраль 1925 года: обсуждение статуса пермяков в составе Уральской области, создание округа.

2.3.3.1. Сентябрь 1918 – декабрь 1921 года

После провозглашения советской власти Пермский край Пермской губернии (так назывались территории проживания пермьского населения – **М. К.**) оказался в сфере интересов создаваемой автономной области Коми, основная территория которой входила в состав Усть-Сысольского уезда Архангельской губернии, где исторически компактно проживало коми-зырянское население. Идея автономии для всех народов коми возникла ещё в январе 1918 года¹⁴⁶. Её сторонники стали искать поддержки у центральных властей в лице Народного комиссариата по делам национальностей. 14 сентября 1918 года Усть-Сысольский уездный исполком принял решение командировать своего представителя в Наркомнац, а 25 ноября 1918 года в структуре Наркомнаца был создан «зырянский отдел» (зырянотдел)¹⁴⁷. Но во время Гражданской войны никаких конкретных решений относительно автономии для коми-зырянского населения принято не было. Вновь к идее собственной автономии активисты национально-культурного движения зырян вернулись только в середине 1920 года, когда на территории их прожи-

¹⁴⁶ История Коми с древнейших времён... С. 272.

¹⁴⁷ История Коми АССР / ред. И. Б. Бехрин. Сыктывкар, 1981. С. 201.

вания закончились военные действия. Седьмой съезд Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда в мае 1920 года принял постановление о созыве первого Всезырянского съезда с целью объединения всего коми народа¹⁴⁸. I Всезырянский съезд был проведён в Усть-Сысольске 8 января 1921 года. На повестке дня был один вопрос – о создании автономной области Коми. По представленному заведующим зырянотделом Наркомнаца Дмитрием Александровичем Батиевым проекту в область должны были войти земли Прикамья и нижней Печоры. Применительно к Пермской губернии речь в проекте шла о следующих территориях: Усольский уезд – Верх-Инъвенская, Юсьвинская, Кудымкарская, Ёгвинская, Ошибская, Архангельская, Верх-Юсьвинская, Питеевская, Кувинская, Отевская, Тиминская, Купросская, Крохалевская волости, часть Майкорской (Онькова и Азов) и Нердвинской волостей с коми-пермяцким населением; Чердынский уезд – Кочёвская, Гайнская, Косинская, Юкеевская, Больше-Кочинская, Троице-Печерская, Усть-Шугортская и Савино-Борская волости. Упоминались и волости Юрлинская, Юмская, Усть-Зулинская, Чураковская и Аннинская, населённые «обрусевшими пермяками». Нескольким волостям со смешанным пермяцко-русским населением Оханского уезда предлагалось рассмотреть вопрос о вхождении в область только после волеизъявления¹⁴⁹. Проект Д. А. Батиева вызвал дискуссии, особенно со стороны органов исполнительной власти. Многие указывали на недостаточный управленческий опыт, слабость кадрового потенциала и разобщённость проживания народов коми¹⁵⁰. Однако большинством голосов съезд высказался за создание автономной области. Из 42 его делегатов трое были от Пермского края: представители Троицко-Печерского района Чердынского уезда Е. И. Игнатъев и Усольского уезда Пермской губернии Ф. Г. Тараканов и П. Е. Колыхматов¹⁵¹.

Сразу после I съезда коми отдел Наркомнаца направил областным и уездным комитетам Архангельской, Северо-Двинской, Вятской и Пермской губерний информацию о подготовке создания автономной области Коми. В уезды с коми населением были направлены инструкторы¹⁵². Инструктором по Пермской губернии стал участник Гражданской войны, выходец из батрацкой семьи с. Юсьва Соликамского уезда Фёдор Гаврилович Тараканов, 1900 года рождения. В свои 18 лет он уже имел серьёзный опыт. С 1916 года сотрудничал с нелегальными социалистическими кружками, в октябре 1917 года поддержал октябрьский перево-

¹⁴⁸ История Коми с древнейших времён... С. 274.

¹⁴⁹ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4.

¹⁵⁰ История Коми с древнейших времён... С. 274–275.

¹⁵¹ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ. Стихи и воспоминания. Кудымкар, 1990. С. 16.

¹⁵² История Коми с древнейших времён... С. 276.

рот, участвовал в ликвидации антисоветских мятежей, был заведующим отделом Кудымкарского РайЧК¹⁵³. В этой должности он принимал участие в арестах и расстрелах. По его собственным словам, в сентябре 1918 года арестовал и расстрелял председателя РайЧК И. А. Распопова¹⁵⁴. Ф. Г. Тараканов мог делать карьеру по линии ВЧК, но с 1920 года он с группой энтузиастов начал вести национально-культурную работу среди коми-пермяцкого населения: читать в коми-пермяцких деревнях лекции на родном языке, проводить концерты для местного населения¹⁵⁵. Обладая незаурядными ораторскими и организаторскими способностями, позже он сыграл ключевую роль в истории создания округа.

Заручившись поддержкой Всезырянского съезда, имея на руках решения X съезда РКП(б), зырянские коммунисты инициировали рассмотрение проекта Д. А. Батиева через структуры Наркомнаца. 25 апреля 1921 года вопрос «Об автономии народа коми» заслушал Совет национальностей Наркомнаца, а 5 мая 1921 года Президиум ВЦИК постановил выделить народ коми в автономную область, установить границы, вызвав представителей заинтересованных губерний, о пермяцком населении в этом решении ничего не говорилось¹⁵⁶. Однако 11 мая 1921 года административная комиссия ВЦИК постановила не возражать против передачи автономной области Коми 14 волостей Усольского уезда и 8 волостей Чердынского уезда, признать желательным их отход с 1 ноября 1921 года¹⁵⁷. Образовать автономную область Коми ВЦИК постановил 22 августа 1921 года¹⁵⁸, а уже 27 августа Коми-Зырянский облревком издал приказ № 1 «О присоединении Пермского края к автономной области Коми»¹⁵⁹.

Для защиты своих интересов власти автономной области создали отделение облревкома Коми в г. Перми, которое должно было заниматься взаимодействием с органами советской власти Пермской губернии в вопросах о передаче территорий. Представителем Комиоблревкома 30 июля 1921 года был назначен Ф. Г. Тараканов¹⁶⁰. Нельзя не отметить, что у властей создаваемой автономной области Коми с пермяцкими активистами были и деловые отношения. Отложившиеся материалы заседания комиссии, выделенной секретариатом ЦК ВКП(б) по вопросу о Пермском крае, свидетельствуют, что автономная область Коми

¹⁵³ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 7.

¹⁵⁴ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹⁵⁵ Тараканов Ф. Г. Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 17.

¹⁵⁶ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 178.

¹⁵⁷ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 3.

¹⁵⁸ История Коми с древнейших времён... С. 271.

¹⁵⁹ Коми-Пермяцкий округ: век XX. Пермь, 2001. С. 19.

¹⁶⁰ Черных А. В., Голева Т. Г. Коми-пермяки Перми: история и культура. СПб., 2016. С. 19.

передавала денежные средства Ф. Г. Тараканову и его соратникам на ведение пропаганды. Таким образом, используя своё влияние в Наркомнаце, зырянские коммунисты желали добиться нужных решений для последующего отделения северных территорий Пермской губернии в пользу создаваемой автономной области Коми. В тот момент такая альтернатива развития для современного Коми-Пермяцкого округа действительно существовала.

Первоначально пермяцкое население отнеслось к инициативе отделения отрицательно. 21 апреля 1921 года делегаты Кудымкарской партийной конференции высказались против вхождения своего края в состав проектируемой автономной области Коми: никто не хотел из более экономически развитого и сложившегося в хозяйственном отношении района переходить в подчинение создаваемой на севере области с более низким уровнем жизни¹⁶¹. Следует отметить, что власти Архангельской и Северо-Двинской губерний также высказались против автономии для коми¹⁶². В мае 1921 года после решения Президиума ВЦИК Ф. Г. Тараканов и его единомышленники начали широкую разъяснительную работу среди пермяцкого населения, агитируя за отделение от Пермской губернии¹⁶³. Соратниками Ф. Г. Тараканова были В. И. Дерябин, В. К. Долдин, П. Е. Колыхматов, Я. К. и Н. К. Пасютины, М. В. Чечулин и Я. А. Кривощёков¹⁶⁴. В своей агитации пермяцкие активисты делали упор на существовавшее более «приниженное» положение пермяков в «русской» губернии и на этническую близость пермяков и зырян. О том, как шла агитация, свидетельствует и статья Ф. Г. Тараканова «О включении пермяков в автономную область Коми», опубликованная в журнале «Жизнь национальностей» в мае 1922 года. Документ начинается такими словами: «Пермяки носят с зырянами одно наименование коми, так как они являются одним народом. Названия «пермяки» и «зыряне» даны им иностранцами»¹⁶⁵. И далее: «Русификаторская политика царизма находила среди пермяков, кажется, наивысшее своё применение. С остервенением убивалось всё пермяцкое и насаждалось всё чуждое»¹⁶⁶. Вероятнее всего, эта риторика использовалась и на встречах с населением.

Был у агитаторов и ещё один аргумент. В 1921 году в стране и в Пермской губернии был введён продовольственный налог, местные власти получили приказ изымать излишки зерна у крестьянства. Судя

¹⁶¹ Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа... С. 33.

¹⁶² История Коми с древнейших времён... С. 277.

¹⁶³ Там же. С. 281.

¹⁶⁴ Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа... С. 43.

¹⁶⁵ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

¹⁶⁶ Там же. Л. 2.

по воспоминаниям, действия продотрядов в Пермском крае часто сопровождались грабежом и насилием, конфискацией всего имеющегося имущества¹⁶⁷, что вызывало недовольство местного населения¹⁶⁸. Эту позицию и использовали в своей агитации представители автономной области Коми. В августе 1921 года комиотдел Наркомнаца распространил в Кудымкарском районе инструкцию, согласно которой продналог нужно было платить усть-сысольским властям на основании ранее выпущенного приказа № 1¹⁶⁹. Ф. Г. Тараканов и его сторонники на встречах с населением обещали снижение налогов и сборов со стороны органов власти автономной области Коми. Видя, что происходят какие-то изменения, крестьяне переставали платить продналог, что сильно повлияло на общие сборы по Чердынскому уезду. Идея выхода пермского населения из Пермской губернии стала быстро обретать популярность. На это, в частности, указывал позже в своём отчёте в обком председатель Верхнекамского окружкома Писарев: «Проводившийся под руководством Пасютина (Я. К. Пасютин – **М. К.**) плебисцит (через голову и без ведома областных и окружных центров) дал значительный крен в настроении крестьянских масс, ожидавших облегчение налоговых тягот и других льгот в случае присоединения к области коми-зырян». По его словам, в этот период собираемость налогов по коми-пермяцким районам сократилась до 50 процентов¹⁷⁰.

Действия властей автономной области Коми и её представителей не могли остаться незамеченными в губернском центре. 19 августа 1921 года Пермский губисполком рассмотрел вопрос о вмешательстве Уполномоченного Ревкома области Коми и срыве продовольственной работы в Кудымкарском районе¹⁷¹. Просто так передать богатые лесом территории севера губернии пермские власти не хотели. Их попытки сохранить Пермский край со стороны могли выглядеть как проявление «великодержавного шовинизма», с которым активно боролись центральные власти. Поэтому пермские большевики избрали другую политику. Не отрицая национальную близость зырян и пермяков, на словах не возражая против объединения, они сделали акцент на экономическом факторе, обращая внимание, что выход Пермского края из состава губернии разрушит сложившиеся экономические связи, а также приведёт к срыву продналоговой кампании. Для подтверждения своей позиции власти Пермской губернии привлекли видного учёного А. Г. Генкеля. Участвуя в заседаниях и выступая со страниц изданий, он последова-

¹⁶⁷ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

¹⁶⁸ История Урала с древнейших времён до наших дней. Екатеринбург, 2006. С. 314.

¹⁶⁹ Лаллукка С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 66.

¹⁷⁰ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 2.

¹⁷¹ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

тельно отстаивал идею экономической нецелесообразности отделения пермяцких волостей от Пермской губернии¹⁷². Ф. Г. Тараканов писал, что «возражения Генкеля были буквально великодержавного характера»¹⁷³.

В сентябре 1921 года в Перми была создана административная комиссия при губкоме, которой поручили разобраться в вопросе возможного отчуждения пермяцких земель. Участие в работе комиссии принимал и Ф. Г. Тараканов. Первоначально комиссия признала необходимость и правомерность передачи 27 волостей Пермской губернии в подчинение создаваемой автономной области Коми¹⁷⁴. На следующем этапе решение комиссии должен был утвердить президиум губисполкома. На заседании 10 сентября 1921 года доклад комиссии подвергся критике, что отражено в протоколе заседания президиума губисполкома: «...вопрос о выделении волостей рассмотрен лишь с национальной точки зрения. При вынесении постановления не принято во внимание экономическое тяготение волостей к Пермской губернии»¹⁷⁵. Президиум постановил снять вопрос с обсуждения и предложить административной комиссии «с 1 октября сего года всесторонне рассмотреть вопрос, учитывая главным образом экономическое положение волостей»¹⁷⁶. После этого административная комиссия собралась 6 октября. Её заседание, судя по протоколу, проходило в бурных дискуссиях между властями Пермской губернии и представителями Коми облревкома. В частности, в протоколе значится пометка следующего содержания: «По просьбе представителей области Коми вносится в настоящий протокол следующее их заявление... продолжить работу по выделению в тесном контакте с губисполкомом, отделение облревкома продолжает свою работу до тех пор, пока не получит определённых указаний от Коми представительства при Наркомнаце»¹⁷⁷. 28 ноября 1921 года вопрос о пермяках впервые рассмотрен административной комиссией при ВЦИК. Заседание не состоялось из-за отсутствия представителя Пермского губисполкома¹⁷⁸. Таким образом, власти Пермской губернии не приняли решение Наркомнаца, но и не выступали против него открыто.

На территории же округа они начали жёсткую политику в отношении агитаторов. Продналоговой кампанией 1921 года руководил лично председатель Пермского губисполкома Христофор Генрихович Гинтер,

¹⁷² См., напр.: *Генкель А. Г.* Пермь и область Коми: По вопросу о претензии области народа Коми на 19 волостей Пермской губернии с пермяцким населением // *Экономика*. 1923. № 6. С. 57–59.

¹⁷³ *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 31.

¹⁷⁴ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4.

¹⁷⁵ Там же. Л. 5.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. Л. 6.

¹⁷⁸ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

занимавший в период с 1919 по 1921 год пост военного комиссара Пермской губернии¹⁷⁹. Ко времени его руководства Пермской губернией относится самое жёсткое преследование пермяцких активистов. Тараканов так описывает этот период: «...но в самый разгар этой творческой работы (агитации населения в сентябре – **М. К.**) уездные и губернские власти, состоящие из русских, начали высказывать свое несочувствие. Съезды не разрешались... на места выезжали представители, открыто заявлявшие, что никакой работы по выделению в автономию не будет допущено... были случаи, когда предлагали не произносить слова «автономия Коми»¹⁸⁰.

С октября 1921 года Пермский губком потребовал прекратить проведение собраний, в источниках отражены факты преследования коми-пермяцких активистов со стороны властей Чердынского и Усольского уездов¹⁸¹. Так, в газете «Пахарь» коми-пермяцкие активисты объявлялись кулаками и «остатками эсеровщины»¹⁸².

Когда в 1924 году в Пермском крае будет работать административная комиссия, по итогам её деятельности председателю Уральского обкома М. М. Харитонову будет направлено письмо ВЦИК с указанием, что в 1921 году Верхнекамский окружком РКП(б) «применял репрессии к некоторым пермяцким работникам, поднимавшим вопрос о присоединении Пермского края к Коми области». «Этим самым, – говорилось в письме, – перед глазами масс обнаруживается разлад внутри Верхне-Камской партийной организации и резкое деление её по национальной линии»¹⁸³.

В мае 1922 года член обкома партии автономной области Коми Торлонов писал об этом времени: «Приехав в Кудымкар, я узнал, что некоторые коммунисты-пермяки преследуются за... ничем не обоснованную виновность, благодаря чему с каждым днём обостряется национальная ненависть. Некоторые коммунисты, работающие по выделению народа коми, теперь вынуждены быть в подполье!..»¹⁸⁴. А вот как описывает этот период Ф. Г. Тараканов: «Пермским работникам мерещились одни националисты и шовинисты, которые якобы будоражат массы пермяков ради своих карьеристских целей... Они твердо усвоили девиз председателя Пермского губисполкома Гинтера: Ни в коем случае не давать коми-пермякам дробить Пермскую губернию»¹⁸⁵.

¹⁷⁹ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 6. Д. 293. Л. 1.

¹⁸⁰ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 123.

¹⁸¹ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 23.

¹⁸² Провокация кулаков и остатков эсеровщины // Пахарь. 1924. 8 окт.

¹⁸³ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 151.

¹⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 14. Л. 42.

¹⁸⁵ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 22.

В этой политике С. Лаллукка даже усматривает черты дискриминации по национальному признаку в отношении коми-пермяков со стороны администрации Пермской губернии: «Можно предположить, что руководство в Перми просто хотело наказать те территории и их активистов, которые стремились отделиться от губернии... притеснение коми-пермяков получило черты национальной дискриминации»¹⁸⁶. В декабре 1921 года один из пермяцких активистов Долдин был задержан милицией при попытке распространить приказ № 1 Коми облревкома, но ему удалось сбежать, а 22 декабря 1921 года всех активистов коми-пермяцкого национально-культурного движения заставили сдать партийные билеты¹⁸⁷. В письме в адрес зырянского представительства Наркомнаца Ф. Г. Тараканов писал, что его и его товарищей уже точно исключат из партии. «Настаивайте перед ЦК об обязательном включении в состав Коми области. Иначе такое отношение пермских властей отбросит нас на 10 лет назад», – писал в декабре 1921 года Ф. Г. Тараканов¹⁸⁸.

К сожалению, на сегодняшний день сохранилось крайне мало источников, которые бы раскрывали особенности этого важного периода. Глубже взглянуть на сложившуюся ситуацию позволяют материалы заседания упоминавшейся выше комиссии, выделенной секретариатом ЦК по вопросу о Пермском крае. Она собиралась накануне провозглашения Коми-Пермяцкого округа, чтобы рассмотреть претензии сторон, заинтересованных в решении этого вопроса. В том числе рассматривались и обсуждались события 1921 года. В заседании этой комиссии участвовали председатель обкома области Коми Е. М. Мишарин, заместитель председателя Уралоблисполкома Л. Е. Гольдич, заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б) М. М. Хатаевич, председатель окрисполкома Верхнекамского округа Шахов. На заседании был обсуждён доклад Шахова, который указывал, что пермяцкое общественное движение изначально имело «нездоровые корни, сопровождалось разжиганием национального антагонизма и эксцессами, препятствовавшими проводить продналоговую кампанию»¹⁸⁹. Он указывал на факты получения Я. К. Пасютиным 1000 рублей для формирования общественного мнения населения Пермского края: «Работниками Коми давались директивы Пасютину, последний помимо и через голову окружных организаций давал директивы на места в пермяцкие районы. На имя Пасютина посылались деньги до 1000 руб. за раз.

¹⁸⁶ Лаллукка С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 66.

¹⁸⁷ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.

¹⁸⁸ Там же. Л. 1.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 14. Л. 16.

Телеграфная переписка указывает, куда предназначались эти деньги... Вся эта работа конспирировалась от окружных Верхне-Камских организаций. Как обрабатывалось общественное мнение пермяцких районов и насколько искажалась партийная линия Пасютиным»¹⁹⁰. Также Шахов обращал внимание на несколько запрототолированных инцидентов. Так, один из агитаторов по фамилии Баталов, «ссылаясь на свою психоневрастению, страшал убить, застрелить, в морду дать и за это не получить никакого наказания. Имелся также случай, когда Баталов приходил в Райком и на столе т. Сыстеровова оставил записку с угрозой убить или застрелить»... была и «кулаческая расправа со стороны коммуниста пермяка по отношению к беспартийному председателю Сельсовета, который был против присоединения к области Коми (запротоколировано Кудымкарским райкомом)»¹⁹¹. Таким образом, заключал Шахов, гонения на активистов и агитаторов были, но исключительно для того, чтоб «не допускать антипартийных группировок, пьяных оргий, хулиганства, переходящего всякие границы...»¹⁹².

Представитель автономной области Коми Е. М. Мишарин, настаивая на включении пермяцкого населения в автономную область Коми¹⁹³, признал факт посылки 1000 рублей, но указал, что они отправлялись на издательские расходы. «Что касается действий Пасютина, то я о таковых не знаю», – сообщил Мишарин¹⁹⁴. Хотя посылка денег агитаторам, а не местным органам власти выглядит, по крайней мере, странной. Кроме этого, в источниках начала 1920-х годов об этих деньгах упоминаний нет. Представляется, что если бы они действительно выделялись на издательство, пермяцкие активисты упоминали бы о них чаще и использовали бы это в своей агитации. Вероятнее всего, средства были выделены именно на агитацию за выход пермяцкого населения из Пермской губернии. Это может объяснить, почему начались концерты и встречи с местным населением, на какие средства они проводились. Что интересно, сама комиссия постановила «считать установленными, имевшими место факты непосредственной связи и дачи директив обкома Коми с отдельными членами Верхнекамской организации – пермяками, без ведома Уральского и Верхнекамского

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 18.

¹⁹¹ Там же. Л. 17.

¹⁹² Там же. Л. 18.

¹⁹³ Даже в 1925 году Е. М. Мишарин говорил: «Пермяки – те же зыряне, и ничем от них не отличаются. С точки зрения экономической и политической необходимо присоединить этот край к области зырян». См.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 20.

¹⁹⁴ Там же. Л. 19.

парткома... указать обкому Коми на недопустимость такого метода воздействия на пермяцкое население»¹⁹⁵.

Таким образом, можно признать, что у пермских властей была своя логика в развёртывании репрессий. Действия автономной области Коми воспринимались ими как незаконные, так как они не согласовывались¹⁹⁶ и, по сути, представляли из себя агитацию против действующей местной власти, да ещё и на средства соседнего региона, который претендовал на пересмотр территориальной целостности Прикамья. В целом реакцию пермских властей на действия пермяцких активистов можно считать жёсткой, неправомерной, но при этом вполне ожидаемой в сложившихся условиях. Отметим также, что масштаб репрессий, возможно, был преувеличен, поскольку о них сообщают только источники личного происхождения пермяцких и зырянских общественных лидеров. Не выглядит ли странным, что в разгар «репрессий» осенью 1921 года продолжала работать административная комиссия, в деятельности которой принимали участие Ф. Г. Тараханов и его сторонники, выступавшие в том числе с ультимативными требованиями.

Продналоговая кампания вкупе с агитацией автономной области Коми буквально за полгода сделала идею выхода Пермьского края из подчинения губернии весьма популярной. Уже 8 ноября 1921 года Уполномоченный от автономной области Коми Коканин писал в пермский губком, что пермяцкое население Чердынского и Усольского уездов «настоятельно требует выделения указанных волостей от Пермской губернии и присоединения их к автономной области Коми»¹⁹⁷. Не видя поддержки и желая идти на диалог, лидеры общественного пермяцкого движения продолжили свою работу с местным активом. 22–24 декабря 1921 года в Кудымкаре ими вновь была созвана районная партийная конференция. В этот раз она высказалась за выход из состава Пермской губернии. В резолюции говорилось: «Просить ВЦИК направить в край независимую комиссию для расследования бесчинств пермских властей. Твердо настаивать перед ЦК об обязательном включении Пермьского края в состав Коми области»¹⁹⁸.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 20. Л. 20.

¹⁹⁶ На отсутствие такого согласования указывает в своей статье И. Яатс. См.: *Jääts Indrek*. "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s // *Nationalities Papers*. 2012. Vol. 40. Issue 2. P. 257.

¹⁹⁷ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 342. Л. 4.

¹⁹⁸ *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа... С. 37.

15 декабря 1921 года административная комиссия Пермского губисполкома вновь рассмотрела вопрос «О выделении Чердынского и Усольского уездов Пермской губернии во вновь образуемую АО Коми (зырян)»¹⁹⁹. На этом заседании, как следует из протокола, Ф. Г. Тараканов, называющийся уполномоченным от области Коми, настаивал на необходимости выделения волостей Чердынского и Усольского уездов в автономную область Коми, мотивируя это «объединением культурных сил народов коми и хозяйственным сотрудничеством пермяков и зырян»²⁰⁰. Присутствовавшие председатели пермских губпрофсовета, губкомтруда, губземотдела высказались категорически против из-за угрозы срыва продналоговой кампании. В протоколе заседания административная комиссия постановила в целом не возражать против выделения пермяков в автономную область, но считать это несвоевременным из-за продналоговой кампании и землеустройства²⁰¹. Также подчёркивалось, что «в области хозяйственной культуры Пермская губерния выше, и это лучше для коми-пермяцкого населения»²⁰². В свою очередь, для автономной области появление новых территорий будет означать только «прирост отдалённых от больших ненаселённых территорий (которых у неё и так уже достаточно) без всякой надежды в ближайшем времени их использовать иначе как только при помощи того же Урала»²⁰³. В постановлении губисполкома № 165 данный проект для пермяцкого населения объявлялся «шагом назад как в культурном, так и в экономическом отношении»²⁰⁴.

К концу 1921 года вопрос остался нерешённым. С одной стороны, было решение административной комиссии Наркомнаца о выделении Пермского края из состава Пермской губернии, с другой стороны, пермские власти не стали его выполнять, объясняя это соображениями экономической целесообразности. События 1921 года позволяют лучше увидеть, взглянуть, насколько разными и бескомпромиссными были взгляды отдельных групп большевиков относительно административно-территориальных преобразований. Руководители автономной области Коми, желая создать огромный субъект с финским населением на севере РСФСР, не жалели средств и использовали связи в Наркомнаце для решения вопроса в свою пользу. Они даже применяли в агитационных целях критику продналоговой кампании, чтобы повысить популярность своей инициативы. Власти же Пермской губернии, забыв

¹⁹⁹ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 180.

²⁰⁰ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 7.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 222. Л. 99.

²⁰² ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 6.

²⁰³ Там же. Л. 24.

²⁰⁴ Там же. Л. 31.

о социалистической солидарности, вели жёсткую и даже репрессивную политику в отношении агитаторов, и фактически не выполняли решения и рекомендации центральных органов власти, желая сохранить «свои» территории.

2.3.3.2. Январь – декабрь 1922 года

Используя своё влияние в Наркомнаце, власти автономной области Коми решили закрепить свой проект позицией ВЦИК, которому руководство Пермской губернии не могло отказать. Коллегия Наркомнаца 6 января 1922 года вновь постановила считать присоединение целесообразным, а 11 марта 1922 года уже административная комиссия ВЦИК приняла решение присоединить к автономной области Коми 25 волостей Пермской губернии²⁰⁵. Фактически решение было принято, оставалось только закрепить его постановлением Президиума ВЦИК. Между тем Президиум ВЦИК отклонил это решение, но позволил «округлить» границы Коми области. После этого ВЦИК направил комиссию из представителей административной комиссии Наркомнаца и Наркомпрода в Пермскую губернию. Упомянутое выше «округление» границ области Коми по факту означало передачу ряда северных территорий Пермской губернии. В частности, 16 марта 1922 года Президиум ВЦИК после рассмотрения вопроса «О включении в Автономную область Коми Печерского уезда Архангельской губернии и нескольких волостей Чердынского уезда» принял постановление от 16.03.1922 № 21, согласно которому территория Троицко-Печерской, Савино-Борской и Усть-Шугорской волостей Чердынского уезда Пермской губернии переходила в подчинение к Ижма-Печерскому уезду автономной области Коми. На основании этого постановления был подписан акт передачи всего имущества (территории, постройки, население, налоги), который со стороны Чердынского укрисполкома подписал Ф. Г. Копытов, а со стороны Автономной области Коми-председатель Усть-Куломского уисполкома Я. П. Потапов²⁰⁶. Вместе с территорией были переданы Троице-Печерская метеорологическая станция, школа и больница, всё военное имущество²⁰⁷. Принимая имущество и лесозаготовки, автономная область Коми брала на себя и все накопившиеся долги по закупке лесных материалов. Самой большой потерей для сложившейся хозяйственной модели стала водная станция Якша, через которую велась торговля Урала с Русским Севером. Естественно, что это решение было воспринято негативно как пермскими, так и чердынскими властями.

²⁰⁵ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 181.

²⁰⁶ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

²⁰⁷ Там же.. Д. 342. Л. 1.

В источниках сохранилось упоминание о том, что после подписания акта чердынские власти вывезли со станции Якша на пароходе «Социализм» всю имевшуюся пушнину, несмотря на протесты новых властей. После этого Я. П. Копытов писал, что заведующий заготконторой Захаров «мне ответил, что с парохода пушнины задержано мною не будет, несмотря на то, что был специальный приказ»²⁰⁸.

В мае 1922 года находящийся в Москве Ф. Г. Тарakanов опубликовал в журнале «Жизнь национальностей» статью «О включении пермяков в Автономную область Коми». Позже текст статьи был опубликован 3 июня 1922 года в газете «Югд туй». Он критиковал пермские власти за «несочувствие» к его инициативе и чинимые препятствия к объединению народа. «Пермяки протестуют против поведения Пермского губисполкома и настаивают на своём объединении для экономического и духовного сотрудничества с родными по крови зырянами. Это необходимо сделать, включив их в автономную область Коми»²⁰⁹.

Между тем Президиум ВЦИК 13 июля 1922 года принял решение оставить Пермский край в составе Пермской губернии. Кажущееся странным для того времени решение не в пользу пермяков могло быть принято по ряду факторов. На лето 1922 года приходится пик дискуссий о формах автономии в РСФСР. В. И. Ленин уже был серьёзно болен, а И. В. Сталин постепенно увеличивал своё влияние в политическом руководстве страны. Так, 27 июля 1922 года президиум ВЦИК утвердил декрет о реорганизации Наркомнаца и принял новое Положение о Народном комиссариате по национальным делам. 16 августа 1922 года состоялось заседание совета Национальностей Наркомнаца, куда И. Сталин смог назначить своих сторонников, взгляды которых на преобразования в стране отличались от их предшественников²¹⁰. К тому же Пермская губерния была вовлечена в процесс районирования Уральской области, что также давало ВЦИК основания не принимать решений относительно автономии пермяцкого населения.

Отказ ВЦИК может быть связан и с внутренними противоречиями между пермяцкими и зырянскими активистами. Ф. Г. Тараканов в книге «Коми-пермяцкая коммуна» критиковал тогдашнего представителя Комиоблревкома В. И. Дерябина за бездействие и молчание, хотя, по его мнению, можно было поставить вопрос о других формах самоопределения, «но куда там, Дерябин промолчал, когда надо было говорить. Коми (зырянам) и вовсе было наплевать на Коми-пермяцкое

²⁰⁸ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 23.

²⁰⁹ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–4.

²¹⁰ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 25.

самоопределение в иной форме»²¹¹. В советской и современной историографии по истории создания Коми-Пермяцкого округа, как правило, утверждается, что пермяки постепенно сами осознали преимущества собственной автономии. Однако это могло стать и следствием разногласий между сторонниками Тараканова и руководством автономной области Коми. Источников, указывающих на это, нет, но о конфликте с руководителем зырянотдела В. И. Чуистовым на этой почве после своего прибытия в Москву летом 1922 года писал сам Ф. Г. Тараканов: «На мое замечание, что он в своей докладной записке неправильно оперирует иностранными словами, прося ВЦИК не в пользу нашего объединения, а наоборот, Чуистов ответил грубостью»²¹². С июля 1922 года пермяки уже сами боролись за свою государственность, рассчитывая только на поддержку властей Пермской губернии.

Поскольку власти автономной области Коми прекратили активно проводить в жизнь идею объединения с пермяками, Ф. Г. Тараканов принимает решение самостоятельно добиваться какой угодно формы автономии для Пермского края. Из Москвы в Пермь Ф. Г. Тараканов вернулся уже с идеей создания собственной административной единицы для пермского населения. По его инициативе в течение 1922 года обсуждалась идея создания коми-пермяцкой коммуны по образцу уже созданной тогда карельской²¹³. В одиночку Ф. Г. Тараканову через свои связи в Наркомнаце удалось добиться решения о созыве Всепермяцкой конференции. Вернувшись в конце июля 1922 года в Кудымкар, он начал подготовку к конференции, которая должна была высказаться за новый статус пермского населения. По плану Ф. Г. Тараканова в создаваемую коммуну помимо пермских районов ещё должны были войти населённые пункты Зюздино и Койгородок Вятской губернии, где проживало комиязычное население. Однако при отсутствии поддержки и пропаганды население отнеслось к идее создания коммуны с безразличием.

21 июля 1922 года состоялась всепермяцкая партийная конференция, участие в которой приняли представители пермского населения Кудымкарского района Усольского уезда (18 человек) и Косинского района Чердынского уезда (5 человек) Пермской губернии, а также пермяки из Вятской губернии (4 человека). На заседании присутствовал и представитель обкома автономной области Коми Я. Ф. Потапов, представители Пермского губкома и Усольского укома. Общее количество участников конференции составило 475 человек. Конфе-

²¹¹ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

²¹² Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 55.

²¹³ Тараканов Ф. Г. Путь к свету. В буднях великих строек // Воспоминания строителей социализма. Пермь: Пермское книжное издательство, 1967. С. 234.

решения высказалась за желательность «выделения коми-пермяков в одну административно-хозяйственную единицу в виде трудовой всепермяцкой коммуны из пермяков, разбросанных на территории Пермской и Вятской губерний» с центром в с. Кудымкар²¹⁴. Сам факт конференции коми-пермяцкие активисты восприняли как достижение своей цели и грядущее отделение от Пермской губернии. В резолюции конференции, например, есть такие слова: «Теперь виднее и легче судить, чья колокольня, Кудымкарская или Усольская, оказалась выше и дальновиднее, крыть наши карты им нечем». В решении конференции отражена целесообразность создания Всепермяцкого обкома, который объединил бы всё коми население Верхокамья²¹⁵.

Но власти Пермской губернии, видя отсутствие поддержки центра, высказались против инициативы автономии для пермяков. Через неделю после конференции, 28 июля 1922 года, Ф. Г. Тараканов был исключён из партии решением Чердынского уездного комитета²¹⁶. По его воспоминаниям, ему предложили возглавить Губернский партийно-советский клуб и бросить «свои коми-пермяцкие дела», но он на это не пошёл²¹⁷. 5 сентября 1922 года вновь состоялось заседание Президиума губкома РКП (б) с участием представителей губисполкома, губпрофсовета, губотдела и губпродкомиссариата. Участники постановили: «...не отрицая в будущем возможности выделения Пермского края в особую административно-хозяйственную единицу по соображениям хозяйственной целесообразности, при данном экономическом состоянии губернии выделить признать преждевременным и дальнейшее разрешение этого вопроса передать в административную комиссию при губисполкоме на общих основаниях»²¹⁸. На следующий день, 6 сентября 1922 года, уже пермский губком постановил: «...принимая во внимание намеченное новое районирование... признать настоящее выделение преждевременным и нецелесообразным»²¹⁹. Помимо этого, было решено создать секцию пермяков при агитпропе губкома. Таким образом, власти Пермской губернии «закрыли» вопрос о передаче своих территорий в автономную область Коми, но при этом осознали необходимость работать с лидерами общественного мнения пермяцкого населения.

В сентябре 1922 года Я. А. Кривощёков ещё раз обращался в Наркомнац с предложением о создании при отделе нацмен Пермского

²¹⁴ ПермГАСПИ. Ф. 820. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

²¹⁵ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

²¹⁶ ПермГАСПИ. Ф. 820. Оп. 1. Д. 24. Л. 94.

²¹⁷ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

²¹⁸ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 40.

²¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 2–3, 5.

подотдела, ссылаясь на «отсутствие тёплого сочувствия, невнимательность, порой враждебное отношение местных органов власти», побудивших пермяков искать автономии. Но эта просьба также осталась без ответа²²⁰.

2.3.3.3. Январь 1923 – апрель 1924 года

В 1923 году дискуссии о пермских волостях Пермской губернии начались с новой силой. На этот раз ими руководил Ф. Г. Тараканов. 25–27 марта 1923 года был созван I Общепермский съезд, где Ф. Г. Тараканов выступил с докладом о коми-пермяках. «На нём (съезде – *М. К.*) я был основным докладчиком, рассказал об истории коми-пермяков, о том, что мы понимаем под культурно-национальным возрождением, и о том, какие задачи стоят перед коми интеллигенцией», – отметил он после в своих воспоминаниях²²¹. После этого через Сыктывкар он отправился в Москву с целью добиться решений через ВЦИК.

В мае 1923 года Наркомнац вновь ходатайствовал перед Президиумом ВЦИК о рассмотрении вопроса о границах автономной области Коми. Одним из участников решения этого вопроса был нарком внутренних дел РСФСР Александр Георгиевич Белобородов, уроженец Александровского завода Соликамского уезда, ранее (с января 1918 года) занимавший должность председателя Уральского облисполкома. Безусловно, он не мог не знать о пермяках и ситуации в Пермской губернии. Характеризуя взгляды А. Г. Белобородова, В. Г. Чеботарёва отмечала, что он был единственным противником расширения полномочий субъектов РСФСР на сессии ВЦИК 12-го созыва²²². 5 июля 1923 года административная комиссия ВЦИК (её председателем был А. Г. Белобородов) постановила проверить статистику соотношения пермского и русского населения в районах Пермского края и выяснить тяготение населения к области Коми, а 3 августа эта же комиссия признала необходимым присоединить Пермский край к автономной области Коми. На 15 августа было назначено заседание Президиума ВЦИК, которое могло утвердить данное решение. После заседания админкомиссии А. Г. Белобородов как действующий на тот момент председатель административной комиссии ВЦИК сообщил об этом решении в Пермь срочной телеграммой, где говорилось о принимаемых решениях. «Если имеете возражения, представьте мотивированную записку к означенному сроку или пришлите представителя», – говорилось

²²⁰ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 2–3.

²²¹ Тараканов Ф. Г. Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 19.

²²² Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 40.

в документе²²³. Благодаря телеграмме А. Г. Белобородова пермские власти получили время на то, чтобы сформировать собственную позицию.

После получения телеграммы от Белобородова комиссия по районированию Пермской губернии провела срочное совещание, в протоколе по итогам которого фиксировалось, что уже проделана большая работа по районированию Верхнекамского округа, и если «отнять для создания округа 147 802 человека, то Верхнекамский округ придётся перепланировать»²²⁴ (параллельно с этим документом была направлена телеграмма в Уралэконо о решении ВЦИК – **М. К.**). Основные аргументы комиссии сводились к тому, что передача территорий Пермского края нарушит сложившиеся экономические связи, что кроме «национальных границ» нет оснований для передачи данных территорий. С этими аргументами на заседание президиума ВЦИК был направлен представитель губкома А. М. Плешков. Он также взял с собой карты Пермской губернии и автономной области Коми, чтобы наглядно продемонстрировать отдалённое положение пермского населения и его экономическое тяготение к Перми. 18 августа 1923 года Ф. Г. Тараканов выступил на заседании ВЦИК с докладом о статусе пермского населения, в том числе с критикой пермских властей. Изначально ВЦИК принял решение не менять статуса пермского населения, однако Ф. Г. Тараканов после длительного и эмоционального доклада смог переубедить большинство членов президиума, в результате чего было решено создать специальную комиссию ВЦИК с целью ознакомления с данным вопросом²²⁵.

5 сентября 1923 года президиум Пермского губисполкома вновь заслушал доклад представителей коми-пермяков Ф. Г. Тараканова и Я. А. Кривощёкова о признании политической и экономической целесообразности и необходимости образования административного управления для пермского населения Чердынского, Усольского и Оханского уездов. Комиссия в целом поддержала инициативу, но признала её несвоевременной по причине готовящегося нового районирования²²⁶.

После создания в ноябре 1923 года Уральской области территории проживания пермского населения были отнесены к Верхнекамскому округу этой области²²⁷. В руководящем составе Верхнекамского окрисполкома не было ни одного представителя пермского народа. Только после протеста Ф. Г. Тараканова и проведения нового заседания в состав

²²³ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 23.

²²⁴ Там же. Л. 24.

²²⁵ Тараканов Ф. Г. Как это было... С. 20; КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.

²²⁶ Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 22.

²²⁷ Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчёт губисполкома за 1922–1923 хозяйственный год. Пермь, 1923. С. 16–17.

окрисполкома вошли шесть человек от пермяков²²⁸. Поскольку центр принятия решений в этот период был уже в Свердловске, Ф. Г. Тараканов вступил в дискуссию с уральским облисполкомом. Источники сохранили упоминания о переговорах Ф. Г. Тараканова с председателем Уральского облисполкома Д. Е. Сулимовым. «Сулимов заявил мне, что ввиду крайней бедности края и отсутствия людей, способных руководить будущим округом, об организации последнего не может быть и речи», – сообщал в 1955 году Ф. Г. Тараканов²²⁹. По итогам встречи Д. Е. Сулимов не поддержал идею отдельного округа для пермяков в составе Уральской области и даже выгнал Тараканова из своего кабинета²³⁰.

Отметим, что в этот период в стране происходят важные изменения, особенно в части решения национального вопроса. В конце 1923 года И. В. Сталин из-за болезни В. И. Ленина постепенно сокращает штаты Наркомнаца до минимума, его роль в советском правительстве практически была сведена к нулю. А после смерти В. И. Ленина Наркомнац не проработал и трёх месяцев: 9 апреля 1924 года он был ликвидирован, представительства переданы в ведение ВЦИК, общее руководство национальной политикой было передано созданному Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК²³¹. 15 октября 1923 года Верх-Инъвенский и Кудымкарский волостные съезды приняли решение о поддержке идеи создания национального округа с центром в селе Кудымкаре внутри Уральской области. Областные власти эту идею не поддерживали. В январе 1924 года Ф. Г. Тараканов в составе делегации Уральской области принимал участие в работе XI Всероссийского съезда советов и II Всесоюзного съезда советов, где ему вновь удалось выступить с сообщениями о необходимости собственной автономии для пермяцкого населения²³². Но на тот момент условий для создания отдельного округа для пермяков уже не существовало: у них не было поддержки в виде Наркомнаца и не было консенсуса с властями автономной области Коми. Вопрос о создании округа даже в пределах Уральской области остался нерешённым.

2.3.3.4. Апрель 1924 – февраль 1925 года.

Создание Коми-Пермяцкого округа

Что же повлияло в итоге на начало работы по созданию Коми-Пермяцкого округа, если Наркомнац был ликвидирован, а руководство Уральской области не поддержало эту идею? В мемуарах Ф. Г. Тара-

²²⁸ Тараканов Ф. Г. Как это было... С. 20.

²²⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 88.

²³⁰ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 33.

²³¹ Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 58.

²³² Тараканов Ф. Г. Как это было... С. 21.

канова приведена ещё одна версия событий, которая на сегодняшний день, к сожалению, не подтверждается источниками. Известно, что ещё при жизни В. И. Ленина уральские коммунисты, в том числе Д. Е. Сулимов, Л. Е. Гольдич, были сторонниками Л. Д. Троцкого²³³. После того как И. В. Сталин начал устранять своих оппонентов, он мог использовать ситуацию с пермяцким населением как повод для критики руководства Уральской области. В частности, Ф. Г. Тараканов в своих воспоминаниях ссылается на председателя Коми облисполкома Е. М. Мишарина, который якобы присутствовал при встрече председателя Уралплана Л. Е. Гольдича и И. В. Сталина. Гольдич доказывал нецелесообразность создания округа, на что Сталин якобы ответил: «Вы там затеяли мышиную возню с коми-пермяками, избили и разогнали национальные кадры вместо того, чтобы их энергию направить на культурно-хозяйственное возрождение своего края. Верните немедленно разогнанные вами кадры на работу и организуйте округ»²³⁴. Сегодня нет источников, подтверждающих эти слова И. В. Сталина, однако именно после XI съезда советов вопрос об автономии для пермяцкого населения начинает решаться быстро под прямым контролем Президиума ВЦИК, даже несмотря на позицию руководства Уральской области.

В августе 1924 года, через год после закрытия вопроса об округе для коми-пермяков, ВЦИК неожиданно возобновил дискуссию о его образовании. Была создана административная комиссия под руководством В. Козлова, куда вошли представители Уральской области, автономной Коми области и Пермьского края²³⁵. Комиссия работала на территории Верхнекамского округа, проводились встречи с местным населением. 21 октября 1924 года результаты работы комиссии были рассмотрены на заседании Президиума ВЦИК. По итогам поездки члены комиссии высказались за создание Коми-Пермьского округа. 5 ноября 1924 года результаты работы комиссии были обсуждены на заседании Президиума ВЦИК. По его итогам секретарь Уральского обкома М. М. Харитонов получил 24 ноября 1924 года письмо от ВЦИК, где указывалось «на недостаточность внимания к нему (коми-пермяцкому народу – **М. К.**) со стороны уральских советских и партийных органов и отсутствие обслуживания с их стороны национальных и культурных нужд пермяцкого населения... Этим самым, – делался вывод, – обнаруживается разлад внутри Верхне-Камской партийной организации и резкое деление её по национальной линии»²³⁶.

²³³ История Урала... С. 322–324.

²³⁴ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 44.

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 17.

²³⁶ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 151.

15 января 1925 года состоялось уже упомянутое заседание комиссии, выделенной секретариатом ЦК по вопросу о Пермском крае. Протокол заседания свидетельствует об острой дискуссии, взаимных обвинениях и упреках со стороны участвующих²³⁷. В итоге комиссия ЦК РКП(б) сочла наиболее целесообразным выделить Коми край в отдельный национальный округ в составе Уральской области. 26 февраля 1925 года Президиум ВЦИК принял соответствующее решение. Из протокола заседания: «Слушали: вопрос 10. О пермском крае Уральской области (внес. отд. нац. ВЦИК). Постановили: 1. Ввиду значительной территориальной отдалённости Пермского края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими районами отклонить ходатайство автономной области Коми и представителей пермского населения о вхождении в состав области Коми, оставив Пермский край в пределах Уральской области. 2. Считать целесообразным выделить Пермский край в особый национальный округ со специальными сокращёнными штатами, подчинив этот округ непосредственно Уральскому исполкому и обязав его одновременно поддерживать связь по всей работе с Верхне-Камским окружным исполкомом»²³⁸.

Позже вопрос «Об организации Пермского округа» был включён в повестку сельских сходов в марте 1925 года²³⁹. Состоявшаяся 1–2 апреля 1925 года Первая окружная конференция коммунистов де-юре оформила создание первого в СССР национального округа²⁴⁰. Ответственным секретарём окружкома был первый председатель Совета крестьянских и солдатских депутатов Иньвенского края Антон Фёдорович Караваев. Он выступил перед собравшимися с докладом «Национальный вопрос и организация Пермского округа». Уже 3–5 апреля 1925 года учредительный окружной съезд советов отметил своевременность создания Коми-Пермского округа, определил границу, структуру, бюджет, штатное расписание, наметил пути социально-экономического развития. Председателем Пермского окрисполкома стал бывший председатель совета рабочих депутатов в Майкоре С. Ф. Давыдов²⁴¹. Изначально округ назывался Пермским, однако 16 апреля 1925 года Президиум облизполкома, ссылаясь на решение Окружного съезда советов, обратился в Президиум ВЦИК с просьбой добавить к слову «Пермский» приставку «Коми» и именовать округ «Коми-Пермским». Эту инициативу поддержал облизполком²⁴².

²³⁷ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 17.

²³⁸ Коми-Пермский округ: век XX... С. 24–25.

²³⁹ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

²⁴⁰ Пермская губерния... С. 21.

²⁴¹ Коми-Пермский округ: век XX... С. 27.

²⁴² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 6–7.

Подводя итог, необходимо отметить, что дискуссии о пермяках длились более пяти лет, решения об их статусе то принимались, то отменялись. В отдельные периоды этот вопрос «продвигали» разные люди и ведомства (дискуссии о пермяках длились дольше существования Наркомнаца), а окончательное решение принималось на фоне критики И. В. Сталиным с Уральского обкома. Появление округа в итоге выглядит как цепь событий, сложившихся максимально благоприятно для коми-пермяков как отдельного народа. Процесс создания совершенно новой административной единицы – Коми-Пермяцкого округа²⁴³ – во многом демонстрирует и сущность ранней советской национальной политики как системы сдержек и противовесов, имеющей цель не обеспечить права национальных меньшинств, а обеспечить лояльность населения разных национальностей в рамках советской государственности.

2.3.4. Уральская область и Удмуртская АССР

Ещё одной конфликтной для Прикамья зоной можно отчасти считать граничащие с созданной в 1920 году Вотской автономной областью (ВАО) территории. В планах активистов удмуртского национально-культурного движения 1918–1919 годов для создания собственной области изначально значились Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской губернии, часть Бирского уезда Уфимской губернии и Осинского уезда Пермской губернии, где имелись места компактного проживания удмуртов. По словам современных историков Удмуртской Республики, создание отдельной области на этих территориях «учитывало бы особенности расселения народов и отвечало бы требованиям экономической целесообразности»²⁴⁴. Следует отметить, что город Сарапул ещё до создания Вотской области был одной из «духовных столиц» удмуртского национально-культурного движения. Так, Удмуртский комиссариат, партийная школа и редакция издательства «Гудыри» в 1920 году размещались именно в Сарапуле, куда они переехали из Елабуги. При этом руководство Сарапульского уезда было категорически против не только вхождения в состав Вотской области, но и против вообще создания административной единицы для удмуртов²⁴⁵. Дискуссии вокруг этих территорий начались с середины 1920-х годов и сопровождались недовольством властей сначала Уральской, а потом и Пермской области. Даже после утверждения границ

²⁴³ Это был первый национальный округ на территории РСФСР.

²⁴⁴ История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 100.

²⁴⁵ Там же. С. 99.

Вотской автономной и Уральской областей власти ВАО не оставляли идею расширить собственные территории за счёт близлежащих регионов с районами компактного проживания удмуртского населения. В 1925 году Уралобком называл эти притязания на территорию Сарапульского округа «совершенно экономически необоснованными»²⁴⁶.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов ВАО находилась в состоянии внутренних противоречий между представителями «рабочей» партии и активистами удмуртского национально-культурного движения. Кроме того, с 1929 по 1934 год ВАО была в составе Нижегородского (с 1932 года – Горьковского) края, а с 1934 по 1936 год – выделенного из него Кировского края. Поэтому дискуссии о принадлежности Сарапульского округа прекратились, в источниках довольно мало документов о каких-то конфликтных ситуациях между Уральской областью и Вотской республикой в эти годы. Однако после ликвидации Уральской области Сарапульский округ был упразднён, а в 1937 году территории юго-запада бывшего Сарапульского округа в составе Воткинского, Сарапульского, Каракулинского и Киясовского районов Кировского края были переданы Удмуртской АССР, исходя из экономических соображений²⁴⁷.

Таким образом, земли, населённые русскими и башкирами, за которые в 1920-е годы вели борьбу органы власти Уральской области и Баш-республики и разделённые в итоге по этническому признаку, были из экономических соображений переданы Удмуртской АССР. Это решение в очередной раз доказывает противоречивость и беспринципность советского национально-государственного строительства, которое осуществлялось с учётом текущей политической ситуации, с использованием в разное время как экономических, так и национальных критериев и принципов.

²⁴⁶ Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 8.

²⁴⁷ О разделении Горьковского края. Постановление ВЦИК от 07.12.1934 [Электронный ресурс]: Документы советской эпохи. URL: <http://sssr.regnews.org/doc/nw/70.htm> (дата обращения: 01.09.2019).

2.4. ОБЩЕСОЮЗНЫЕ КАМПАНИИ С УЧАСТИЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ: ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ, «НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И КООПЕРАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ КАМПАНИИ

2.4.1. Учёт этнического состава населения и проведение Всесоюзных переписей населения 1920-х годов в Прикамье

Большевики одними из первых в мире начали практиковать учёт этнического состава населения. С 25 июля 1918 года существовало Центральное статистическое управление (ЦСУ), а 3 сентября 1918 года – утверждено «Положение о местных статистических управлениях»²⁴⁸. Эти органы занимались учётом населения в стране. В условиях функционирования командной экономики такие статистические данные принимались за основу бюджетного планирования. Учёт этнического состава населения в СССР имел большую важность, особенно для властей на местах: более сложный этнический состав или наличие мест компактного проживания отдельных народов в условиях 1920-х годов означали возможность получения дополнительных средств. И когда со всей страны в Москву стали съезжаться делегации различных этнических групп с требованиями о создании собственных национально-территориальных образований²⁴⁹, проблема этнографических знаний актуализировалась.

Поэтому на первом этапе, как известно, большевики даже пошли по пути сотрудничества с учёными дореволюционного периода, создав Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС)²⁵⁰. Работая в регионах, члены комиссии обладали огромной властью, ведь в конечном итоге от увиденного ими во многом зависело решение о создании тех или иных новых административных образований в СССР. Сегодня материалы переписей населения представляют ценнейший источник для изучения этнического состава населения. Кроме этого, публикация данных переписей была значимым инструментом в конструировании новых идентичностей и определении административных границ. Ф. Хирш называет организацию переписей вместе с картографированием и музейным делом важнейшими факторами

²⁴⁸ Положение о местных статистических управлениях // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 55. Ст. 611.

²⁴⁹ Hirsch F. Empire of nations... P. 5.

²⁵⁰ Псянчин А. В. Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнографии к переписи населения. Уфа, 2010. С. 5.

формирования этнической идентичности советских народов²⁵¹. С ней солидарен академик В. А. Тишков, который в своей монографии «Реквием по этносу» писал, «что именно с переписи населения 1926 года началась групповая категоризация населения по эксклюзивному этническому признаку, и была затверждена этнонациональность как всеобщий атрибут личности»²⁵². Безусловно, отражение в материалах переписи этнического состава населения выражало взгляды большевиков на этнические процессы и являлось неотъемлемой частью национальной политики. Кроме того, переписи населения – это важный источник для анализа этнических процессов в СССР.

В данном разделе будут представлены характеристика организации учёта этнического состава населения в Прикамье, а также анализ основных итогов переписей населения. В рассматриваемый период на территории страны прошли две полномасштабные переписи – в 1926 и 1939 годах. Кроме этого, на протяжении 1920-х годов проводилось немало локальных мероприятий по учёту этнического состава населения.

Придя к власти в Прикамье, большевики ожидаемо столкнулись с проблемой недостатка этнографических знаний. Представления местного руководства были весьма общими. Об этом, например, свидетельствует Отчёт о деятельности Пермского губкома перед ЦК за 1919–1920 годы, где говорится, что «мелких национальностей в Пермской губернии 343 000 человек, из них татаро-башкир 180 000, вотяков – 40 000, пермяков – 73 000, зырян – 45 000 (в действительности не было вообще – **М. К.**), мари – 5000»²⁵³. Округлённые цифры в этом документе свидетельствуют о весьма приблизительных представлениях большевиков Прикамья об этническом составе региона. Характеризуя политику учёта населения 1920-х годов, американский исследователь Д. Р. Ширер отмечал, что на тот момент «отчётность носила хаотичный и противоречивый характер, причём различные учреждения одной области докладывали совершенно разные статистические данные»²⁵⁴. Эта проблема была характерна и для центральных органов власти, и для регионов.

На Урале КИПС работала в начале 1920-х годов. Известно, что при организации работы член КИПС С. И. Руденко обращался к известному на тот момент пермскому учёному и этнографу А. Ф. Теплоухову

²⁵¹ Hirsch F. Empire of nations... P. 13.

²⁵² Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 183.

²⁵³ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1340. Л. 20.

²⁵⁴ Ширер Дэвид Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953. М., 2014. С. 200.

с просьбой о содействии в получении информации о коми-пермяках: «Составляю сейчас по поручению Академии наук этнографическую (племенную) карту Пермской губернии. Очень интересно иметь точные данные о расселении пермяков и их количестве. Не сможете ли мне сообщить эти данные или указать, где я смогу добыть»²⁵⁵. Однако из-за прошлого А. Ф. Теплоухова (служба в армии А. Колчака и у Строгановых) включить его в состав КИПС было невозможно, поэтому от имени этой комиссии в 1920-х годах в Прикамье работал Ф. А. Фиельструп. Фактически его отчёты – первое полное описание этнической ситуации на Урале советского периода²⁵⁶.

Первые сведения об этническом составе населения стали известны только к 1923 году, когда были опубликованы данные Всесоюзной переписи населения 1920 года. Подготовка к первой советской переписи началась в 1919 году, её организацию в 1920 году планировалось совместить с циклом переписей населения, планируемых в западных странах. 25 марта 1920 года ЦСУ разослало губернским статотделам телеграмму с инструкцией по проведению переписи. Третьим параграфом опросного листа была «Национальность (подданство)», таким образом, российские власти впервые приступили к учёту этнического состава населения²⁵⁷.

Безусловно, к данным этой переписи нужно подходить критически, поскольку она охватила только 48,4 процентов населения страны²⁵⁸. Однако применительно к Прикамью данные переписи 1920 года представляются относительно корректными, а работа переписчиков была проведена в установленные сроки. К сожалению, изменения в административно-территориальном делении не дают возможности проследить динамику численности отдельных народов по территориям в сравнении с 1897 годом, но в целом этнический облик Прикамья не претерпел серьёзных изменений по сравнению с досоветским периодом. Всесоюзная перепись 1920 года также отразила изменения в этническом составе населения Пермского Прикамья. В ней зафиксированы и новые направления национальной политики, в том числе выразившиеся в замене некоторых принятых ранее этнонимов («малороссов» заменили на «украинцев», «черемисов» – на «марийцев», при этом этноним «вотяки» сохранился).

²⁵⁵ Цит. по: Черных А. В. История коми-пермяцкой этнографии // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А. В. Черных, А. С. Лобановой (Труды Ин-та языка, ист. и trad. к-ры коми-перм. народа. Вып. X). СПб., 2014. С. 29.

²⁵⁶ См.: Фиельструп Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926.

²⁵⁷ Ранее в переписи учитывали только язык и религию. См.: История переписей населения в России. М., 2013. С. 168–170.

²⁵⁸ Там же. С. 7.

Национальный состав населения Пермского Прикамья в 1920 году

Народ	Прикамские округа Уральской области				Итого
	Верхнекамский	Кунгурский	Пермский	Сарапульский	
Всё население	315 988	462 834	652 513	530 885	1 962 220
Белокорусы	203 933	400 321	624 438	466 441	1 695 133
Пермяки	109 601	—	4439	—	114 040
Татары	1510	42 477	8851	3239	56 077
Башкиры	82	3643	3607	44 722	52 054
Марийцы	8	12 176	2	2174	14 360
Вотяки	1	453	166	9144	9764
Евреи	57	508	2901	706	4172
Белорусы	9	664	2333	751	3757
Тептяри	—	—	447	2139	2586
Поляки	67	269	1164	325	1825
Латвийцы	28	195	1249	203	1675
Немцы	129	423	962	124	1638
Украинцы	42	538	330	573	1483
Эсты	39	108	502	154	803
Литовцы	27	79	379	77	562
Чуваши	29	389	66	8	492
Зыряне	286	17	146	1	450
Мещеряки	—	—	—	15	15

Составлено и подсчитано по: Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. Свердловск, 1925. С. 32.

Однако итоги переписи населения 1920 года, приведённые выше, как и данные переписи городского населения 1923 года не могли удовлетворить советские ведомства в полном объёме, поскольку не раскрывали особенностей связи этнического и половозрастного состава населения, не учитывали владение языками и не охватывали территории всей страны. Поэтому практически сразу же после первых переписей началась работа по подготовке первой Всесоюзной переписи населения.

На Урале эта работа была осложнена процессами районирования, а также периодом создания национальных районов и сельсоветов. В 1925 году облисполком направил в округа телеграмму с просьбой о предоставлении сведений о национальностях, проживающих в округах. В источниках отложились ответы, полученные из трёх округов: Кунгурского, Пермского и Сарапульского (Верхне-Камский округ в этот период уже находился в стадии реорганизации). Власти Пермского округа направили только сведения о белорусах Сивинского района, а вот в Кунгурском и Сарапульском округах была проделана работа, позволяющая увидеть места компактного проживания в округах на начало 1925 года.

**Места компактного проживания и численность
национальных меньшинств в Прикамье на начало 1925 года**

Национальность	Кунгурский (район)	Сарапульский (район)	Пермский (по переписи 1920 года)
Русские	375 282	413 293	
Украинцы	3690		
Белорусы	180		1964 (Сивинский)
Татары	35 346	1985 ²⁵⁹	
Башкиры	820 (Ачитский)	41 729 ²⁶⁰	
Мари	12 015 (Манчажский – 5621)		
Чуваши	437 (Манчажский)		
Зыряне	20		
Поляки	395		
Удмурты	322 (Манчажский)		
Манси	226 (Ачитский)		
Тептяри	266 (Красноуфимский)		

Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 1, 10–12, 17, 24–25, 41, 43, 53.

После завершения районирования началась подготовка к первой Всесоюзной переписи населения, которая с учётом ошибок и недоделок прошлых переписей должна была стать первым полным описанием населения СССР. Острые дискуссии развернулись вокруг термина «Национальность», о введении вопроса о родном языке и т. д. В разработке материалов первоначально была принята формулировка «Народность», с помощью которой один из идеологов переписи В. Г. Михайловский ожидал получить ответ «о племенном происхождении», а не о самоопределении²⁶¹. Этот вопрос даже обсуждался на заседании Политбюро, где было решено оставить понятие «Национальность», то есть была поддержана идея учитывать население, «в том числе, как оно складывается в результате послереволюционного самоопределения национальностей Союза». В личный листок поставлено два вопроса – о народности и родном языке: «...заполнение бланков производится на языке той национальности, которая опрашивается», – сообщало ЦСУ отделу национальностей в ответ на запрос от 26 июля 1926 года²⁶². Уже 3 сентября ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О производ-

²⁵⁹ В том числе Красноярский район – 1221, Рябовский район – 764.

²⁶⁰ В том числе Красноярский район – 32 536, Камбарский район – 6382, Бикбардинский – 2811.

²⁶¹ Воробьёв Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1957. С. 27.

²⁶² Цит. по: Воробьёв Н. Я. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткий обзор организации и производства. М., 1938. С. 31.

стве в 1926 г. Всесоюзной переписи населения»²⁶³, её было поручено провести в декабре 1926 года. При учёте национальностей было принято решение составить список народов, которые проживают в СССР, чтобы избежать разночтений. В вопросе о национальности переписчик сверял ответ со списком и, если не находил нужного параграфа, имел право задавать уточняющие вопросы о национальности и самостоятельно отнести опрашиваемого к одной из них. Вопрос о народности и родном языке был включён в перечень основных 15 вопросов Личного листка.

После принятия 27 сентября 1926 года Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах содействия успешному проведению Всесоюзной переписи населения» Президиум Уральского облисполкома 25 октября 1926 года рассмотрел вопрос о проведении переписи населения в Уральской области. Для её организации и проведения были сформированы окружные Комиссии содействия переписи в составе представителей президиума окрисполкомов, представителей окрпрофбюро и зав. Окрстатбюро²⁶⁴. Наибольшую озабоченность вызывала организация переписи в районах Тобольского округа, где население было рассредоточено на большой территории и вело кочевой образ жизни, а также в Ильинском и Сивинском районах Пермского округа, которые, по информации облисполкома, «сплошь состоят из хуторов и заимок по 5–6 дворов»²⁶⁵.

Проведённая перепись отразила следующие результаты. На территории прикамских округов русские составляли 87,1 процента, значительно увеличилась численность коми-пермяков (скорее всего, из-за изменений методики учёта), чувашей, марийцев и ряда других народов. Именно в 1926 году стали очевидны процессы постепенного формирования двойной татаро-башкирской идентичности у башкирского населения Притулвья (совр. Бардымский район). Если в 1920 году башкир было 52 054, а татар 56 077, то в 1926-м уже 34 747 и 61 480 соответственно. В последующие десятилетия численность башкир относительно татар будет только уменьшаться. В целом за период с 1920 по 1926 год серьёзных изменений не произошло (см. таблицу).

²⁶³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. № 59. Ст. 438.

²⁶⁴ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 848. Материалы о проведении Всесоюзной переписи населения на территории Свердловской области. Л. 1.

²⁶⁵ Там же. Л. 21.

**Национальный состав населения Пермского Прикамья
по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года**

Народ	Прикамские округа Уральской области					Итого
	Верхне-камский	Кунгурский	Пермский	Сара-пульский	Коми-Пермяцкий	
Всё население	203 181	479 519	715 988	539 746	152 491	2 090 925
Русские	193 750	421 683	683 584	488 090	34 814	1 821 921
Пермяки	3076	1	5244	3	117 429	125 753
Татары	5134	36 951	13 710	5615	70	61 480
Башкиры	280	2277	2619	29 571	–	34 747
Марийцы	9	15 397	23	2349	–	17 778
Удмурты	23	370	904	11 256	17	12 570
Белорусы	22	541	3182	55	4	3804
Евреи	149	148	3100	262	66	3725
Зыряне	153	36	778	6	30	1003
Поляки	79	137	616	117	6	955
Эсты	41	262	516	66	–	885
Немцы	47	356	234	164	17	818
Украинцы	59	202	372	102	13	748
Чуваши	26	524	149	26	9	734
Латыши	50	26	342	27	3	448
Литовцы	12	7	111	15	2	147

Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. начинается новый этап миграций в Пермском Прикамье, связанный с кампаниями по раскулачиванию и спецсылке. В Прикамье на спецпоселении оказалось свыше 140 000 человек²⁶⁶. В эти годы численность пермских украинцев, латышей, белорусов, немцев, евреев выросла в разы (что фиксируется данными переписей населения 1926 и 1939 годов). Спецсылка в Прикамье дислоцировалась на территории современных Чердынского, Красновишерского, Добрянского, Лысьвенского и Чусовского районов, города Березники и районов Коми-Пермяцкого округа. Во многих северных малонаселённых районах спецсылльные составили значительную часть населения. В 1930-е годы с началом освоения нефтяных запасов Прикамья, в регион переезжает несколько десятков азербайджанских специалистов.

Спецсылка и репрессии, освоение новых хозяйственных районов серьёзно повлияли на этнический состав и распределение по численности отдельных национальностей в будущем.

²⁶⁶ *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области в 1929–1953. М., 2000. С. 89.

2.4.2. Политика в сфере образования национальных меньшинств

Как и прочие мероприятия, называемые «национальной политикой», действия областных органов власти в сфере образования являлись частью общесоветской политики, которые подразумевают борьбу с неграмотностью (для национальных меньшинств это означало организацию обучения на родных языках). Они сети школ (или национальных школ), использование в образовании идеологического воспитания в духе идей социализма.

23 сентября 1919 года вопрос об организации просвещения национальных меньшинств рассмотрен комиссией Наркомпроса. Было принято Положение об организации просвещения народов нерусского языка и образован Отдел просвещения национальных меньшинств с созданием подотделов в губерниях. Вскоре после этого был принят декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 года, по которому «всё население от 8 до 50 лет обязано было обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию», а за препятствие к посещению школ устанавливалась уголовная ответственность²⁶⁷.

В первые годы советской власти политику «в сфере образования нацмен» курировали отделы национальных меньшинств при местных советских органах власти. С 1926 года, после введения института уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, при областном отделе народного образования был организован Совет по просвещению национальных меньшинств, который в 1929 году преобразован в Комитет по просвещению национальных меньшинств²⁶⁸.

Безусловно, развитие системы образования на территориях со сложным этническим составом населения в период существования Уральской области заслуживает отдельного большого исследования. Так, в диссертации Т. Г. Мосуновой, например, представлены периодизация развития системы образования национальных меньшинств на Урале, подходы в работе органов образования, особенности реализации политики в отдельных районах, анализ просчётов коренизации²⁶⁹. В данном разделе будет представлена общая характеристика системы

²⁶⁷ № 592. Декрет Совета Народных Комиссаров. О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 845–846.

²⁶⁸ Латыпов Р. Т. Указ. соч. С. 101–103; Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала... Свердловск, 1970. С. 27.

²⁶⁹ Мосунова Т. Г. Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926–1937 гг.): дисс. к. и. н. Свердловск, 1988.

национального образования, информация о которой имеется в отчётах советских органов образования в прикамских округах.

В советской историографии при характеристике национального образования часто делался упор на непропорциональный охват системой образования русских и нерусских народов, который удалось преодолеть только после прихода к власти большевиков²⁷⁰. Так, в 1923/24 учебном году на Урале функционировало 357 национальных школ 1-й ступени, или 9 процентов всех школ области, где обучалось 19 035 человек, или в среднем по 53 ученика на школу, в целом по области этот показатель составлял 65,2. Но эти данные говорят лишь о наполняемости существующих школ. Большое количество населения по-прежнему не имело доступа к образованию (см. таблицу).

Таблица 2.5

Сведения о населении и сети по соцвосу в Уральской области²⁷¹

Наименование	В области	тат-баш	пермяки	мари	вотяки	евреи	немцы	Всего	% от общ
%	100	5,03	0,8	0,5	0,14	0,1	0,15		10,69
Население	6 354 387	319 872	113 934	28 766	9282	6742	10 096	488 692	
Школ 1 ступени	3941	249	62	17	3	1	–	332	9,06
Педагогов	7345	395	113	22	7	3	–	540	7,8
Клиентура	257 272	12 794	2972	1059	326	73	–	17 224	7,39
Детдомов	335	22	–	–	–	1	–	23	6,9
Воспитателей	1158	88	–	–	–	2	–	90	7,8
Детсадов	40	4	1	–	–	–	–	5	12,5
Воспитателей	81	7	3	–	–	–	–	10	10,9
Клиентура	1873	146	40	–	–	–	–	186	9,9
Школ семилеток	111	5	–	–	–	–	–	5	6,3
Педагогов	782	41	–	–	–	–	–	41	6,6
Клиентура	18 754	701	–	–	–	–	–	701	5,1
Школ 2 ступени	54	–	2	–	–	–	–	2	3,7
Педагогов	744	–	19	–	–	–	–	19	2,6
Клиентура	15 712	–	279	–	–	–	–	279	1,8
Воспитанников	21 427	1196	–	–	–	27	–	1223	5,7

Составлено и подсчитано по: Сведения о населении и сети по соцвосу. ГАСО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 41. Л. 299 об.

²⁷⁰ Хасанкаев С. Национальная политика Октября и просвещение нацмен // Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 10.

²⁷¹ Орфография сохранена в соответствии с источниками. Соцвос – социалистическое воспитание.

В отчётах УралОНО сохранились сведения о преподавании родных языков на момент создания Уральской области. Лучше всех положение обстояло в среде татаро-башкирского населения, где «во всех группах школ 1 ступени преподавание ведётся на родном языке, а русский язык как предмет введён со 2 года обучения...». В марийских и вотских школах «преподавание ведётся на родном и русском языках, среди же северных народностей ведётся исключительно на русском языке»²⁷². Протоколом № 19 от 7 февраля 1925 года Уральский облисполком обозначил следующие приоритеты в образовании марийского и вотского населения: «...ускорить издание букваря на местном наречии вотяков, не понимающих общий вотский язык, активней вовлекать женщин (мари и вотяков)»²⁷³. Что касается Пермского края, то там преподавание родного языка на 1923 год велось на недостаточно высоком уровне: «В Пермских школах преподавание ведётся исключительно на русском языке, родной язык употребляется как подсобный, причина – незнание пермского языка 50 % школьных работников и отсутствие учебников на родном языке. Среди пермской интеллигенции имеется тенденция введения преподавания в пермских школах на родном языке, но само население на это смотрит отрицательно. Разрешение этого вопроса требует осторожного подхода, так как отсутствие учебников, работников и отношение самого населения к родному языку затрудняет введение пермского языка в школах»²⁷⁴.

С 24 февраля по 4 марта 1924 года по всей стране проходила «Всероссийская неделя просвещения национальных меньшинств». На территории Уральской области это мероприятие из-за незавершённости районирования проходило с 15 по 22 марта. Для проведения этой недели была создана комиссия в составе заведующего УралОНО, председателя совнацменов и его зама, а также представителей обкома РКП(б), обкома РКСМ, ВЦСПС и др. Комиссия была разделена на три подкомиссии: материально-хозяйственную, культурно-организационную и художественно-пропагандистскую. На страницах областной татаро-башкирской газеты «Коммунист» и газеты «Уральский рабочий» были напечатаны план проведения «Недели совнацмена» и разъяснения к нему. Каждая подкомиссия (согласно плану) разработала основные мероприятия в период проведения «Недели совнацмена»²⁷⁵. Между тем, необходимо отметить, что в источниках сохранились сведения только о подготовке недели, но нет данных и отчётов о её проведении.

²⁷² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 302.

²⁷³ Там же. Л. 326–328.

²⁷⁴ Там же. Л. 302.

²⁷⁵ Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 67. Л. 156–158.

После 1923/24 учебного года началась активная работа по созданию системы образования в районах проживания всех национальных меньшинств, в том числе с внедрением образования на родных языках. Развитие образования двигалось по пути создания школ 1-й ступени, изб-читален и национальных школ коммунистической молодёжи (см. таблицу). В течение 1924–1926 годов произошло значительное увеличение коми-пермяцких школ (с 60 до 116), татаро-башкирских (с 222 до 280), марийских (с 11 до 25), вотяцких (с 3 до 8)²⁷⁶. В конце 1920-х годов в Большеусинском районе Уральской области (совр. Куединский район – **М. К.**) после масштабной миграции чувашей появились чувашские школы²⁷⁷.

Таблица 2.6

**Создание сети национальных школ на Урале
в 1925–1928 годах**

	1925/26	1926/27	1927/28
Школ 1-й ступени	465	560	680
Изб-читален смеш. типа	146	77	218
Чисто «нацмен изб-читален»	88	94	124
Нац. ШКМ	4	6	7

Составлено и подсчитано по: ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

В конце 1924 года отдел народного образования Уральского облисполкома провёл обследование школ области, в том числе и национальных. Данные позволяют оценить ситуацию с национальными школами в целом по области и могут быть отнесены и к Прикамью. Охват детей среди русских, например, в 1925/26 учебном году был 47,2 процента, в 1928/29 – 67, у национальных меньшинств в 1925/26 – 35,9, в 1928/29 – 59 процентов. На одну школу приходилось русских 880 человек, представителей национальных меньшинств – 1055 человек. Охват девочек среди русских 43 процента, среди национальных меньшинств – 24 процента. Второгодничество – 22 процента в школах у национальных меньшинств против 15 в русских школах²⁷⁸. В целом с 1923 по 1927 год общий рост всех школ 1-й ступени по области составил 15 процентов, тогда как школ национальных меньшинств – 29 процентов. Если в 1925/26 учебном году преподавателей национальных школ в области насчитывалось

²⁷⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 49. Л. 112.

²⁷⁷ Чепкасов Л. И. Деревня родная моя. Пантелеевка, 2010.

²⁷⁸ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

718, то уже в 1927/28 учебном году – 923, то есть увеличение составило 28,5 процента. В целом по области этот показатель был 20 процентов. Если в 1925/26 учебном году на одну национальную школу по области приходилось 1380 учащихся, то в 1927/28 учебном году – 1967²⁷⁹.

На территории Прикамья сеть национальных школ была более развита в местах компактного проживания пермского населения: 60 школ и 11 947 учеников, или 19 и 40,3 процента соответственно от общей численности по Уралу²⁸⁰. Техникумов и училищ для национальных меньшинств в 1923 году в Прикамье не было, образование после школы татары и башкиры могли получать в Екатеринбургском или Троицком татаро-башкирских педтехникумах, Татаро-башкирское отделение работало при Тюменском педтехникуме²⁸¹. Марийское население обучалось в Урал-Марийском педтехникуме с местонахождением в г. Красноуфимске на базе местного техникума²⁸². Для повышения квалификации преподавательского состава национальных школ в течение 1924/25 учебного года были организованы курсы для учителей национальных меньшинств: для татаро-башкирских педагогов было проведено 45 часов, марийских – 32 часа, коми-пермяцких – 31 час²⁸³.

В июне 1927 года вышло постановление секретариата Уральского обкома, а 28 октября 1928 года – решение Уралоблисполкома «О просвещении национальных меньшинств». В нём были намечены мероприятия в деле просвещения этнических меньшинств: задача преодоления культурной отсталости нерусских национальностей, развитие школьного образования, ликвидация неграмотности среди этих народов (особенно среди женщин) более быстрыми темпами, чем в среднем по области. Своё воплощение нашла идея выравнивания культурного уровня народов и усиления организаторской и идейно-воспитательной работы²⁸⁴.

Опережающий рост количества национальных школ приводил к проблемам с их обеспечением. Так, обследование УралОНО показало, что школы обеспечены учебными пособиями всего лишь на 40–50 процентов, а порой и меньше. Если на одного ученика в обычных школах приходилось по 1,08 кв. м классной площади (по нормам Наркомпроса – 1,5 кв. м), то в национальных школах было меньше 0,8 кв. м²⁸⁵. Наглядными и учебными пособиями национальные школы Урала были снабжены только на 25–30 процентов. В Кунгурском округе

²⁷⁹ Латытов Р. Т. Указ. соч. С. 121–122.

²⁸⁰ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Л. 65.

²⁸¹ Там же. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 301.

²⁸² Там же. Д. 170. Л. 16.

²⁸³ Латытов Р. Т. Указ. соч. С. 123.

²⁸⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 7. Л. 248.

²⁸⁵ Латытов Р. Т. Указ. соч. С. 113.

обеспеченность учебниками татаро-башкирских школ составила 20, марийских – 5 процентов. При этом 70–80 процентов учебников были «устаревшими», выпущенными в дореволюционное время²⁸⁶. Конкретно в Красноярском районе Сарапульского округа (совр. Бардымский район) на одного ученика национальной школы приходилось 20 рублей 30 копеек, в Манчажском районе Кунгурского округа – 19 рублей 50 копеек, тогда как в общих школах округа – 23 рубля 8 копеек²⁸⁷. Из докладной записки председателя Красноярского райисполкома Сарапульского округа Гатауллина следует, что многие школы «помещаются в частных домах, приспособленных для жилья, в обыкновенных избушках» без какого-либо оборудования²⁸⁸. Крупнейшая «национальная школа» Сарапульского округа в с. Барда, как показывают отчёты районного отдела народного образования, материально была недостаточно оснащена: «Бардымская школа коммуна в материальном отношении вполне обеспечена удовлетворительно только в отношении питания, но полная нехватка в постели, одеял, одежды, белья и других хозяйственных оборудований, а также в отношении домашнего скота, кроме лошадей, которых имеется три... помещение в отношении классов, так и общежитие довольно тесное»²⁸⁹. В отчёте инструктора нацмен²⁹⁰ Ахметшина о итогах работы на Содовом заводе Верхнекамского округа 13–16 марта 1929 года приводится пример работы школы 1-й ступени, которую «гоняют с места на место». Сначала школа размещалась в одном здании с русской школой, затем была переведена в рабочий клуб, откуда в другой рабочий клуб, который уже через пять дней также отказался от размещения школы. В результате она обосновалась в зрительном зале рабочего клуба²⁹¹.

Ситуацию с образованием демонстрирует и доклад «О положении народного образования среди татар.-башк. населения Пермского округа». В документе сообщалось, что существующие на конец 1925 года школы 1-й ступени только на 6–7 процентов удовлетворяют население²⁹². Из 10 сельских школ собственные помещения имели только две. Из семи школ по ликвидации неграмотности функционировала только одна в Чусовском заводе на 17 учеников с одним работником. Остальные закрылись из-за непосещения неграмотными²⁹³. Также в докладе

²⁸⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 49. Л. 104.

²⁸⁷ Латыпов Р. Т. Указ. соч. С. 130.

²⁸⁸ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.

²⁸⁹ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.

²⁹⁰ Официальное название должности.

²⁹¹ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 265.

²⁹² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 30.

²⁹³ Там же. Л. 30 об.

сообщалось о проблеме с образованием для взрослых. На курсы переподготовки сельское население в город не ездило. Если же удавалось кого-то отправить в город на обучение, то обратно в деревню молодые специалисты не возвращались²⁹⁴.

Существовала и проблема преподавательских кадров. В 1920-е годы значительную часть учителей в национальных школах составляли русские. В отчёте Сарапульского округа за 1927 год сообщалось, что в некоторых селениях Усинского района живёт до 20 процентов чувашей. «Чуваши просвещением интересуются гораздо больше, чем русское население... но беда в том, что зачастую дети совершенно не понимают учителя. А учитель не понимает по-чувашски. Да и вообще-то учителей из чувашей почти не встречается»²⁹⁵, – говорилось в документе. В отчёте Осинского отдела народного образования отмечается, что на 1 апреля 1924 года в районе открыто «19 школ на договорных началах с 18 работниками, из них функционируют 2 за неимением педагогов... жалование учителей государственных школ выдаётся по голодному прожиточному минимуму, по 10–11 и 12 разрядам. Положение учителей общественных школ ещё хуже: при цене хлеба 10–11 руб. за пуд, получают хлебом от 5 до 10 пудов»²⁹⁶. В отчётах в УралОНО приводится и несколько фактов неуважительного отношения к учителям национальных школ. Так, например, учителей татарской деревни Средний Бугалыш Кунгурского округа местные власти заставляли в часы школьных занятий в течение девяти дней проводить ревизию кредитного товарищества. В мари́йском селе Сарс того же округа местных учителей принудили ходить по домам, собирать сведения о планируемых посадках у местного населения (эту работу должны были исполнять агроуполномоченные)²⁹⁷. Таким образом, существующие школы сталкивались с проблемами материального обеспечения, нехватки кадров, а могли и просто не функционировать. Можно смело предположить, что аналогичная ситуация возникала и в национальных школах других округов.

В целом источники свидетельствуют, что ситуация в системе национального образования была хуже, чем в среднем по области. Национальные школы было очень тяжело поддерживать, особенно в районах со смешанным населением и в городах. Несмотря на громкие лозунги и амбициозные задачи по вовлечению национальных меньшинств в общественную жизнь, реальной финансовой и административной поддержки эти инициативы не имели. Р. Т. Латыпов в своём исследовании

²⁹⁴ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 31.

²⁹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 160.

²⁹⁶ Управление по делам архивов города Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 12. Д. 286. Л. 6 об.

²⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 70.

отмечает, что в сельской местности «некоторые школы были созданы на одном энтузиазме крестьян, порой без ведома отдела народного образования, вскоре закрывались, хотя ещё продолжали числиться как действующие»²⁹⁸.

Характеризуя систему образования для национальных меньшинств в Прикамье в 1920-е годы, необходимо признать, что создание новых школ и различных образовательных пунктов в районах компактного проживания разных национальностей осуществлялось в рамках общей политики советской власти по развитию сети школ, причём национальные школы строились не так активно, как школы общего типа, что в принципе соответствует аналогичным процессам досоветского периода. И если в национальных республиках создание школы по факту приравнивалось к работе по созданию школ, то для регионов, где большинство населения было русским, создание учебных заведений с этнокомпонентом (преподаванием некоторых предметов на родных языках, как и преподавание родных языков) было дополнительной нагрузкой, не всегда поддерживаемой административно. В этой связи национальные школы были в среднем беднее в материальном плане и по педагогическому составу. Обеспечение их работы наткнулось на различные трудности, а образовательный процесс не был стабильным. Между тем именно в этот период были заложены основы системы образования на родных языках, подготовки кадров, созданы условия для сохранения и даже развития языков разных народов, проживающих отдалённо от мест традиционного расселения. В таком виде система образования просуществовала до середины 1930-х годов. Во второй половине 1930-х годов в ходе смены приоритетов в национальной политике поддержка национальных школ в «русских» регионах перестала быть обязательной. Как показал в своей работе Т. Мартин, принятые в декабре 1937 года постановления ликвидировали в СССР все школы «диаспорных» национальностей (немцев, поляков, финнов, латышей и др.). Между тем это же постановление использовалось для закрытия «нерусских школ в русских районах», что означало закрытие 4598 «школ нацмен» в регионах с преимущественно русским населением²⁹⁹. Однако в Прикамье созданная в 1920-е годы система национального образования сохранилась и с незначительными изменениями продолжает функционировать до сих пор.

²⁹⁸ Латыпов Р. Т. Указ. соч. С. 101.

²⁹⁹ Мартин Т. Империя положительной деятельности... С. 562–563.

2.4.3. Вовлечение национальных меньшинств в организацию социалистических форм хозяйства

В 1920-е годы в стране помимо внедрения новой формы административного управления территориями, новой политикой в сфере образования существенные перемены происходили и в экономике: создавались новые модели экономических отношений и новые формы народного хозяйства. В первой половине 1920-х годов активно внедрялись различные формы кооперации, после 1927 года – коллективные хозяйства.

Национальная политика в этом вопросе также ограничивалась лишь вовлечением населения разных национальностей в кооперативное и колхозное движение с целью демонстрации преимуществ нового советского строя над предыдущим царским, а также над странами Запада³⁰⁰. При этом приветствовалось создание кооперативов или артелей по национальному признаку, а вовлечение «отсталых народов» в передовые формы хозяйства повсеместно провозглашалось одной из важнейших задач национальной политики³⁰¹. Тем не менее из-за более архаических форм хозяйствования, сложностей в коммуникации и отсутствия нужного количества подготовленных работников вовлечение представителей национальных меньшинств в кооперативное и колхозное движение шло более медленными темпами.

Так, Президиум ВЦИК 20 июня 1927 года направил всем коопсоветам страны телеграмму следующего содержания: «Одной из очередных задач советской кооперации является вовлечение в кооперативное строительство трудящихся масс отсталых в культурном отношении национальных меньшинств». Отдельно отмечалось, что «в условиях быта и культуры нацменьшинств, в особенности у национальностей, подвергнутых восточной культуре, роль женской части населения и молодёжи в кооперативном строительстве приобретает сугубо революционное значение»³⁰². Уже этот документ косвенно свидетельствует, что кооперирование двигалось медленнее, чем ожидалось.

Слабо вёлся и учёт кооперативных хозяйств. В отчётах о кооперировании по округам, например, отсутствует графа о кооперативах национальных меньшинств, а в отчётах уполномоченных сведения отрывочны и часто противоречивы. В качестве итогов кооперирования на «Первом областном совещании работников нацмен» в декабре 1927 года,

³⁰⁰ Мاستюгина Т. М., Перепёлкин Л. С., Стельмах В. Г. Национальная политика в России... С. 168–169.

³⁰¹ Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). Свердловск, 1927. С. 18.

³⁰² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 158.

например, было объявлено, что на Урале сельхозкооперацией охвачено 13 074 хозяйства национальных меньшинств, а потребительской кооперацией – 39 110 хозяйств³⁰³. При этом не было представлено никаких сведений о территориях и национальностях, о которых шла речь, что также даёт основания для критического отношения к данной статистике.

Относительно Прикамья в архивах отложились упоминания о существовании 19 татаро-башкирских и марийских кооперативов в Кунгурском округе, 6 татаро-башкирских и удмуртских кооперативах в Сарапульском округе, а также о 16 пермяцких кооперативах³⁰⁴.

Сведения о сельхозкооперации национальных меньшинств содержатся в Отчёте Уралколхозсоюза за 1929 год, когда в стране уже началась коллективизация. По этим данным, на территории прикамских округов существовало 175 кооперативов национальных меньшинств с общей численностью членов свыше 12 тыс. человек. При этом отсутствовали данные о кооперации в Верхнекамском округе, где такая статистика в силу разных причин могла просто не вестись (см. таблицу). Степень кооперирования по округам исчислялась следующим образом: по Пермскому – 40,7 процента, по Сарапульскому – 30,15, по Коми-Пермяцкому – 51,5 процента (сведений о Кунгурском и Верхнекамском округах не представлено)³⁰⁵.

Таблица 2.7

**Кооперативы национальных меньшинств
Прикамья на 1929 год по виду деятельности
(число кооперативов / число членов)**

Округ	Кредитн.	Семеновод.	Льновод.	Животновод.	Мелиор.	Масло-дояный	Машин.	Птицевод.	Прочие	Итого
Коми-Пермяцкий	2/7182	5/247	1/12	5/84	1/24	3/613	84/1092	18/2	136/–	255/9256
Сарапульский	2/1128						15/175	1/51	8/163	26/1517
Кунгурский	3/473			1/18		1/42		2/49		7/582
Пермский	2/835									2/835
В.-Камский	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 7 об.

³⁰³ Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале и по содокладам уполномоченных по Челябинскому и Троицкому округам // Резолюции Первого областного совещания... С. 7.

³⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 6.

³⁰⁵ Там же. Д. 69. Л. 7 об.

Отсутствие данных по Верхнекамскому округу, слабый статистический учёт кооперативов по округам требуют критического отношения к имеющимся источникам, однако других сведений в архивах не отложилось. Тем не менее очевидно, что кооперирование среди национальных меньшинств велось. Важность этой работы осознавалась на уровне облисполкома, однако, как и с системой образования, местные власти не имели ресурса для охвата всего населения этой работой.

Следует отметить, что власти некоторых округов, например, объясняя низкие темпы кооперации, часто ссылались на специфику этнического состава своих территорий. «Слабое развитие землеустроительных работ башкир Бардымского района объясняется маломощностью хозяйств, его экстенсивностью и большим, сравнительно, земельным обеспечением», – сообщалось в отчёте Сарапульского окрика за 1926 год³⁰⁶. Также обращалось внимание, что «национальные» колхозы численно меньше, и меньшее количество хозяйств охвачено колхозами, если сравнивать с русскими³⁰⁷.

Меры по преодолению отставания, отразившиеся в многочисленных резолюциях окружкомов и обкома, сводились, как и у не «нацменовских хозяйств», к усилению руководства и контроля со стороны местных органов, опоре на бедняцкие хозяйства, выдвижению женщин и молодёжи на руководящие должности, повышению грамотности населения на родных языках, обучению прогрессивным социалистическим формам хозяйствования³⁰⁸.

Если говорить о колхозном движении, то здесь источники также не дают исчерпывающей информации, хотя она отражена более детализированно. В январе 1929 года Уралколхозсоюз представил Уралоблисполкому промежуточные данные о коллективизации национальных меньшинств Урала на 01.01.1929, согласно которым в прикамских округах на начало 1929 года существовало 109 «нацмен колхозов» из 204 в целом по области, включающих в себя 1110 крестьянских хозяйств из 2030 по области. В Коми-Пермяцком округе все эти колхозы были коми-пермяцкими, в Сарапульском округе – пять татаро-башкирских и шесть марийских, данных по другим округам нет³⁰⁹.

Ситуация с колхозным строительством на начало 1929 года отражена в докладе «О состоянии организационно-массовой работы советов в среде национальных меньшинств Кунгурского округа Уральской области». В документе сообщается, что Кунгурским окружным

³⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 74.

³⁰⁷ Там же. Д. 69. Л. 17.

³⁰⁸ См., напр.: Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. 20. Оп. 1. Д. 168. Л. 60–61, 68–69.

³⁰⁹ Составлено и подсчитано по: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 7.

земельным управлением в 1928 году организовано 19 колхозов национальных меньшинств без указаний национальностей, при планируемых 12, в том числе: коммуна «Пуртык», артели «Уйлыш», «Иганче»; совхозы «Мари», «Кэнтэуш», «Уралмарий», «Азал», «Кзыл тан», «Сабан», «Кызым-Ул», «Кызыл кыч», «Хурият», «Габитово», «Красная звезда», «Батырь», «Шадур», «У-жара» – всего 1039 человек на 259 дворов³¹⁰.

В источниках немало информации о колхозах отдельных национальностей. Так, довольно подробная информация имеется в отчётах Кунгурского окружкома о деятельности марийских колхозов. Такие хозяйства существовали в следующих районах: Суксунский – 3, Манчажский – 12, Щучье-Озёрский – 1, Нижне-Сергинский – 2, Артинский – 10, Ачитский – 6, Кишертский – 1, Красноуфимский – 1. Итого 36 колхозов, объединивших примерно 30 тыс. марийцев в радиусе 90 км³¹¹. Огромный Колхоз имени Сталина был создан в Бардымском районе. Он охватил 14 сельсоветов и 450 хозяйств Бардымского и Осинского районов³¹². Нельзя исключать, что все хозяйства были записаны в колхоз автоматически, без изменения сложившихся отношений.

Характеризуя политику по вовлечению национальных меньшинств в кооперативное колхозное движение, можно отметить, что она также шла в русле общей политики по созданию новых, социалистических форм народного хозяйства. Вовлечение национальных меньшинств в кооперацию и создание коллективных хозяйств неизменно значилось одной из задач национальной политики органов советской власти. Вероятнее всего, в число «национальных» попадали кооперативы или колхозы, которые создавались в общем порядке, но в местах компактного проживания отдельных этнических групп. При этом в силу разных причин в среде национальных меньшинств или в районах компактного проживания нерусского населения показатели вовлечения населения в кооперацию и коллективизацию были стабильно ниже и объяснялись как раз сложностью работы с национальными меньшинствами. Сведения о создаваемых обществах или колхозах были отрывочны и, вероятно, не всегда точны, что затрудняет работу по оценке и анализу их деятельности.

³¹⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 113.

³¹¹ Там же. Д. 170. Л. 16.

³¹² Там же. Д. 69. Л. 96–96 об.

2.4.4. Переселенческие кампании и этнический состав населения Прикамья в конце 1920-х годов

Ещё одна массовая политическая кампания советской власти 1920-х годов связана с переселенческим движением. Поскольку переселение велось из районов с нерусским населением, переселенческая политика стала частью политики национальной. Имеющийся внушительный корпус опубликованных источников, ряд не публиковавшихся ранее документов о ходе переселения позволяют по-новому взглянуть на характер этой кампании на Урале в период 1927–1929 годов. Важным источником, пока не оценённым в должной мере исследователями, является стенограмма совещания по организации переселенческой кампании в 1927 году, отложившаяся в фондах РГАЭ. Источник не только содержит базовые делопроизводственные документы, но и отражает дискуссии участвующих сторон во время принятия решений. Записанные в ходе полевых экспедиций в Куединском районе 2001–2002 годах семейные предания также позволяют рассмотреть причины и мотивы миграции, её последствия для конкретных семей в этот период³¹³.

В конце 1920-х годов советские эксперты, ответственные за переселенческую политику, оценивали избыток населения в СССР в середине 1920-х годов в диапазоне от 10 до 23 млн человек³¹⁴. По этой причине советское правительство вернулось к дореволюционной идее стимулирования миграции из перенаселённых районов Поволжья и Центральной России на Урал и в Сибирь. Для организации процесса был принят Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928/29 – 1932/33 годы. В пункте 2 плана «Общие задачи промышленной колонизации на Урале. Первоочередные районы колонизации» сообщалось о готовившихся мероприятиях по переселению на Урал населения центральных регионов России: «...это должно вызвать большой приток рабочей силы и в результате существенного изменения в распределении населения возникновение новых крупных поселений городского типа и вокруг них целых групп обслуживающих их нужд сельских пунктов»³¹⁵.

Несмотря на то, что национальная политика и поддержка национальных меньшинств в тот период находились на пике своей ре-

³¹³ Архив Национально-культурного центра чувашей Пермского края (АНКЦЧПК).

³¹⁴ В Перспективном плане переселения на 1928–1932 годы называется цифра 23 млн человек. См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 7. Л. 25. Между тем на совещании по вопросам переселения в марте 1927 года Е. Э. Лацис называл цифру 5–10 млн человек, а Большаков – 5 млн человек. См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–18.

³¹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 14.

ализации³¹⁶, этнокомпонент в вопросах переселения не учитывался. В стенограмме Всероссийского совещания работников по переселенческому делу видно, что данный вопрос практически не обсуждался. Лишь однажды за три дня работы его коснулся представитель ЦИК И. Сабиров: «Я хочу присоединить к этим трудностям ещё один момент, который никем пока ещё не был затронут. Это, товарищи, состав наших поселенцев, который у нас различен по национальному составу. У нас в РСФСР имеется много миллионов мелких национальностей, живущих в тех губерниях, которые дают переселенческий контингент. Каким образом поставить работу среди нацменьшинств, эту работу вообще вести очень трудно, даже там где население сидит компактно»³¹⁷. Однако эта реплика осталась без обсуждения и не была услышана.

Когда переселенческая кампания началась, оказалось, что в силу планового происхождения законная процедура была очень громоздкой. Переселенцам предлагалась, с одной стороны, сложная бюрократическая процедура официального переселения, с другой – была альтернативная возможность поехать законно самостоятельно, без сопровождения. Тем более что советское законодательство приравнивало самовольных переселенцев и плановых. Естественно, наиболее выгодной стратегией для крестьянина был самовольный переезд. В итоге начавшееся переселение пошло вразрез с планами. Крестьяне выбирали места для жизни недалеко от родины, обеспеченные лесом и сельхозугодьями. Эту ситуацию, в частности, демонстрирует переселение чувашей с территории своего проживания на земли Сарапульского округа. Первыми станциями, которые встречали переселенцев, были ст. Янаул (БАСССР) и Куеда (совр. административный центр Куединского района Пермского края). Именно туда, а не в отдалённый Троицкий округ, как ожидалось, направился основной поток переселенцев чувашей. Проблема актуализировалась в 1928 году, когда в рамках этой кампании был зафиксирован рост самостоятельных переселенцев – на территории Сарапульского округа, где не было земельного фонда. 21 мая 1929 года Уралоблисполком проинформировал Наркомзем РСФСР, что фиксируется резкое увеличение «случаев самовольного переселения из Чувашской АССР (ЧАССР) в Уральскую область, причём движение это идёт не только в округа, открытые для переселения, но и в округа, совершенно не имеющие свободных земель, в частности, в Сарапульский округ... Такое положение Уральский облисполком

³¹⁶ Наибольшее количество мероприятий для специалистов по работе с национальными меньшинствами произошло именно в 1927 году. Например, областное совещание работников нацмен Урала в декабре 1927 года.

³¹⁷ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 227.

считает ненормальным, ведущим к обезземеливанию коренного населения Уральской области»³¹⁸. В связи с этим Наркомзем РСФСР предложил Наркомзему ЧАССР «принять самые решительные меры к прекращению дальнейших выдач переселенческих документов в районы, закрытые для планового переселения, так как это влечёт за собой самые тяжёлые последствия»³¹⁹. Позже Наркомзем ЧАССР сообщил в Сарапульский окрисполком, что переселение в закрытие местности «никогда не поощрялось и никогда не будет поощряться... но переселение в Сарапульский округ, вызванное общеэкономическими условиями, не может быть прекращено в кратчайший срок»³²⁰. После этого власти Чувашской республики и Сарапульского округа начали совместную работу по прекращению миграции. Чувашнаркомзем отослал в районы директиву, согласно которой все, кто получал землю самовольно, автоматически лишались земельных наделов на родине. Однако у органов власти не было механизмов, чтобы остановить стихийно начавшуюся миграцию. За год с небольшим тысячи чувашей осели в деревнях и сёлах Большеусинского и Еловского районов, среди которых были Батманы, Большая Уса, Большие Кусты, Бормист, Верх-Дойная, Верхняя Барда, Верхний Тымбай, Дойная, Кирилловка, Китрюм, Коровино, Пантелеевка, Семёновка, Чиганда Сарапульского округа³²¹. Результаты миграции чувашей в Прикамье в конце 1920-х – начале 1930-х годов видны по итогам переписей населения 1926 и 1939 годов. Численность чувашей Прикамья в 1939 году составляла 8821, что в 12 раз больше, чем в 1926 году³²². При этом доля говорящих на чувашском языке в общем количестве чувашей составила 86,6 процента³²³.

Таким образом, переселенческая кампания создала на юге Прикамья крупный этнический анклав в несколько тысяч человек, при этом местные власти не готовы были вести с ними отдельную работу, а местное население не было настроено на совместное проживание с приезжими. Отсутствие специальной работы в этом направлении спровоцировало ряд инцидентов и конфликтов на национальной почве. Как свидетельствуют источники и материалы полевых исследований, отношение местного населения, русских староверов, к прибывающим было негативным. Среди материалов АНКЦЧПК сохранились воспо-

³¹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 41.

³¹⁹ Там же. Л. 12.

³²⁰ Там же. Л. 42.

³²¹ Составлено на основе документов ПермГАСПИ: Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29512; Д. 33095; Д. 29552; Д. 27436; Д. 9543. Т. 1, 2; Д. 28744; Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12155; Д. 15874. Т. 1, 2; Д. 14440.

³²² Всесоюзная перепись населения 1939 года: Уральский регион. Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 132.

³²³ Там же. С. 133.

минания семьи Яковлевых о первых днях жизни на новом месте: *«Воду пили из отдельных кружек, на сенокосе во время перерывов отдыхали в стороне, близко их (чувашей – М. К.) не подпускали. Разговор с другими заводить не надлежало»*³²⁴. Из воспоминаний Анны Назаровны и Григория Яковлевича Назаровых: *«Многое пришлось пережить – терпели унижения, оскорбления, утраты... Жители долго нас чурались, с опаской и недоверием смотрели вслед»*³²⁵. Чувашиам не разрешалось брать воду из родника, им не продавали скотину, детям не разрешали играть вместе с местными русскими. В д. Тойкино Еловского района в 1928 году приехало на жительство 30 семей чувашей. После того как они обзавелись хозяйством и получили право на земельное пользование, «группа местных кулаков, пользуясь забитостью чувашей, их темнотой, установила плату за землю и усадьбу в 10 рублей, и тёмные чуваша платили»³²⁶.

Кроме этого, в начале 1930-х годов в Куединском районе произошло несколько инцидентов между работниками созданных чувашами колхозов и местными жителями. Самым резонансным стал эпизод, когда работники колхоза «Чуваш» написали коллективное обращение в отдел национальных меньшинств Уралобкома и местную газету «Колхозный путь»³²⁷. В обращении сообщалось, что в д. Дубленёвка Пантелеевского сельсовета Куединского района руководство колхоза «Вперёд» с молчаливого согласия местных властей стало принудительно привлекать для работы на своих участках чувашей из колхоза «Чуваш». Председатель колхоза «Вперёд» Юрганов даже заставлял бригаду женщин-чувашек работать, угрожая револьвером. Их бригадиру Борисову за хорошую работу он обещал «пулю в лоб». Сообщалось, что это делалось «в связи с ненавистью к национальности чувашей со стороны колхоза «Вперёд»³²⁸. Позже это дело разбиралось на областном уровне, виновные были наказаны. Однако этот инцидент демонстрирует, насколько сложными были отношения у прибывающих представителей разных национальностей с местным русским населением.

Судя по всему, конфликты были и в Сивинском районе, где существовали районы компактного проживания латышей, белорусов и украинцев. В ноябре 1927 года Сивинский райисполком направил в местные сельсоветы письмо следующего содержания: «Придавая огромное значение делу правильного проведения политики соввласти

³²⁴ Общественная организация «Национально-культурный центр чувашей Пермского края» (ООНКЦЧПК). Письма семьи Яковлевых.

³²⁵ Цит. по: Черных А. В., Каменских М. С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014. С. 36.

³²⁶ Красное Прикамье. 1928. 11 нояб.

³²⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 169. Л. 11.

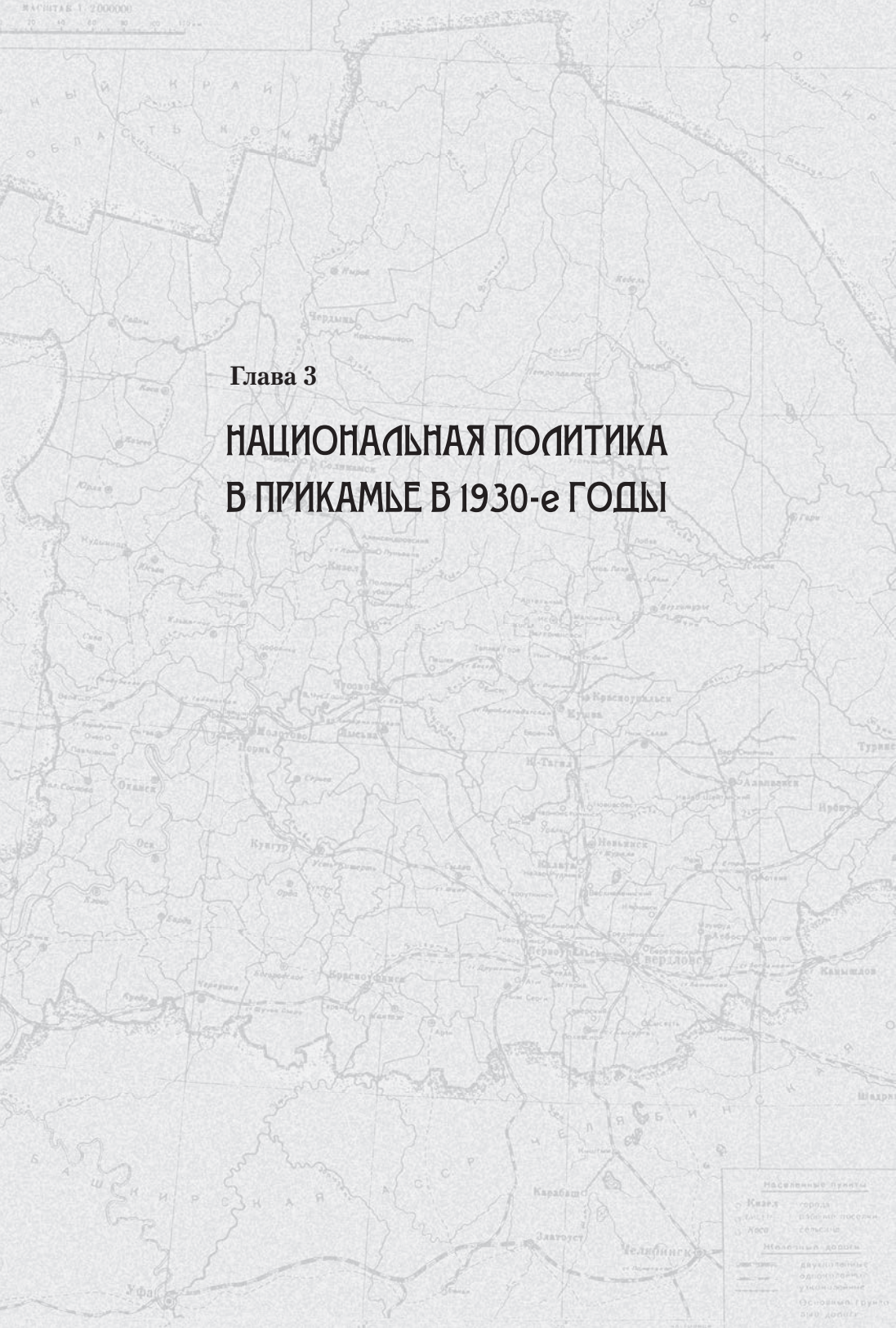
³²⁸ Там же.

на местах, необходимо в корне пресекать всякие мероприятия, направленные к нарушению правильных и здоровых взаимоотношений между русским населением и населением малых национальностей»³²⁹. Это письмо было написано после конфликтов из-за неравномерного обложения сельхозналогом переселенцев в сравнении с местными русскими. Дело разбиралось на уровне Совета национальностей при ВЦИКе. Косвенно оно также свидетельствует о непростых взаимоотношениях приезжих нерусских переселенцев с местным русским населением.

Последствия переселенческой кампании, изменившие этническую структуру юга Прикамья, автоматически внесли сложившуюся ситуацию в сферу интересов органов, ответственных за национальную политику. Трактовка национальной политики как этнической составляющей крупных общесоветских преобразований позволяет рассматривать переселенческое движение и его последствия как часть этой политики. Следует признать, что особых мер, учитывающих национальный состав переселенцев, власти не предпринимали. Это делалось уже после переселения на общих основаниях. Тем самым создавалась почва для недопонимания и конфликтов, имевших этническую составляющую.

Анализ мероприятий в территориях традиционного проживания разных национальностей при реализации общесоюзных мер в сфере учёта населения, образования, кооперативного и колхозного строительства, переселения демонстрирует, насколько власти оказались не готовы к реализации своих планов по решению национального вопроса. Многие мероприятия носили декларативный характер, проводились не системно. Кроме этого, создание специальных условий для национальных меньшинств в регионах с преимущественно русским населением наталкивалось на непонимание местных властей. Не имея особых стимулов, они не могли позволить себе создавать и поддерживать особую среду для национальностей (за исключением создания районов и колхозов в местах компактного проживания): система образования не достигала поставленных целей, количество членов партии и кандидатов в члены партии среди национальных меньшинств было стабильно ниже, чем в среднем по региону. Возможно, эта ситуация с реализацией национальной политики в русскоязычной части РСФСР и подтолкнула центральные власти к переосмыслению приоритетов в данной сфере в начале 1930-х годов.

³²⁹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 931. Л. 2.



Глава 3

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРИКАМЬЕ В 1930-е ГОДЫ

Населенные пункты

- Кварт. город
- Кварт. районный поселок
- Кварт. селение
- Населенный пункт
- двухэтажные административные здания, здания государственной власти

3.1. КУРС НА УНИФИКАЦИЮ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ОЦЕНКИ ИСТОРИОГРАФИИ

К началу 1930-х годов советская национальная политика подошла в сформированном виде. Названная И. В. Сталиным «национальной по форме, социалистической по содержанию»¹, она выражалась в поддержке и развитии образования на родных языках, политике коренизации, комплексе мероприятий для отдельных этнических групп. Однако уже к середине 1930-х годов в национальной политике произошли видимые изменения: она эволюционировала от поддержки культур нерусских народов и борьбы с великодержавным русским шовинизмом к восприятию русского народа как главного в семье советских народов, «старшего брата». Ценности интернационализма уступили место идеям государственности, державности. Роль русского народа в прошлом и настоящем советского общества была переосмыслена. Даже на уровне официальной риторики власти обратились к образам досоветской России, а русский народ и русская культура получили официальную поддержку. Российский исследователь А. И. Вдовин в своей монографии приводит сразу несколько издательских и пропагандистских проектов, развивавших концепцию русского народа как «старшего брата» в семье советских народов². Формально этот процесс смены приоритетов национальной политики завершился к середине второй половины 1930-х годов.

Начало «поворота» связывается с тостом И. В. Сталина за русский народ, произнесённым 6 июля 1933 года во время посещения его дачи делегацией художников, когда он сказал: «Самый лучший народ – русский народ, самая советская нация. Выпьем за советскую нацию и прекрасный русский народ»³. Яркими примерами, демонстрирующими завершение смены официального курса национальной политики, стали статья в газете «Правда» от 1 февраля 1936 года, где русский народ был назван «первым среди равных»⁴, а также знаменитое выступление И. В. Сталина 7 ноября 1938 года, где он сказал, что «среди равных наций государств и стран в СССР самая советская, самая революционная – это русская нация»⁵.

¹ *Сталин И.* Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б), 27 июня 1930 года // *Правда*. 1930. 29 июня.

² *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 135–137.

³ Там же.

⁴ *Правда*. 1936. 1 фев.

⁵ Запись выступления И. В. Сталина 07.11.1938 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 168. Документ размещен на: Документ 3. Запись выступления Сталина И. В. [Электронный ресурс]: Документы советской эпохи. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/personality/cards/51223> (дата обращения: 20.12.2018).

Все произошедшие изменения так или иначе были связаны с русским языком, историей и культурой русского народа как основы государства. В этой связи в историографии и публицистике, особенно за рубежом, появилось немало мнений о «русификаторской политике» советского режима 1930-х годов. Этот тон был задан ещё в коллективном труде «Национальная политика в России: история и современность». «В западной историографии стало уже традиционным утверждение о 30-х годах как о периоде реанимации идей русского национализма... думается, что в данном подходе есть большие натяжки», – пишут авторы⁶. Начались дискуссии о том, имеют ли эти изменения чисто внешний характер, не затрагивающий фундаментальных основ национальной политики, либо можно говорить о её кардинальных переменах.

Причины и движущие силы этой эволюции взглядов руководства СССР, безусловно, являются важным предметом для исследования и во многом характеризуют не только национальную политику, но и изменения в советском обществе 1930-х годов. В данном разделе представлены основные взгляды историков, специализирующихся на национальной политике СССР в России и за рубежом, на проблему «русского поворота».

В советской историографии изменения в национальной политике 1930-х годов не изучались. Современные российские учёные, признавая сам факт эволюции, дают ему разные трактовки и интерпретации. Обращает на себя внимание и тот факт, что в работах отечественных исследователей изменениям в национальной политике начала 1930-х годов уделяется не много внимания. Они соглашались, что «внутренняя и внешняя политика модифицировались», но при этом «своих фундаментальных оснований не изменили», поскольку власти не отказались от идеи мировой революции и национально-территориального деления страны⁷.

Один из главных специалистов современной России по национальной политике В. Ю. Зорин в своём последнем авторском учебнике также не выделяет произошедшую в 1930-е годы смену приоритетов национальной политики как отдельную область для анализа, используя проблемный, а не хронологический подход в характеристике национальной политики РСФСР⁸. Схожей позиции придерживаются авторы Т. М. Мاستюгина, Л. С. Перепёлкин, В. Г. Стельмах.

⁶ Национальная политика в России: история и современность. М., 1997. С. 304.

⁷ Там же. С. 305.

⁸ Зорин В. Ю. Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. М., 2018. С. 175–176.

По их мнению, опора на патриотизм и национальные чувства населения была, в первую очередь, «следствием усиления международной изоляции и курса на построение социализма в отдельно взятой стране»⁹.

Удивительно, но в монументальном труде В. Г. Чеботарёвой, посвящённом реализации национальной политики в 1925–1938 годах, также не уделяется внимания русскому вопросу в начале 1930-х годов. Автор детально анализирует процесс создания РСФСР, дискуссии о придании ей статуса «русской республики». А начало 1930-х годов В. Г. Чеботарёва не склонна рассматривать как период возвышения русских и русской культуры. По мнению автора, на протяжении всего довоенного периода «логика государственного устройства, обеспечившего приоритет этнических интересов титульных народов, загнала славянские анклавы в капкан политического бесправия»¹⁰. Тезис о «старшем брате» она называет «лицемерным», утверждавшим «мнимое превосходство» русского пролетариата и русской интеллигенции. «Нет сомнения в том, что славянские этносы не были одурачены этим фальшивым пропагандистским тезисом», – заключает учёный в своей монографии¹¹.

Между тем, в целом характеризуя национальную политику СССР, В. Г. Чеботарёва видит эволюцию и отмечает, что в начале 1930-х годов органы власти находились в состоянии кризиса, что и знаменовало изменения в акцентах советской национальной политики. Выделение дополнительных средств на подавление недовольства населения отдельных районов, репрессии, эмиграция – всё это, по мнению автора, свидетельствует, «что в 1930-х годах государственная национальная политика находилась в состоянии перманентного кризиса»¹². Близкой к этому можно назвать и позицию академика В. А. Тишкова, назвавшего ситуацию того периода «политической и моральной дезинтеграцией русских»¹³. Всё это, возможно, и повлияло на смену статуса русских в государстве.

В целом в работах отечественных исследователей проблема смены приоритетов в национальной политике в пользу «русскости» в середине 1930-х годов представлена слабо. Исключением может считаться работа А. И. Вдовина, посвятившего проблеме русских в СССР отдельную монографию. В смещении акцентов национальной политики СССР он видит некую безальтернативность развития сталинского режима,

⁹ *Мастюгина Т. М., Перепёлкин Л. С., Стельмах В. Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. М., 2013. С. 197.

¹⁰ *Чеботарёва В. Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 797.

¹¹ Там же. С. 798.

¹² Там же. С. 804.

¹³ *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 280.

полагая, что «отсутствие реальной альтернативы национально-государственного коммунизма создавало благоприятные условия для эксплуатации национально-патриотической идеи»¹⁴.

Зарубежные исследователи, напротив, обращают больше внимания на изменение статуса русских в 1930-е годы и причины этого явления. Ю. Слезкин, в частности, в своём исследовании делает акцент на изменении статуса русских. Он называет появление русских в национальной политике «самым ярким новшеством начала 30-х годов»: «...поначалу осторожно, но потом всё более самоуверенно партия начала снабжать русских национальным прошлым, национальным языком и хорошо знакомой национальной иконографией во главе с Александром Сергеевичем Пушкиным»¹⁵.

Французский советолог Н. Верт в своей «Истории советского государства» посвящает анализу «русского поворота» целый раздел, рассматривая смену приоритетов внутренней политики как некую потребность общества в социальной защите и стабильности, которые оно потеряло в период революционных преобразований. Границу перехода он видит уже в масштабных мероприятиях 1934–1935 годов по популяризации истории досоветской России, в поиске новых национальных героев и укреплении семьи и нравственности¹⁶.

Известный специалист по русским в СССР Дж. Хоскинг связывает причины изменений в национальной политике с неизбежностью именно такого подхода в условиях русскоязычного большинства: «...для всех русских как самого многочисленного из советских народов требовалась социальная память, легенды о достижениях и народные празднества, чтобы затянуть образовавшиеся трещины и укрепить фундамент нового общества»¹⁷. По мнению учёного, интенсивный научно-технический прогресс имел «скрытый характер русификации», поскольку вся официальная литература, инструкции, приказы, продукция – всё издавалось на русском языке. Дж. Хоскинг отмечает рост национализма в начале 1930-х годов и боязнь советского руководства потерять собственные территории. На примере Украинской ССР начала 1930-х годов он фиксирует наличие «кризиса коренизации», когда местные языки уже начинали вытеснять русский. По его мнению, этот неожиданный факт беспокоил советских лидеров и также подтолкнул их к смене приоритетов¹⁸.

¹⁴ Вдовин А. И. Русские в XX веке... С. 112.

¹⁵ Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 53. P. 405.

¹⁶ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 163–164.

¹⁷ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 166–167.

¹⁸ Там же. С. 167.

Обстоятельно анализирует вопрос смены идеологического курса в первой половине 1930-х годов Д. Брандербергер. В своей монографии он не рассматривает отдельно национальную политику, но связывает её эволюцию с общим кризисом советской пропаганды. По мнению учёного, «...возрождение большевиками этнической и гендерной дифференциации... выглядит не столько прагматичным переосмыслением марксистско-ленинских ценностей, сколько паническим латанием дыр под популистские лозунги»¹⁹. А «решение партийных вождей масштабно эксплуатировать русские национальные образы, риторику и иконографию» он называет «самой неоднозначной из уступок» для решения этой проблемы²⁰.

Процесс эволюции национальной политики детально рассматривает и Т. Мартин, автор «Империи положительной деятельности» – самой цитируемой работы по истории национальной политики за рубежом. Он видит истоки смены приоритетов ещё в постановлениях Политбюро от декабря 1932 года, раскритиковавших ход украинизации. Создание «русского пространства РСФСР», по его мнению, стало результатом осознанно проводившейся стратегии национальной консолидации и «институциональной русификации»²¹. Последовавшее в 1934 году упразднение национальных районов в РСФСР учёный называет «административной русификацией»²². Причины этого Т. Мартин видит в росте недоверия Советского государства к населению приграничных областей. Это опасение дало соответствующую реакцию – готовность положиться на русских как на государственное большинство. Русификация РСФСР, таким образом, была задумана для того, чтобы укрепить русский центр. Он связывает это с боязнью возникновения самостоятельной русской республики ещё в 1920-х годах. Автор подчёркивает, что «русские региональные руководители ощущали, что у них нет своей республики и республиканской партии, которая защищала бы их интересы»²³. Обращая внимание на то, что, несмотря на внешние изменения, фактически многие процессы коренизации продолжились, исследователь подчёркивает, что «реабилитация русского национального самовыражения не повлекла за собой перехода от национального строительства к русификации»²⁴.

¹⁹ Брандербергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 260.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 565.

²² Там же. С. 554–555.

²³ Мартин Т. Там же. С. 566.

²⁴ Там же.

В целом историки сходятся во мнении, что в начале 1930-х годов страна находилась в состоянии некоего кризиса и переосмысления приоритетов во внутренней политике: население в большинстве своём не понимало целесообразность бурных социальных перемен и переставало их поддерживать. Смена приоритетов в национальной политике, если она была, стала одной из попыток выйти из этого кризиса. Но суть произошедших изменений и их интерпретация видятся по-разному: от идеологического кризиса и поиска новых идей – до безальтернативности в выборе русских как опоры режима. Всё это нашло отражение и в визуализации национальной политики, и в языковой политике, и в ряде других сфер общественной жизни. Причём большинство отечественных историков не склонны видеть особые изменения в статусе русских или кардинальную смену приоритетов в национальной политике, в то время как в зарубежной историографии изменения обычно связываются с изменением статуса русских и даже курсом на русификацию. Однако большая часть работ фокусируется на событиях и дискуссии в Москве и республиках СССР. Реакция собственно русского населения РСФСР в работах исследователей не представлена.

Можно предположить, что для регионов с преимущественно русским населением вся эта ситуация и смена приоритетов выглядели несколько иначе. Вряд ли можно говорить о каком-то идейном кризисе начала 1930-х годов на уровне, например, Уральского облисполкома. Скорее, ориентация на русских, русскую культуру давала дополнительные рычаги для «подчинения» национальных территорий. Можно согласиться с Т. Мартином, который предположил, что ответственные работники промышленности и профсоюзов, в большинстве своём русские, всегда крайне враждебно относились к советской национальной политике. «Теперь же они просто перестали её выполнять в русских регионах РСФСР», – заключает в своём исследовании Т. Мартин²⁵. С ним солидарна и В. Г. Чеботарёва, отметившая следующую особенность: «Среди работников центрального государственного аппарата были сторонники великодержавно-шовинистического подхода к вопросам управления многонациональной страной... Были открытые попытки ограничить суверенные права союзных республик, которые пресекались Политбюро ЦК ВКП(б)... в контексте известного ограничения суверенитета союзных республик – УССР, БССР, ЗФССР, права автономных республик чиновники-великодержавники намеренно не принимали во внимание»²⁶. Другими словами, не имея возможности влиять на республики СССР, чиновники могли «отыгрываться» на национальных

²⁵ Мартин Т. Указ. соч. С. 558.

²⁶ Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации... С. 40.

территориях внутри РСФСР. Так, например, без особых осложнений все национальные районы Урала были ликвидированы после 1934 года²⁷. В этот период, как справедливо отметила В. Г. Чеботарёва, национальная политика и органы власти, её реализовывавшие, получают всё меньше возможностей для принятия собственных решений. К середине 1930-х годов, по её словам, «на смену государственной национальной политике пришла безраздельная диктатура Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным»²⁸.

Процессы, происходящие в национальной сфере Прикамья с начала 1930-х годов, также свидетельствуют, скорее, об общем курсе на построение тоталитарного общества с усилением контроля и репрессивного аппарата, который нашёл своё выражение и в национальной политике.

3.2. УЧЁТ НАСЕЛЕНИЯ В 1930-е ГОДЫ

Бурные социально-экономические изменения, простимулировавшие огромные передвижения населения в конце 1920-х – начале 1930-х годов, затрудняли организацию и проведение переписи населения. С 1933 по 1936 год советское правительство трижды переносило дату её проведения, планировавшуюся изначально на 1933 год²⁹. Организации переписи советские власти уделили большое внимание. Только за апрель-декабрь 1936 года вышло 15 постановлений и распоряжений правительства по вопросу проведения переписи. Она должна была не только показать реальную картину населения страны, но и доказать преимущества социализма³⁰. С момента принятия курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране в общественной жизни РСФСР начались унификационные процессы. В национальной политике, кроме отказа от политики поддержки национальных районов, был взят курс и на сокращение количества национальностей (при этом наиболее многочисленные продолжали существовать и развиваться), с одной стороны, на тотальный учёт этнической принадлежности граждан – с другой. Вновь представляется необходимым подчеркнуть, что эти процессы касались не только национальных отношений, они были характерны для всех сфер общественной жизни.

Как поясняет Ю. Слезкин, во второй половине 1930-х годов правительство окончательно решило, «что оно больше не хочет управлять 192 языками и 192 аппаратами... полностью бюрократизированная

²⁷ В источниках не отражено дискуссий или каких-то конфликтных ситуаций, связанных с ликвидацией национальных районов.

²⁸ Чеботарёва В. Г. Указ. соч. С. 805.

²⁹ История переписей населения в России. М., 2013. С. 212.

³⁰ Там же. С. 217.

командная экономика и недавно централизованная система народного образования нуждались в рациональных и управляемых коммуникационных каналах»³¹.

С 1935 года была внедрена новая система учёта кадров, включавшая т. н. «пятый пункт» – графу о национальности, в 1937–1938 годах сведения о национальности стали обязательным требованием при характеристике состава заключённых и арестованных в структурах НКВД. С апреля 1938 года был установлен новый порядок указания национальности в паспортах, в свидетельствах о рождении и других официальных документах. Если ранее человек сам определял свою национальность, то теперь он мог это сделать, только выбирая из национальностей своих родителей. «К концу 30-х гг. каждый советский ребёнок наследовал национальность при рождении: личная этничность превратилась в биологическую категорию, независимую от культурных, языковых и географических факторов», – пишет Ю. Слезкин³². Ф. Хирш в своей монографии приводит целую серию отложившихся в архивах обращений не русских по происхождению советских граждан, безуспешно просивших признать их русскими по национальности³³.

Красноречиво характеризует национальную политику и подготовка к очередной переписи населения.

Изначально планировалось провести перепись в 1937 году. При подготовке к ней был опубликован перечень из 192 национальностей, однако в окончательном списке их количество было сокращено до 107³⁴. Как известно, перепись была проведена в один день, 6 января 1937 года. Однако её данные так и не были обработаны и опубликованы, а результаты позже признаны недействительными³⁵. Практически сразу же советское правительство приступило к подготовке новой переписи.

26 июля 1938 года СНК принял постановление «О Всесоюзной переписи населения 1939 года», согласно которому перепись должна была быть проведена в течение недели после 17 января 1939 года. В переписном листе вопросы 7, 8, 10 касались национальности, родного языка и подданства опрашиваемого соответственно, в республиках СССР текст переписи был переведён на языки народов³⁶. 9 января 1939 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР опубликовали на страницах газе-

³¹ *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment... P. 467.

³² Там же. С. 466.

³³ *Hirsch F.* Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London, 2005. P. 297–302.

³⁴ *Гранде Б.* Список народностей СССР // Революция и национальности. 1936. № 4. С. 74–85.

³⁵ История переписей населения в России... С. 225–228.

³⁶ Там же. С. 234–236.

ты «Правда» специальное обращение ко всем партийным и советским организациям, в котором говорилось о том, что «перепись населения должна быть проведена организованно, без единого пропуска, без ошибок»³⁷. В Перечне национальностей и народностей, составленном для переписи, значилось 100 этнических групп, но в итоговую таблицу по СССР вошли только 57 групп (те, что насчитывали свыше 20 тыс. человек)³⁸. Следует отметить и тот факт, что сегодня к итогам переписи 1939 года, ввиду особенностей её организации и проведения, существует довольно критическое отношение. Однако авторы одного из последних исследований по истории переписей населения в России отмечают, что «несмотря на несомненные неточности в оценке численности населения, её материалы активно использовались органами власти всех уровней»³⁹.

В Прикамье в 1930-е годы произошли изменения в административно-территориальной системе, что также повлияло на изменение численности и состава населения. В 1930 году окружная система была ликвидирована, рассматриваемые в исследовании территории вошли в состав Свердловской области, из которой в 1934 году была выделена Пермская область, по большей части созданная из четырёх прикамских округов образца 1923 года⁴⁰. Особенности этнического состава этого периода в Прикамье, безусловно, можно считать резкое увеличение количества украинцев (в 36 раз), чувашей (в 12 раз), белорусов (в 3,5 раза). Перепись зафиксировала также миграции мордвы (2333 человека), узбеков (854 человека) и грузин (808 человек), численность которых на территории Прикамья ранее была незначительной. Рост количества украинцев и белорусов объясняется, в первую очередь, политикой раскулачивания и выселкой населения из центральных районов вглубь страны (см. таблицу).

Фактически именно в 1939 году сложился этнический облик Пермского Прикамья на последующие 50 лет, отчасти он сохраняется и сегодня. В итогах переписи «пермяки» уже названы «коми» (сюда отнесены и зыряне), «вотяки» – «удмуртами», а «эсты» – «эстонцами».

³⁷ Правда. 1939. 9 янв.

³⁸ Так, например, коми-пермяки и коми-зыряне объединены в одну общность «коми». См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»... С. 56.

³⁹ История переписей населения... С. 246.

⁴⁰ Часть Сарапульского округа отошла к созданной в 1934 году Удмуртской ССР, территория Красноуфимского уезда к востоку от Уральских гор была отнесена к Свердловской области.

**Национальный состав населения Пермского Прикамья
по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года**

Народ	Итого	% от всего населения
Всё население	2 087 518	100
Русские	1 768 386	84,7
Коми	122 464	5,8
Татары	80 727	3,8
Башкиры	28 952	1,4
Украинцы	27 420	1,3
Белорусы	13 354	0,6
Удмурты	9781	0,4
Чуваши	8821	0,4
Евреи	4909	0,2
Марийцы	3923	0,2
Немцы	2672	0,1
Мордва	2333	0,1
Поляки	1796	0,1
Эстонцы	1120	0,1
Узбеки	854	Менее 0,1
Латыши и латгалыцы	826	Менее 0,1
Грузины	808	Менее 0,1

Составлено и подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Коми-зыряне, включающие этнонимы колвинцы, коми, коми-зыряне, записаны под шифром 63, а коми-пермяки (также комиморт) – под номером 64⁴¹. Однако в итоговой версии Словаря национальностей 1939 года группа «коми» имела уже один шифр и включала в себя этнонимы коми-морт, коми-зыряне и коми-пермяки⁴².

Таким образом, к концу 1930-х годов национальная политика в регионах свелась к поддержке и развитию культуры русского большинства, а также ограниченного круга национальностей, территорией традиционного проживания которых была РСФСР и у которых не было другой родины за пределами страны. Национальная принадлежность к таким группам приобреталась с рождения и официально фиксировалась в документах, как за 20 лет до этого фиксировалось социальное происхождение. Опираясь на свой исследовательский опыт,

⁴¹ Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. М.: Редакционно-Издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «СОЮЗОРГУЧЁТ», 1937. С. 16.

⁴² Всесоюзная перепись 1939 г. Словарь национальностей [Электронный словарь]: Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/nacionaln_1939.html#01 (дата обращения: 14.09.2019).

А. Н. Вдовин отмечает, что с 1930-х годов графа «Национальность» стала играть «не меньшую, а часто и большую роль, чем графа о социальном происхождении»⁴³. Переписи населения, а также другие способы фиксации национальности в официальных документах стали одним из инструментов нациеобразования и формирования идентичностей в советском обществе.

3.3. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЦЫГАН

Курс на унификацию общественной жизни нашёл своё отражение в комплексе мероприятий в отношении отдельных социальных групп СССР.

Так, в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов в СССР был реализован большой комплекс мер в отношении цыганского населения, имевший целью его интеграцию в советское сообщество. Задачей этих мероприятий было привлечь цыган к оседлому образу жизни, чтобы проще было контролировать их жизнь и социальную активность. В этом плане политика в отношении данного этноса приобретала особое значение, так как цыгане как в РСФСР, так и в соседних странах, как правило, вели изолированный образ жизни и являлись серьёзной социальной проблемой для правительств многих государств. Естественно, приобщение цыганского населения к советскому образу жизни могло бы стать ещё одним важным преимуществом существующего режима. Вероятно, поэтому правительство уделяло цыганам особое внимание. Работа по привлечению цыган к оседлому образу жизни на уровне страны началась в 1926 году. При Переселенческом комитете Наркомзема РСФСР была создана комиссия по землеустройству трудящихся цыган. В состав комиссии были включены представители Наркомзема РСФСР, отдела национальностей ВЦИК и Всероссийского союза цыган. Порядок деятельности комиссии был закреплён постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 октября 1926 года «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни»⁴⁴. Состав комиссии был утверждён на заседании президиума ВЦИК 25 октября 1926 года. Первоначально планировалось, что она запросит в облисполкомах полные сведения о количестве, месте кочёвок цыган, их поимённые списки с указанием «профессиональной, материальной и имущественной обеспеченности». В специальной инструкции облисполкомам пояснялось, что при регистрации цыган они должны иметь в виду, что заявители

⁴³ Вдовин А. Н. Указ. соч. С. 167.

⁴⁴ О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни [Электронный словарь]. КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26850009925458042773339> (дата обращения: 14.09.2019).

при устройстве обязаны иметь собственные денежные средства, поскольку государственной субсидии для обустройства на новом месте будет недостаточно. Соответствующие разъяснения местные органы должны были давать цыганским семьям, если те будут обращаться за получением земельных участков⁴⁵.

20 февраля 1928 года ВЦИК выпустил постановление «О наделении землёй цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни»⁴⁶. Согласно этому документу цыгане, желавшие получить землю, должны были подать заявление в земельные органы или исполком по месту своего нахождения, а ответственные служащие на основании этих заявлений – составить поимённые семейные списки цыган. Цыганам разрешалось обращаться и за наделением землёй для индивидуального хозяйства, но в приоритете должны были оставаться коллективные формы, такие как артель, коммуна или товарищество. Они имели право пользоваться всеми льготами, распространявшимися на переселенцев согласно советскому законодательству⁴⁷.

Заниматься цыганским вопросом в советском правительстве было поручено Народному комиссариату земледелия (Наркомзем), так как именно это ведомство на тот момент отвечало за кооперацию и переселенческую политику. В специальной инструкции от 11 июля 1928 года Наркомзем обязывал земельные органы на местах «направлять особые заботы на земельное устройство цыган, заявивших о желании перейти к занятию сельским хозяйством, и оказывать им в этом возможное содействие»⁴⁸. 4 сентября 1928 года инструкция была разослана ответственным уполномоченным при президиуме всех окрисполкомов⁴⁹. В письме ВЦИК к инструкции сообщалось, что отдел национальностей ВЦИК обращает внимание на необходимость всемерной популяризации идей перехода кочующих цыган к оседлому трудовому образу жизни, для чего рекомендует войти в контакт со всеми организациями, ведущими работу среди национальных меньшинств, и использовать наиболее сознательных, передовых цыган-трудовиков⁵⁰.

В этот период по всей РСФСР, в том числе на Урале, с разной долей успешности создавались цыганские колхозы, которых по всему СССР, по данным газеты «Романы зоря» («Цыганская заря»), было создано около сорока⁵¹.

⁴⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 55. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Л. 2 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Л. 3.

⁵¹ *Иващенко В. И.* Цыганские судьбы. История, труд, этнография. Ростов-на-Дону, 2011. С. 55–56.

К концу 1920-х годов в Прикамье сложилось несколько компактных групп цыганского населения. 31 января 1927 года Малый президиум Уральского областного исполнительного комитета рассматривал вопрос «Об учёте в Уральской области цыган, желающих заняться сельским хозяйством». По итогам заседания было решено предложить Областному земельному управлению «...в срочном порядке приступить к выполнению постановления ЦИК и СНК от 1 октября 1926 года об учёте цыган, желающих заняться сельским хозяйством»⁵². Вероятно, необходимость рассмотрения данного вопроса была продиктована инициативой со стороны самих цыган. Этому нет конкретных доказательств, однако известно, что в 1927 году в Кунгурском округе работал уполномоченный Всероссийского союза цыган И. А. Каминский, который содействовал размещению шести цыганских семей⁵³. Но никаких реальных плодов эта работа не принесла, хотя к этому времени по республикам и областям СССР уже было создано около 40 цыганских колхозов, обсуждался вопрос об административном выделении цыганского района⁵⁴.

Оживление интереса к цыганам именно на Урале фиксируется в 1932 году, когда ВЦИК принял постановление «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 года. Согласно этому документу местным властям рекомендовалось «укреплять возникающие цыганские колхозы, привлекать цыган, владеющих ремёслами (кузнецы, лудильщики, шорники), к работе в мастерских при МТС, содействовать укреплению существующих артелей и созданию новых, открывать школы для цыган и обратить внимание на проблемы защиты материнства»⁵⁵. В. И. Иващенко подчёркивает, что наибольшее количество цыганских колхозов по всей стране было создано именно в этот период⁵⁶.

В данном разделе на примере практики создания цыганских колхозов будут представлены подходы органов советской власти к реализации национальной политики.

На сегодняшний день сохранились сведения о существовании колхозов «Нэви бахт» («Новое счастье») Бисарского сельсовета и «Красный Восток» Рябковского сельсовета Чернушинского района Сарапульского округа. В Куединском районе известно о существовании цыганских колхозов «Новая жизнь» и «Колхоз им. Сталина», которые возникли «по инициативе самих цыган»⁵⁷. Однако о их деятельности

⁵² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 55. Л. 9.

⁵³ Там же. Л. 7.

⁵⁴ Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 62.

⁵⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 10.

⁵⁶ Иващенко В. И. Указ. соч. С. 52.

⁵⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 41.

ничего не известно. В 1935 году была попытка создать новый цыганский колхоз в деревне Караморка Чернушинского района, но о её результатах также не осталось документов⁵⁸. А. П. Килин, исследовавший создание цыганских колхозов на Урале, совершенно справедливо подчёркивает, что этот процесс означал не только наделение цыган землёй, но и обеспечение их всем необходимым инвентарём, лошадьми и т. д. Естественно, для цыган, которым всё труднее было адаптироваться к новой экономической системе, исключающей товарно-денежные отношения, идея получения льгот была важным стимулом при принятии решения пойти на сотрудничество с властями⁵⁹. Учитывая, что цыгане исторически довольно легко воспринимали всё новое в организации быта⁶⁰, идея перезимовать в статусе колхоза не противоречила их нормальному жизненному устою. Тем более что за это им полагались переселенческие льготы.

О колхозе «Нэви бахт» известно, что он существовал, когда в Сарапульском районе наблюдался большой наплыв кочующих цыган, расселившихся вокруг Сарапула, всего около 300 человек. Колхоз начал работать 21 октября 1933 года в пос. Мельничный Бисарского сельсовета. В течение года после создания у колхоза сменилось три председателя. Частая смена руководителей была вызвана расслоением внутри хозяйства. Земля для цыган нарезалась от других колхозов, что «создало атмосферу «антицыганизма». Новые колхозы руководство района создавать отказалось⁶¹.

Обустройство цыган происходило с проблемами, поскольку помогать им обязали местные колхозы. Как следует из записки и. о. начальника отдела национальностей облисполкома А. Садыкова «О состоянии работы по трудовому устройству и социально-культурному обследованию трудящихся цыган по Свердловской области», датированной 28 мая 1934 года, местные колхозники по разным причинам отказывались принимать у себя цыган, председатель Бисарского сельсовета Калинин всячески препятствовал их обустройству. Когда цыгане после наводнения стали собирать плывущий лес, в сельсовете им сказали, что будут судить их за хищение. А председатель зав. райзо Полежайкин отказывал цыганам в выдаче хлеба⁶². Сами же они работать не стремились. Председатель колхоза Волков не проставлял трудодни членам колхоза,

⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 45.

⁵⁹ Килин А. П. Создание цыганских колхозов на Урале: интересы сторон // Материалы конф.: Четвёртые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала. Екатеринбург, 2002. С. 193–194.

⁶⁰ См.: Черных А. В. Пермские цыгане: очерки этнографии цыганского табора. Пермь, 2003.

⁶¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 42.

⁶² Там же. Л. 22.

что затрудняло оценку их работы, а с появлением цыган в соседних хозяйствах было зафиксировано несколько краж скота, которые местные жители связывали с цыганами. Между тем отдел национальностей облисполкома видел в этих проблемах «недооценки отдельными районными и местными работниками значения работы среди трудящихся цыган»⁶³. Колхоз «Нэви бахт» практически опустел к началу 1935 года.

О колхозе «Красный Восток» известно, что он был создан 25 декабря 1933 года из 24 хозяйств в 105 человек. В его состав вошли два табора. Колхозникам было отпущено 8 центнеров хлеба и выделено 203 га земли на территории Деткинского землепользования участка конторы Заготскот Рябовского сельсовета, а также выдан кредит на покупку сельхозтехники. Колхоз имел овцеводческую ориентацию. Председателем колхоза был цыган В. С. Волков. Сразу после создания колхоза семь хозяйств уехали и скрылись в неизвестном направлении. Постановлением бюро Чернушинского райкома и президиума райисполкома от 2 ноября 1934 года «О состоянии цыганского колхоза «Красный Восток» местной администрации было поручено выделить шесть-восемь домов для цыган, назначить ответственных по агротехнике, счетоводству, зоотехнике, отпустить лес и инвентарь»⁶⁴.

В течение года после создания цыганское население в колхозе постоянно обновлялось, а его учёт местной цыганской администрацией не вёлся. 11 марта 1935 года по инициативе отдела национальностей было созвано совещание с участием всех заинтересованных ведомств⁶⁵. Сохранившаяся стенограмма, включающая доклад по итогам инспекционной поездки инструктора Сташкиной в феврале 1935 года, раскрывает подробности повседневного быта цыган (с учётом того, что отдел национальностей был заинтересован в успешной реализации идеи создания цыганских колхозов).

На вопрос, чем занимаются цыгане, Сташкина ответила: «Пьянствуют, ездят друг к другу в гости, да ещё воруют. До меня посадили двоих цыган за конокрадство... Цыгане живут на иждивении у русских крестьян, не плотят за проживание, на почве этого большие неполадки... Нужно первым делом выделить им хорошую землю, дать туда сильного коммуниста, обеспечить повседневным руководством со стороны районных властей... Настроение у цыган плохое, хотят разбегаться. Требуют землю и руководство на своём родном языке»⁶⁶. При этом она отметила, что количество хозяйств увеличилось с 18 до 57 и составило

⁶³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 25–26.

⁶⁴ Там же. Л. 69.

⁶⁵ Там же. Л. 45.

⁶⁶ Там же. Л. 52.

297 человек. Бытовое состояние колхозников также было оценено как неудовлетворительное: «В быту они живут очень некультурно – грязно, живут очень скученно, помногу. Сами они очень религиозные. Если бывают похороны, хоронят с попом. В избах у них у каждого иконы, так что поп ведёт больше работу среди них, чем наши местные организации. Детучреждения не открыты, так как женщины не дают детей, боятся, что их у них увезут и не отдадут». Отношения с местным населением у цыган также не сложились. Они говорили Сташкиной, что не ходят поодиночке по улицам, так как местные могут их избить и делают всё возможное, чтоб цыган выселить⁶⁷.

Уровень образования цыганского населения также не соответствовал задачам советской власти. Для них была открыта одна школа на 25 человек с русским учителем, который учил по-русски, школа для взрослых была рассчитана на 30 человек, но посещало её 5–10 человек. На организованные курсы трактористов ни один цыган не пришёл. В отчёте отмечено, что ни учебников, ни газет на цыганском языке не было. При этом цыгане имели хороших певцов и танцоров, которые успешно участвовали в районных конкурсах самодеятельности и получали премии⁶⁸. Неизвестно, как развивались события в дальнейшем, но, судя по всему, оставшиеся цыганские семьи покинули колхоз «Красный Восток». В результате к концу 1935 года он также фактически перестал существовать.

Попытки сохранить хотя бы один колхоз, объединив оставшихся членов двух предыдущих, также не увенчались успехом⁶⁹.

Таким образом, оба колхоза, созданные в 1933 году, к началу 1935 года уже не представляли собой организованных хозяйств. Факт развала колхозов шёл вразрез с планами по оседанию цыганского населения, поэтому в причинах разбиралось сразу несколько ведомств. Непримируемую позицию занимал отдел национальностей облисполкома. Инструктор этого отдела, описывая быт цыган по итогам инспекционной поездки, указывал, что они получают 3,6 кг хлеба (муки) на едока в месяц. «Цыгане продают последние манатки, и не мудрено, что при таком голодном пайке пополняют его прежним своим ремеслом (попрошайничеством, гаданием, похищением коней и т. д.). Участковый Созонтов приезжал в колхоз, говоря, что он начальник раймилиции и махал наганом с угрозой разогнать колхоз. Несмотря на вскрытие

⁶⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 52.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См.: *Каменских М. С.* Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 10–17.

факта, милиция никаких мер к нему не приняла»⁷⁰. В итоге неудачи политики вовлечения цыган в колхозную деятельность списали на местные органы власти. Постановлением № 1599 Президиума Свердловского исполкома от 23 октября 1934 года «О мероприятиях по укреплению цыганских колхозов «Красный Восток» и «Нэви Бахт» отмечено, что со стороны Сарапульского и Чернушинского райисполкомов «не принято необходимых мер по укреплению и хозяйственному устройству цыганских колхозов»⁷¹.

В результате дискуссий было принято решение сохранить цыганский колхоз путём объединения двух предыдущих и создания нового в Красноуфимском районе. 22 марта датирован акт переезда последних 16 семей колхоза «Красный Восток». Однако до конечного пункта добрались только несколько семей. 27 марта 1935 года начальнику Облзу Горбунову докладывали о переезде цыган из Чернушинского района в Красноуфимский⁷². Власти не только райисполкома, но и облисполкома следили за тем, чтобы последний колхоз продолжал существовать. Несмотря на факты текучки кадров, низкой производительности труда и отсутствия учёта трудодней, местные власти старались выделить из цыган передовиков труда. В фондах колхоза сохранился список ударников труда 1935 года из девяти человек. Возможно, поощряя наиболее активных и лояльных, местные власти хотели добиться более активного участия всех цыган в жизни колхоза, а в конце 1935 года Президиум Свердловского облисполкома принял решение выдать ему новый кредит на сумму 65 000 рублей, чтобы покрыть убытки⁷³.

Между тем ситуация в колхозе не изменилась. 14 июля 1935 года Облзу подготовило докладную записку «О состоянии цыганского колхоза «Красный Восток». В тексте документа содержались сведения о его численном составе, который на середину 1935 года составлял 121 человек (31 хозяйство на территории Рахмангуловского сельского совета). Текст документа показывает в целом негативный настрой его авторов. В частности, подчёркивалось, что у цыган имеется 23 лошади, выданных государством, но обобществлены из них только девять. Остальных цыгане-колхозники использовали в личных целях: «...с остальными лошадьми колхозники ездят на базар, меняют их и торгуют»⁷⁴.

В ноябре 1936 года председатель колхоза М. Ф. Волков обращался во ВЦИК в отдел национальностей с письмом, в котором обвинил русское начальство в нежелании оказать содействие развитию

⁷⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 42.

⁷¹ Там же. Л. 88.

⁷² Там же. Л. 74–75.

⁷³ Там же. Л. 163.

⁷⁴ Там же. Л. 160.

цыганского колхоза. Позже это стало причиной жёстких инструкций в адрес Свердловского облисполкома со стороны ВЦИК о принятии мер, новых проверок и ревизий⁷⁵.

Судя по документам, колхоз существовал до конца 1937 года, его деятельность регулярно инспектировалась. Но по-прежнему нормальной и эффективной организации труда достичь не удавалось. В постановлении от 28.12.1936 г. № 12448 «Об укреплении цыганского колхоза «Красный Восток» Красноуфимского района» отмечается, что «в колхозе имели место хищения колхозной собственности, растраты, полная бесхозяйственность»⁷⁶.

Согласно акту о ревизии колхоза в январе 1937 года, количественный состав на 1 января 1937 года составлял 26 семей и 112 человек, а на момент ревизии 28 января – 4 февраля он сократился до 12 семей и 62 человек. Видимо, в этот период цыгане стали активно покидать колхоз. В акте также отмечено, что колхозом получено три ссуды в Сельхозбанке на общую сумму 90 697 рублей, из которых истрачено по закону 82 744 рубля, 7936 рублей было истрачено не по назначению, а долги колхоза на начало 1937 года составляли 90 080 рублей 50 копеек, при этом строительство в колхозе «проведено исключительно плохо и дорого»⁷⁷. Председатель колхоза М. Ф. Волков на момент ревизии скрылся с долгами на сумму 1295 рублей, за его поимку обещали вознаграждение⁷⁸. Судя по всему, перезимовав в колхозе, весной 1937 года цыганские семьи окончательно его покинули. Официальной даты расформирования колхоза в источниках не сохранилось, однако делопроизводство заканчивается мартом 1937 года. Вероятно, местным властям не хотелось официально фиксировать на Урале факт провала политики по вовлечению цыган в колхозное строительство.

Появившиеся на Урале в 1930-е годы цыганские колхозы были скорее политической необходимостью, нежели отвечали запросам цыганского населения. Для демонстрации преимуществ советской национальной политики власти в центре поддерживали идеи создания оседлых цыганских хозяйств, а исполнители на местах вынуждены были принимать все меры, чтобы эти идеи имели фактическое наполнение. Между тем цыганское население на тот момент вряд ли было готово и в большинстве своём вряд ли желало бы оседлого образа жизни.

⁷⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 2–25.

⁷⁶ Там же. Л. 12.

⁷⁷ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 4.

⁷⁸ Там же. Л. 7.

3.4. ПОЛИТИКА КОРЕНИЗАЦИИ И ПЕРЕХОДА НА НОВЫЙ АЛФАВИТ

Одним из ключевых направлений национальной политики конца 1920-х – начала 1930-х годов стала политика коренизации, подразумевающая активное вовлечение в общественную жизнь представителей национальных меньшинств и поддержку и развитие языков отдельных национальностей СССР, которые вылились в проведение реформы языка через унификацию графики и создание новых алфавитов. В первую очередь, политика в области языка была направлена на тюркские народы, большинство из которых использовали в досоветский период арабскую вязь. После ряда дискуссий основой для преодоления шрифтового многообразия был избран латинский шрифт. Ещё 25 сентября 1922 года Оргбюро ЦК РКП(б) по докладу И. В. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» признало желательным оказать поддержку начинаниям Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности». Президиуму ВЦИК предлагалось оказать необходимую поддержку⁷⁹. В 1923 году создана комиссия северо-кавказских, угро-финских и тюркских народностей России при Наркомпросе РСФСР.

Переход на новый алфавит, безусловно, символизировал начало новой прогрессивной эпохи и разрыв со старыми традициями.

Выступая на заседании XII съезда РКП(б), И. В. Сталин сказал свою знаменитую фразу о том, что «для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт»⁸⁰. Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу рекомендовала коммунистам настойчиво добиваться того, чтобы были «созданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств»⁸¹.

После съезда по всей стране началась работа по созданию алфавитов для всех крупных народов РСФСР, имеющих свои автономии. Координацией работы по всей стране занимался специально создан-

⁷⁹ Мусаева Т. А. Революция и народное образование в Азербайджане. Баку, 1979. С. 60.

⁸⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. М., 1968. С. 482.

⁸¹ См.: Исаев М. И. Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 193–195.

ный для этого комитет нового алфавита (КНА), отделения которого открывались во всех областях и даже округах, где имелись районы компактного проживания разных национальностей. Для научной проработки вопроса широко использовались материалы о культурном уровне народов Средне-Волжского и Приуральского районов, собранные членами Комиссии по изучению племенного состава (КИПС). В результате для 89 народов СССР были созданы и унифицированы новые алфавиты, впервые письменность на родном языке получили более 50 народов страны⁸². Созданный при президиуме Уральского облисполкома Комитет нового алфавита в 1927 году в своих письмах на места, например, указывал, что переход со старых национал-буржуазных и религиозных алфавитов на «новый интернациональный латинизированный алфавит» является одним из показателей «культурного подъёма национальностей и включения их в общее русло социалистического строительства»⁸³. Однако уже в 1938–1940 годах латинские алфавиты были заменены кириллическими, многие из которых используются по сей день⁸⁴. Таким образом, народы РСФСР в течение 1920–1930-х годов дважды переживали смену письменности.

В историографии политика по созданию письменных языков для народов СССР воспринимается неоднозначно, поскольку работа над созданием алфавита часто сопровождалась радикальным отказом от имеющихся традиций, в основном досоветского происхождения. Учёные М. Н. Губогло и Ф. Г. Сафин, например, в книге «Принудительный лингвизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы» пришли к выводу, что «языковое строительство обернулось не расцветом и развитием национальных языков и культур, а их последующим удушением»⁸⁵.

Работа по внедрению новых алфавитов коснулась и народов Прикамья. Судя по документам, уже с 1925 года на Урале начался этот процесс. На пленуме Уралобкома 1925 года, например, в резолюции по итогам доклада «О задачах массовой работы среди рабочих и работниц нацмен на Урале и о работе советов среди национальных меньшинств» прямо указывалось, что в целях приближения советов к нуждам и запросам

⁸² Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации... С. 791.

⁸³ КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 135.

⁸⁴ Сайфутдинова Г. Б., Менеш А. Б., Шаронова А. А. Особенности трансформации алфавита в СССР (на материалах Республики Татарстан) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1. С. 317–319. Процесс перехода на кириллицу не был централизованным и длился почти 4 года. Подр. см.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: из истории национально-государственного строительства, 1822–1941 гг.: сборник документов. Тюмень, 1994.

⁸⁵ Губогло М. Н., Сафин Ф. Г. Принудительный лингвизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы. М., 2000. С. 298–299.

нацмен необходимо «в кратчайший срок в национальных советах и райисполкомах перевести делопроизводство на язык соответствующего национального меньшинства»⁸⁶. Литература и газеты также должны были печататься на новом латинизированном алфавите. В п. 28 указывалось, что необходимо возобновить издание журнала «Шапа-агат», причём на латинизированном алфавите, ожидалось, что журнал смогут читать не только татары и башкиры, но и нагайбаки и удмурты⁸⁷. Ситуация с развитием национальных языков на уровне местного делопроизводства отражена в «Общей сводке о работе уполномоченного нацмен Уральской области» за 1926 год. В документе сообщается, что на начало 1926 года в Уральской области «нет судебного делопроизводства, но есть судебное деловорение на участках, где судьи знают язык нацмен», в Прикамье таких участков было открыто пять и все в Коми-Пермяцком округе⁸⁸. На Первом областном совещании работников нацмен в декабре 1927 года Сарапульскому окрисполкому было рекомендовано принять меры к переводу делопроизводства на родной язык в Бардымском сельсовете⁸⁹. В документе было отмечено, что «стремление к постановке делопроизводства в судах на языке национальных меньшинств упирается в чрезвычайно большие затруднения, главнейшим из которых является отсутствие подготовленных работников из числа национальных меньшинств»⁹⁰.

Вышеприведённые источники позволяют заключить, что реальных шагов по внедрению нового алфавита на Урале до 1928 года не было. Все имеющиеся постановления и резолюции носили рекомендательный характер и указывали на необходимость ведения такой работы. Собственно работа по внедрению новых алфавитов началась в 1928 году.

3.4.1. Внедрение нового тюркского алфавита в Прикамье

Уральское областное организационное бюро «Яналиф» было создано 9 декабря 1927 года. Отделения общества были открыты практически во всех округах области, включая Пермский, Кунгурский и Сарапульский. Дополнительно районный комитет был создан в г. Кизеле Верхнекамского округа и имел непосредственную связь

⁸⁶ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.

⁸⁷ Там же. Л. 10 об.

⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 1.

⁸⁹ Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале и по содокладам уполномоченных по Челябинскому и Троицкому округам // Резолюции Первого областного совещания... С. 9.

⁹⁰ Там же. С. 12.

с областным центром⁹¹. Бюро занималось реализацией идеи внедрения в делопроизводство латинской письменности. Однако о конкретных мероприятиях бюро ничего не известно. Только в период с 19 по 22 сентября 1928 года в Свердловске состоялось первое областное совещание представителей общества «Яналиф», целью которого было подвести итоги деятельности за год и принять пятилетний план введения тюркского алфавита. После долгих дискуссий было решено в школах 1-й ступени в течение 1928/29 учебного года ликвидировать неграмотность на новом алфавите и перевести на него 10–15 процентов учебного процесса, в 1930/31 году этот показатель нужно было повысить до 50–60, в 1931/32 году – до 75 процентов, а в 1933/34 году планировалось полное завершение перехода образовательного процесса тюркских народов на новый алфавит. Школы повышенного типа (семилетки и девятилетки, техникумы, школы рабочей молодёжи) должны были перейти на новый алфавит в течение 1932/33 учебного года. К этому же времени планировался и переход на него политпросветучреждений (изб-читален, библиотек, народных домов, красных уголков). План перехода на новый алфавит не касался людей старше 45 лет, если они сами не изъявляли желание⁹².

В феврале 1928 года окрисполкомам было поручено «все официальные документы, выходящие из селения нацмен, вести на русском языке, что же касается выдачи официальных документов и дачи необходимых справок в самом сельсовете, занятию нацменьшинством, то она должна производиться на их родном языке»⁹³. После принятия соответствующего постановления Малого президиума облисполкома (протокол № 1 п. 32 от 24.12.1928) был создан областной комитет Нового татарского алфавита (НТА), одновременно создавались окружные комитеты: Сарапульский – 12 января 1929 года, Кунгурский – 25 января 1929 года, Верхнекамский – 1 февраля 1929 года. Пермский комитет в составе пяти человек был создан за месяц до принятия постановления – 14 ноября 1928 года⁹⁴.

Работа по внедрению НТА шла в нескольких направлениях, в том числе путём выездов в отдалённые районы активистов ячеек общества «Яналиф», распространения агитационных материалов и организации курсов переподготовки для учителей. Выездные курсы обследования Уральского областного бюро общества «Яналиф» в 1929 году показали, что учительский персонал подготовлен на 100 процентов, внедрение

⁹¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 267.

⁹² Там же. Л. 342.

⁹³ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 8.

⁹⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 267.

нового алфавита проходит успешно. В отчёте даже сообщалось, что в Кизеловском районе в школах 1-й ступени с начала 1929/30 учебного года новый тюркский алфавит внедрён на 100 процентов⁹⁵. Между тем ряд косвенных источников свидетельствует, что процесс принятия нового алфавита населением не всегда был успешным. Так, 30 апреля 1929 года за подписью заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Уралобкома А. Ю. Юрша и заведующего отделом нацмен Сарабского во все округа области было направлено письмо о переходе тюркско-татарских народностей на новый алфавит. В письме сообщалось, что «слабость работы по введению нового татарского алфавита не может быть оправдана загруженностью проводящих это мероприятие учреждений или отдельных работников»⁹⁶. Позже протоколом заседания Малого президиума облисполкома от 22 мая 1929 года окрисполкомам было предложено «разработать план введения нового тюркского алфавита и довести его включительно до сельсоветов»⁹⁷. Журнал «Просвещение на Урале» в 1930 году писал, что в Перми, например, «нэпманские подпевалы распускают слух о том, что, обучая новому алфавиту татар и башкир, коммунисты хотят крестить татар в русскую веру», а ликвидатор неграмотности Чазова была наказана за то, что убеждала обучающихся татар в том, что «новый алфавит и вообще татарский язык бесполезен, так как вся работа идёт на русском языке»⁹⁸. А Куединский райколхоз на просьбу райорганизатора принять участие в ликвидации неграмотности на новом алфавите ответил: «Раз вы на это дело поставлены, вы и работайте». Приводились и примеры того, как на новом алфавите не умели читать местные партийные руководители, а финансовые учреждения не принимали подписи и расписки на новом алфавите⁹⁹.

Эти документы свидетельствуют о слабой реализации планов по переходу на новый алфавит среди тюркоязычного населения Прикамья. Данный тезис подтверждают и более поздние документы. В 1933 году в письме всем окрисполкомам и руководителям национальных районов области пленум Комитета нового алфавита при облисполкоме констатировал, что, несмотря на важность вопроса и принятые решения, «на местах для реализации этих решений совершенно ничего не делается, городские, поселковые, районные и окружные комитеты нового алфавита, а также уполномоченные по новому алфавиту бездействуют». Уже без угроз комитет обращался с просьбой к местным

⁹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 270.

⁹⁶ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.

⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 69. Л. 22.

⁹⁸ Вооружить грамотой трудящихся нацмен // Просвещение на Урале. 1930. № 1. С. 19–20.

⁹⁹ Там же.

органам власти как можно внимательнее следить за ходом внедрения алфавита¹⁰⁰.

Анализ документов и источников, отсутствие документов на новом алфавите показывают, что органам власти и активистам комитета НТА в Прикамье не удалось обеспечить внедрение нового латинского алфавита среди населения. Между тем к 1930 году тюркские народы РСФСР практически полностью завершили переход на латинизированный алфавит. Уже после этого возникли новые инициативы по переводу на латинский алфавит письменности других народов РСФСР, в первую очередь, финно-угорских. В Прикамье эта политика вылилась во внедрение нового алфавита среди пермяцкого населения, названное «комизацией».

3.4.2. Коренизация аппарата и «комизация» в Коми-Пермяцком округе

До установления советской власти у народов коми существовали отдельные словари (например, вышедший в 1869 году «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Н. А. Рогова), создавались учебники и переводы на основе русской графики¹⁰¹. Однако системная работа по составлению письменности началась только в 1918 году, когда стал внедряться алфавит, разработанный для народов коми В. А. Молодцовым¹⁰². Но его применение было осложнено критикой и дискуссиями в учительской среде народов коми¹⁰³.

После создания Коми-Пермяцкого округа при окружной инспекции народного образования появилась специальная Литературно-Издательская коллегия, где сконцентрировалась издательская работа. За первые два года коллегией подготовлено 14 изданий объёмом около 40 печатных листов и тиражом 47 тыс. экземпляров (из них учебной литературы 34 печатных листа). В этот период вся литература издавалась одним шрифтом (молодцовским) с зырянами. Работа по «комизации», вероятнее всего, началась в округе во второй половине 1930 года параллельно с работой по утверждению литературной нормы коми-пермяцкого языка на основе кудымкарско-иньвенского диалекта¹⁰⁴.

В данном разделе будет представлен анализ процесса внедрения латинского шрифта в Коми-Пермяцком национальном округе

¹⁰⁰ КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 135.

¹⁰¹ Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь, 2007. С. 81.

¹⁰² Баталова Р. М. Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 229.

¹⁰³ Пунегова Г. В. Графическая система национального алфавита: из истории коми графики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-2 (40). С. 148.

¹⁰⁴ Черных А. В. Народы Пермского края... С. 81.

в 1930-е годы. Первоначально решением Коми-Пермяцкого окрисполкома от 26 июля 1930 года был утверждён «План перевода на коми письменность делопроизводства сельсоветов, судебно-следственных, административных, хозяйственных, земельных и кооперативных органов» во всех районах, за исключением Юрлинского, где большей частью население было русским. Работу планировалось завершить к 1 января 1932 года. Однако за полтора года не было сделано ничего: 2–3 ноября 1931 года Коми-Пермяцкий окрисполком принял похожее постановление о мероприятиях по переводу низового советского аппарата на коми-письменность. В документе, в частности, сообщалось о мероприятиях по началу «технического руководства хода подготовки перевода организаций округа на коми-письменность». Документ подтверждал ранее установленные сроки о переводе письменности (к 1 января 1932 года, т. е. за полтора месяца с момента заседания) и обязывал местные органы власти создать комиссии по переводу алфавита при всех райисполкомах округа. Все крупные организации были обязаны направить в комиссию образцы новых бланков на новом алфавите, а ОкрОНО и райисполкомы «провести во всех районах... курсы по подготовке работников сельсоветов РИКов, потребительских и других хозяйственных организаций к переходу на коми-письменность», а также «оживить работу кружков по ликвидации коми-неграмотности во всех райцентрах и сельсоветах»¹⁰⁵.

Естественно, в такой короткий срок перевод всего делопроизводства на другой алфавит был невозможен, что подтверждает дальнейшее развитие событий. 29 марта 1932 года окружным комитетом партии принято постановление № 2106 «О коренизации аппарата национальных районов и советов», в котором сообщалось, что Коми-Пермяцкий окрисполком не выполнил директив о полном переводе на родной язык делопроизводства. Документ обозначал новый срок: к 1 июня 1932 года закончить коренизацию аппарата и перевод делопроизводства, а к 1 января 1933 года – полностью закончить переход на латинизированный алфавит¹⁰⁶.

По инициативе Уралобкома 3 апреля 1932 года была проведена окружная конференция угро-финских национальностей, приуроченная к 7-летию создания округа. На конференции, в частности, обсуждались предварительные итоги введения нового алфавита и утверждён план введения нового алфавита на 1932 год¹⁰⁷. По итогам конференции 23 апреля 1932 года облысполком направил в Коми-Пермяцкий окрсовет

¹⁰⁵ КПОГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–1 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 31.

¹⁰⁷ Там же. Л. 3.

«Положение практического введения делопроизводства в национальных советах на их родном языке». Этот документ планировалось обсудить к 15 мая и направить свои предложения с отчётом о проделанной работе. В Положении, в частности, говорилось, что организации округа переписку между собой должны вести «исключительно на коми-пермяцком языке»¹⁰⁸. Этот документ также косвенно свидетельствует, что к середине 1932 года мероприятий по переводу делопроизводства ещё не проводилось.

В новом постановлении Коми-Пермяцкого окрисполкома от 2 марта 1932 года «О ходе подготовительных мероприятий к переходу на новый алфавит» вина за отсутствие результатов была возложена на райисполкомы и сельсоветы, которыми «до сих пор не обращено достаточно внимания на проведение работы среди трудящихся округа по внедрению нового алфавита». В качестве мер для «решительного перелома» предполагалось создать сельские отделения комитета нового алфавита при каждом сельсовете, а также начать пропагандистскую работу через «Велэтчан газету», выпуская не реже 1 раза в месяц по 2000 экземпляров, а с 1 апреля по 1 мая 1932 года провести Месячник латинизации алфавита. В сфере образования предлагалось проводить уроки в школах 1-й ступени по изучению нового алфавита, а с сентября 1932 года полностью перейти на новый алфавит в системе образования округа¹⁰⁹.

Однако коренного перелома вновь не произошло: даже вся дальнейшая переписка о мероприятиях по переходу на новый алфавит после истечения установленного срока велась на русском языке. Во всём делопроизводстве по данному вопросу в архивах Коми-Пермяцкого округа отложился только один документ на новом алфавите: написанное от руки постановление окрисполкома от 14 марта 1932 года о переводе делопроизводства на латинизированный алфавит¹¹⁰. Также сохранилось несколько протоколов заседаний комитета на коми-пермяцком и русском языках.

С 1933 года Коми-Пермяцкий окрисполком начинает принимать меры по комизации делопроизводства. 3 января 1933 года орготдел коми-пермяцкого окрика даже запрашивал в комитете по делам печати облисполкома дополнительно 50 тонн писчей бумаги «в связи с формированием делопроизводства учреждений и организаций округа на латинизированную коми-пермяцкую письменность»¹¹¹. В апреле

¹⁰⁸ КПОГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 16–17.

¹⁰⁹ Там же. Л. 34–34 об., 35.

¹¹⁰ Там же. Л. 37.

¹¹¹ Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

1933 года проводились курсы машинисток на «коми-машинках», при этом комитет мог позволить себе обучить только по одному человеку от каждого района, а на курсы специалисты должны были добираться сами¹¹². Однако эти курсы не состоялись, так как вовремя не был составлен коми-шрифт, а также возникли проблемы с финансированием (одна печатная машинка, изготовленная Татснабсбытом, стоила 5000 рублей)¹¹³.

Кроме этого, стало известно, что средства, выделяемые на закупку печатных машин с национальными шрифтами, ушли на приобретение машин с русским шрифтом. Дело дошло до того, что в 1934 году Комитет нового алфавита специальным решением запретил Татснабсбыту заключать договоры на изготовление печатных машин с русским шрифтом, а местные организации получили отдельное письмо со строжайшим запретом заказывать печатные машинки с русским шрифтом для национальных республик¹¹⁴.

Таким образом, переход на новый алфавит тормозился не только нежеланием местных органов власти ускорить этот процесс, но и отсутствием реального финансирования. Не возражая против идеи перехода на новый алфавит, ни власти округа, ни власти области не стремились выделять достаточные для продекларированного «коренного перелома» средства.

На очередном совещании руководителей окружных организаций при президиуме Коми-Пермяцкого окрисполкома по вопросам коренизации аппарата и перехода на коми-пермяцкую письменность, состоявшемся 23 апреля 1933 года, было признано «отсутствие сдвига в вопросах коренизации аппарата и перехода на коми-пермяцкую письменность учреждений и организаций Окрцентра». Совещание вновь приняло решение о мерах для «решительного перелома», в частности, была поставлена задача для всех руководящих работников округа ликвидировать «коми-неграмотность и малограмотность» за один месяц, а также создать комиссию «...для руководства за ходом ликвидации коми-неграмотности и проведения проверки»¹¹⁵. Отдельным пунктом вводилось обязательство по переобучению для русских работников из руководящего состава. Был составлен подробный план по всем учреждениям с указанием количества человек, которых нужно заменить или переобучить. В делопроизводстве того времени даже получили хождение термины «комизировать» (обучить коми-языку) и «коренизировать» (заменить сотрудника на представителя коми-пермяцкой

¹¹² КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 75.

¹¹³ Там же. Л. 132.

¹¹⁴ Там же. Л. 209.

¹¹⁵ Там же. Л. 85.

национальности). План работы был принят на 1933 год по направлениям оргработы, образования и издательской деятельности со сметой в 117 000 рублей, из которых большую часть должен был предоставить Комитет нового алфавита¹¹⁶. Ко всем, не исполняющим данный план, предлагалось принимать «жёсткие меры вплоть до снятия с работы»¹¹⁷. Контроль за исполнением взял на себя лично председатель окружкома Ярков. Очевидно, что в этот период отсутствие результатов очень волновало руководителей округа.

В течение 1933 года в округе прошёл ряд мероприятий по популяризации идей перехода на новый алфавит. 26 мая окрисполком проводил для всех районов «испытание комиграмотности», когда сотрудники государственных учреждений должны были явиться в здание окрика и выполнить несколько заданий на знание коми-пермяцкого языка¹¹⁸. 25–27 июля 1933 года в Кудымкаре прошла орфографическая конференция по вопросам внедрения нового алфавита. В окружном архиве отложились рабочие документы конференции и резолюции. Её участники отметили, что перед Коми-Пермяцким округом стоит задача разработки нового корпуса терминологии, составления терминологических словарей, принятия общественно-политической терминологии, терминологии по грамматике, физике, математике, делопроизводству и сельскому хозяйству. Были заслушаны доклады «Общие принципы составления коми терминологии», «Литературный коми язык и орфография», «Коми орфография»¹¹⁹.

Однако все принятые меры опять не привели к нужным результатам. На состоявшемся 3 января 1934 года совещании руководителей окружных отделов и организаций г. Кудымкара по вопросу перехода на коми-письменность, комизации и коренизации аппарата было констатируется, что план коренизации аппарата ни одной организацией не выполнен, решение о ликвидации коми-неграмотности в месячный срок от 23 мая 1933 года проигнорировано. В сложившейся ситуации совещание постановило объявить выговор ряду руководителей; имеющие печатные машинки с коми-шрифтом организации обязать использовать их с 8 января 1934 года; оживить деятельность кружков по ликвидации коми-неграмотности; просить окрик выделить Коми день для занятий в декадном расписании и создать новую комиссию для контроля за завершением работ¹²⁰. В принятых на совещании документах уже не было обозначено конкретных сроков, а риторика была менее жёсткой.

¹¹⁶ КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 84–100.

¹¹⁷ Там же. Л. 72.

¹¹⁸ Там же. Л. 163–170.

¹¹⁹ Там же. Л. 143.

¹²⁰ Там же.

Более успешно реализовывалась политика коренизации управленческого аппарата. В начале 1924 года сначала на уровне обкома, а затем окружкомов был принят доклад «Очередные задачи партийного строительства», где говорилось о необходимости «в корне пресекать невнимательное отношение к нацменьшинствам в профессиональных и советских органах, особенно со стороны спецов и старых служащих... не оставляя места антагонизму»¹²¹. Далее в апреле 1925 года в окружкомы было разослано постановление пленума обкома, где говорилось о «всемерном усилении работы партии среди нацмен, населяющих область» путём «выдвижения из среды нацмен на руководящую работу в партийных, профсоюзных, советских и кооперативных организациях»¹²². В ноябре 1925 года это письмо было направлено в окружкомы повторно¹²³, что косвенно может свидетельствовать об отсутствии какой-либо работы за прошедший период времени.

В местах компактного проживания обеспечение квоты из местного нерусского населения было легко достижимо. В Коми-Пермяцком округе ротация аппарата в пользу коми-пермяков отражена в докладе «О советском строительстве в Коми-Пермяцком округе» за 1935 год. В документе отмечается, что если в 1925 году только 25 процентов всех работников окружного аппарата были пермяками, то в 1931 году этот показатель составил уже 42, а в 1934 году – 62 процента, на уровне сельских советов – 70 и 78,6 процента соответственно¹²⁴. Однако увеличение количества коми-пермяков в руководящем аппарате не привело к распространению коми-пермяцкого языка на уровне делопроизводства.

Со второй половины 1930-х годов советское правительство начало политику отказа от латинской графики и принятия новых алфавитов на кириллической основе. Интересно, что в отчёте окрисполкома о развитии издательства в Коми-Пермяцком округе за 1938 год уже говорится, что в 1931 году коми-пермякам врагами народа был навязан совершенно чуждый, не отвечающий требованиям широких масс трудящихся латинизированный алфавит. И что «только с половины 1937 года был решён вопрос о переходе на алфавит, основой которого является русская письменность»¹²⁵. В 1938 году писатели Н. Попов и А. В. Караваев в обращении к Союзу советских писателей уже конкретно обвиняли врагов народа во внедрении латинизированного алфавита и просили помощи

¹²¹ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 61.

¹²² Там же. Л. 88.

¹²³ Там же. Л. 89.

¹²⁴ КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 248–250.

¹²⁵ Там же. Д. 291а. Л. 54.

в организации издательства на новом алфавите, составленном на основе русской графики¹²⁶. В 1938 году уже был принят новый алфавит на основе кириллицы, в связи с чем не удалось выполнить план издательства на 1938 год. Этот алфавит используется и сегодня¹²⁷.

Таким образом, на примере коми-пермяцкого языка видно, что идея внедрения нового латинизированного алфавита не могла быть реализована. Основная причина кроется, конечно, в том, что уже в 1920-е годы руководящие органы использовали для общения преимущественно русский язык и перевод всего делопроизводства на коми-пермяцкий язык, да ещё и на новой латинской графике, означал изучение нового языка, а в ограниченный срок этого добиться было сложно. Кроме этого, несмотря на активную пропаганду мероприятий по комизации, они, как и вся национальная политика, не имели серьёзной финансовой и административной поддержки. Как свидетельствуют документы, окружной исполком мог только переиздавать положения о переводе алфавита, требуя от органов власти очередного «решительного перелома», но при этом не мог даже технически обеспечить условия для него. Между тем нужно отметить, что сам язык и его изучение в 1920–1930-е годы получили большой импульс для развития, началось книгоиздание на коми-пермяцком языке, его академическое изучение, внедрение в школах. Всё это создало прочную основу для его сохранения и даже развития во второй половине XX века.

3.5. ЭТНИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫЕ РЕПРЕССИИ В ПРИКАМЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В результате коллективизации и индустриализации население областей Урала и Западной Сибири к началу 1930-х годов существенно возросло за счёт внутренних миграций. Рост населения часто сопровождался и усложнением этнического состава. Вкупе это существенно влияло на национальную политику в рамках регионов, делало национальный вопрос более востребованным и злободневным для местной власти. Особенно в период «Большого террора» 1937–1938 годов.

Данный раздел посвящён анализу этнического фактора в репрессиях 1930-х годов, т. е. насколько органы власти при принятии решений о репрессиях учитывали этническое происхождение арестовываемых. Формально вопрос об отдельных операциях по «национальным

¹²⁶ КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1, Д. 368. Л. 14.

¹²⁷ Черных А. В. Народы Пермского края... С. 81.

линиям» является дискуссионным¹²⁸. Опубликованные документы позволяют заключить, что в 1930-е годы в СССР было проведено сразу несколько операций против конкретных этнических групп¹²⁹. Тезис о репрессиях и депортациях как части национальной политики РСФСР развит, например, в работе Л. Я. Арапхановой¹³⁰, а В. Ю. Зорин пишет, что для политики «террора этническое происхождение не имело принципиального значения»¹³¹.

Необходимо признать, что этнический фактор имел место при организации кампаний по арестам. Во-первых, в 1930-е годы государство и его репрессивный аппарат подошли к осознанию необходимости контролировать происхождение граждан по этнической принадлежности, она учитывалась при любом контакте гражданина с органами власти. Д. Р. Ширер писал, что изначально в Инструкции НКВД 1931 года по ведению регистрационных карточек не требовалось вносить данные о национальности. «Этот факт интересен сам по себе, указывая на то, что в 1931 году национальной принадлежности регистрируемых лиц ещё не придавалось того решающего значения в репрессивной политике государства, которое она приобрела ещё год-два спустя»¹³². Графа «Национальность» появилась в регистрационных карточках учёта населения в 1932 году, а позже была отражена в выдаваемых населению паспортах в п. № 5 «Национальность».

Во-вторых, целый ряд источников косвенно указывает, что аресты представителей разных национальностей реализовывались не хаотично, а в рамках отдельных операций, целью которых была ликвидация именно представителей одной национальности. Исследователь В. Н. Никольский, со ссылкой на опыт Донецкой области Украинской

¹²⁸ Национальная политика в России... С. 276.

¹²⁹ Наиболее известные: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1937 года № 1428-326 «О выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края»; Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00485 от 11 августа 1937 г. «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ»; Постановление ГКО № 5984сс «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян»; Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П57/49 от 31 января 1938 г., разрешившее «Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионскодиверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР». См.: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004.

¹³⁰ Арапханова Л. Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства (на примере ингушского народа). М., 2002.

¹³¹ Зорин В. Ю. Национальная политика российского государства... С. 179.

¹³² Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм... С. 211.

СССР, например, говорит о проводившихся органами НКВД немецкой, польской, греческой, латышской, финской, иранской и харбинской операциях¹³³. В Прикамье следователь Иван Григорьевич Корпачёв на допросах после 1953 года сообщал, что вся территория г. Перми была разделена между следователями особой дивизии НКВД. Каждому персонально было поручено выявить всех иностранцев и привлечь их как шпионов. Если оказывалось, что иностранцы не привлечены, отвечал уже сам следователь. «Начальник 3 отделения Королёв инструктировал, что все корейцы являются участниками шпионско-диверсионной организации, руководимой японской разведкой», – сообщается в показаниях И. Г. Корпачёва¹³⁴. А следователь Н. П. Голдобеев сообщил на допросе следующее: «На основании *директивы по инобазе* Мозжерин (Ф. П. Мозжерин – начальник Особого отдела 82-й стрелковой дивизии НКВД г. Перми – **М. К.**) требовал ареста всех, предупреждая, что за каждого оставшегося харбинца, корейца или поляка будет отвечать тот, на чьей территории это будет обнаружено»¹³⁵.

Таким образом, источники свидетельствуют, что этнический фактор имел значение при реализации репрессивной кампании¹³⁶.

Анализ личных дел репрессированных в Прикамье в 1934–1938 годах (национальная принадлежность, сроки задержаний, а также рассекреченные протоколы допросов организаторов и исполнителей задержаний второй половины 1950-х годов) также позволяет заключить, что часто именно этническая принадлежность становилась причиной для ареста.

В данном разделе проанализированы личные дела репрессированных в Прикамье на предмет их этнической принадлежности, обстоятельств и сроков задержания. Этот анализ позволит проследить, были ли какие-то закономерности в задержаниях, исходя из этнической принадлежности. В 2008 году, когда были рассекречены дела 1933 года, В. Г. Чеботарёва писала, что «целые пласты документов засекречены и по этой причине недоступны для исследователей, в том числе документы о репрессивной политике по отношению к целым

¹³³ Никольский В. Н. Национальные аспекты политических репрессий 1937–1938 гг. на Донеччине в количественных измерениях // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 4 (15). С. 48–83.

¹³⁴ ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30974. Л. 55.

¹³⁵ Там же. Л. 62.

¹³⁶ Об этом свидетельствует и сам термин «инобаза», активно использовавшийся в делопроизводстве НКВД второй половины 1930-х годов.

этническим сообществам»¹³⁷. В 2012–2013 годах режим секретности был снят с архивных документов 1937–1938 годов, что значительно упростило работу по изучению периода репрессий и актуализировало новые исследовательские проекты, ввод в научный оборот новых источников. Тема репрессий по этническому признаку отчасти раскрыта в работах по истории отдельных народов Прикамья – поляков, эстонцев, немцев, корейцев, китайцев, белорусов, украинцев, болгар¹³⁸. Этническую составляющую репрессий 1930-х годов раскрывает в своей монографии А. Б. Суслов¹³⁹. Однако комплексного анализа дел пока не проведено. Исследователи сходятся во мнении, что в Прикамье от преследований по различным мотивам пострадали не менее 35 тысяч человек¹⁴⁰. В Пермском государственном архиве социально-политической истории содержится 36 716 дел на граждан СССР, репрессированных в разное время на территории Прикамья. Из их числа в рамках анализа выделено 22 национальности подвергшихся репрессиям в Прикамье (см. таблицу)¹⁴¹. Для удобства сравнительного анализа в данном разделе все эти народы будут называться «нерусскими».

¹³⁷ Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации... С. 3.

¹³⁸ Поляки в Пермском крае. СПб., 2009. С. 152–163; Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Прикамье: очерки истории и этнографии. СПб., 2010. С. 183–191; Вайман Д. И., Черных А. В. Немцы Перми: история и культура. СПб., 2016. С. 24–26; Каменских М. С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014. С. 52–58; Каменских М. С. Китайцы на Среднем Урале... С. 142–160; Черных А. В., Голева Т. Г., Каменских М. С., Шевырин С. А. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2013. С. 196–207; Каменских М. С., Черных А. В. Украинцы Перми: история и культура. СПб., 2017. С. 17–18; Филипова М. П., Черных А. В., Каменских М. С. Болгары Перми: история и культура. СПб., 2018. С. 24–29.

¹³⁹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010. С. 89.

¹⁴⁰ Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Часть 6. Том 1. Пермь, 2008. С. 3.

¹⁴¹ В расчёт принимались только случаи с численностью свыше 20 репрессированных одной национальности.

Национальный состав репрессированных в Прикамье в 1935–1938 годах

№	Национальность	Количество репрессированных	Соотношение с численностью населения по данным 1939 года	% от общей численности репрессированных	% приговорённых к высшей мере наказания (ВМН)
	Всё репрессированное население	21 032	100%	100%	
1	Русские	12 408	0,7%	59%	36,7%
2	Украинцы	1816	6,6%	8,6%	31,8%
3	Белорусы	1228	9,2%	5,8%	30,5%
4	Поляки	1079	60,1%	5,1%	29,7% ¹⁴²
5	Татары	705	0,9%	3,3%	24%
6	Немцы	545	20,1%	2,6%	22,6%
7	Эстонцы	357	31,7%	1,7%	28%
8	Латыши	294	36,4%	1,4%	54,1%
9	Финны	172	30,6%	0,8%	67,4%
10	Евреи	170	3,5%	0,8%	40%
11	Молдаване	114	31,1%	0,5%	7%
12	Коми	931	0,8%	0,5%	61,5%
13	Башкиры	96	0,3%	0,5%	58,3%
14	Чуваши	78	0,8%	0,4%	38,5%
15	Литовцы	72	36,2%	0,3%	25%
16	Китайцы	64	24,2%	0,3%	10,9%
17	Корейцы	37	10,1%	0,2%	43,2%
18	Греки	32	14%	0,2%	15,6%
19	Болгары	32	22%	0,2%	71,9%
20	Австрийцы	28	— ¹⁴³	0,2%	25%
21	Марийцы	21	0,5%	0,1%	42,9%
22	Мордва	20	0,9%	0,1%	45%
	Национальность не указана	733		3,5%	

Составлено и подсчитано по: База данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-х гг.» [Электронный ресурс]. ПермГАСПИ. URL.: <https://www.permgaspi.ru/tematicheskie-bloki/sotsiologiya-v-permskom-krae.html> (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁴² При этом у 557 человек (свыше 50%) в электронной базе не заполнена графа о мере наказания. Вероятнее всего, значительная часть этих арестованных также была приговорена к расстрелу.

¹⁴³ Всесоюзная перепись 1939 года не учитывала австрийцев, что затрудняет дать даже приблизительные оценки их численности. Но с учётом данных 1926 и 1959 годов можно смело предположить, что их численность в Прикамье не превышала нескольких десятков.

При анализе в расчёт принимались и те, кто прибыли в Прикамье в качестве раскулаченных и, уже находясь здесь, в 1935–1938 годах были репрессированы¹⁴⁴. Всего в эти годы в западной части Свердловской области, куда входило на тот момент Прикамье¹⁴⁵, были задержаны по политическим мотивам 21 032 человека, или 59 процентов всех репрессированных с 1918 по 1954 год¹⁴⁶. Из них не русскими по национальности были 41 процент. Для примера, за период с 1918 по 1934 год этот показатель составлял 15,3 процента указавших национальность, а с 1938 по 1954 год – 34 процента (даже с учётом этнических депортаций 1944 года). Другими словами, в период с 1935 по 1938 год в процентном отношении представители не русской национальности подвергались репрессиям в Прикамье чаще, чем в более ранний и поздний периоды. Сопоставление данных о количестве арестованных с численностью данной национальности по переписи 1939 года позволяет оценить и масштабы репрессий против конкретных этнических сообществ. Так, например, число репрессированных русских в рассматриваемый период не превышало 0,7 процента всего русского населения по данным на 1939 год. В то же время в 1935–1938 годах репрессировали 1079 поляков при численности польского населения 1796 человек (60%), латышей и литовцев – 36 процентов, молдаван и финнов – свыше 30 процентов и т. д. Эти данные также косвенно подтверждают избирательность репрессий и роль этнического фактора при их организации.

Интересно проследить и хронологию репрессий в отношении отдельных народов по месяцам (см. таблицу).

¹⁴⁴ Репрессии против раскулаченных – одна из особенностей региона в этот период. По подсчётам А. Б. Суслова, каждый третий осуждённый тройками НКВД был «трудпоселенцем». См.: *Суслов А. Б. Трудпоселенцы – жертвы «кулацкой операции» НКВД в Пермском районе Свердловской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 138.*

¹⁴⁵ Уральская область в 1934 году была ликвидирована, территория Прикамья вошла в состав Свердловской области. На этот период и пришёлся пик репрессивных кампаний.

¹⁴⁶ При этом в 962 делах не указана дата ареста, однако примерно её можно определить по дате приговора. В данной работе из дел с не указанной датой ареста проанализированы те, в которых дата вынесения приговора входит в период 1935–1938 годов.

**Количество арестованных по национальности
по месяцам и по годам**

Национальность (количество репресси- рованных за 1935–1938)	Месяц													Итого
		01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	
Русские (12 408)	1935	40	45	75	68	60	46	29	55	80	98	84	46	726
	1936	30	26	35	44	15	23	26	21	34	39	104	72	469
	1937	92	104	105	157	137	119	170	1687	745	2197	639	1454	7606
	1938	1830	780	304	306	92	52	32	36	48	45	49	33	3607
Украинцы (1816)	1935	2	3	4	3	3			1	1	1	4	2	24
	1936	1	1	2	3		1	1			3	3	2	17
	1937	14	1	4	6	5	1	5	113	26	95	22	646	938
	1938	765	31	18	6	4		3	2		1	3	4	837
	27.10.37 – 217													
	31.12.37 – 344													
	01.01.38 – 456													
	06.08.37 – 65													
	23.12.37 – 97													
	24.12.37 – 240													
Белорусы (1228)	1935	2	3	7	7	5	3	1		3	2	1	3	37
	1936		3		2	5				3		3		16
	1937	4	3	2	4	2	5	13	113	21	67	30	284	548
	1938	523	66	26	7	1	1					1	2	627
	06.08.37 – 53													
	31.12.37 – 67													
Поляки (1079)	1935		1	1	1							1	1	5
	1936			1			1	1			1		1	5
	1937	6	2	4	2		1	2	41	17	44	25	246	390
	1938	283	180	199	13	1	1					1	1	679
Коми¹⁴⁸ (931)	1935	2	2	6	5	8	7	2		13		2	3	50
	1936	3	6	1		3	2	1	1	1	3	1	15	37
	1937	7	6	32	3	12	9	16	388	117	127	21	14	752
	1938	13	15	18	13	1	9	1	1	14	3	4		92
	20.12.36 – 11													
	05.08.37 – 50													
06.08.37 – 174														
07.08.37 – 46														
10.10.37 – 55														

¹⁴⁷ Здесь и далее указаны конкретные дни, когда было арестовано наибольшее количество представителей данной национальности.

¹⁴⁸ Коми-пермяки и коми-зыряне объединены в одну группу не только потому, что в 1939 году они считались одним народом, но и ввиду близости проживания и общих черт в репрессивных операциях. Вероятнее всего, для правоохранительных органов эти два народа даже представляли одно целое.

Татары (705) 06.08.37 – 44	1935		1		2	2		3	1	3	1	1		14
	1936			3				1		1		1	2	8
	1937	4	1	1		1		1	70	22	45	6	213	364
	1938	276	15	6	9	2	1	2	1				7	319
04.01.38 – 55														
05.01.38 – 46														
06.01.38 – 45														
Немцы (545) 24.01.38 – 24	1935													–
	1936													–
	1937	1			2		2	9	5	4	13	4	68	108
	1938	119	178	125	9	1	1	3					1	437
15.02.38 – 28														
26.02.38 – 50														
14.03.38 – 20														
Эстонцы (357) 16.12.37 – 20	1935					1								1
	1936			3						1				4
	1937								1	4	4	3	84	96
	1938	37	91	112	10		1	1	1	2		1		256
04.01.38 – 25														
13.02.38 – 30														
Латыши (294) 03.12.37 – 15	1935				1					2				3
	1936													–
	1937	1	3	1		1		2	8	4	5	5	116	146
	1938	27	53	57	6				1	1				145
04.12.37 – 20														
Финны (172) 15.12.37 – 27	1935													–
	1936													–
	1937	1	1			3			9	3	3		51	71
	1938	47	26	23	3		1						1	101
Евреи (170) 06.08.37 – 19	1935	1	2		2				1	1	1	1		9
	1936						1	1	3	1	2	3		11
	1937		1	2	1	2	1	2	8	8	18	16	37	96
	1938	22	15	8	1	1		1	2		3	1		54
Молдаване (114) 31.12.37 – 52	1935													–
	1936													–
	1937	1							1		3		57	62
	1938	46	1	2									3	52
01.01.38 – 17														
02.01.38 – 15														
Башкиры (96) 06.08.37 – 19	1935		1							1				2
	1936			1							1	4	1	7
	1937								32	19	28	4	1	84
	1938	1		1		1								3
Чуваши (78) 11.02.38 – 9	1935					1								1
	1936			5	1	2		1	1				1	11
	1937	1	1		4				14	6	12	1	13	52
	1938	10	2					1	1					14
Литовцы (72) 11.02.38 – 9	1935							1	1					2
	1936													–
	1937								1	4	4		10	19
	1938	14	18	18						1				51
Китайцы (64) 11.02.38 – 9	1935			1										1
	1936													–
	1937		1								4	4		9
	1938	1	38	11	4									54

Корейцы (37)	1935													–
	1936								1					1
	1937		1			1					11	1	4	18
	1938	3	12	2	1									18
Греки (32)	1935													–
	1936											1		1
	1937							1					9	10
	1938	7	6	5	3									21
Болгары (32) 15.12.37	1935													–
	1936													–
	1937										1		19	20
	1938	6	3	1	2									12
Австрийцы (28)	1935							1						1
	1936													–
	1937							1	1	1	1	1	2	7
	1938		14	4	1							1		20
Марийцы (21)	1935													–
	1936													–
	1937	1							3	5	6	2	2	19
	1938	2												2
Мордва (20)	1935	1												1
	1936													–
	1937						1		2		3	2	8	16
	1938	3												3
Удмурты (19)	1935													–
	1936												1	1
	1937		1				1				3	1	3	9
	1938	7	1							1				9
		01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	

Составлено и подсчитано по: База данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-х гг. [Электронный ресурс]. ПермГАСПИ. URL: <https://www.permgasp.ru/tematicheskie-bloki/sotsiologiya-v-permskom-krae.html> (Дата обращения: 20.12.2019).

Нельзя не отметить, что сами репрессии были частью общей репрессивной кампании 1937–1938 годов, проводившейся в рамках реализации оперативного приказа НКВД от 30 июля 1937 года № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»¹⁴⁹. В приказе ничего не говорится о национальностях, для Свердловской области была лишь установлена квота в 10 тыс. человек. Но пик репрессий против отдельных народов, даже в сравнении с русскими, пришёлся именно на этот период.

¹⁴⁹ Оперативный приказ НКВД от 30.07.1937 № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [Электронный ресурс]. Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество. URL: <http://old.memo.ru/history/document/0447.htm> (дата обращения: 29.08.2019).

Если взглянуть на каждый народ с точки зрения хронологии арестов, то в принципе реконструируется следующая модель. В период 1935–1936 годов задержания, как правило, носили разовый характер. Вероятно, первые арестованные давали показания о том, где ещё есть их соотечественники (существовавшая на тот момент система учёта населения не позволяла выявить всех представителей одной национальности). Затем уже в период с августа 1937 года по февраль 1938 года активность задержаний возрастает, а в определённый день или несколько дней представителей конкретных национальностей начинают арестовывать десятками. Самые распространённые виды обвинений стандартны для репрессий этого периода в отношении иностранцев: шпионаж, диверсии, контрреволюционная деятельность и антисоветская агитация (ст. 58, ч. 2-6, 9-11 УК). Задержанных и арестованных обвиняли также в нелегальном переходе границы, контрабанде валюты или торговле (ст. 59-12, ст. 1-10, ч. 1 УК). Репрессии не были адресными, но судебное дело могли завести сразу на несколько человек, которые к тому же выступали свидетелями в делах других своих соотечественников. На основании этих показаний составлялся обвинительный приговор. Арестованных объединяли в группы, сфабриковывали доносы одного из арестованных, и на их основании выносили обвинительные приговоры остальным. Очень красноречиво процесс фабрикации дел демонстрирует следующая цитата одного из участников арестов, датированная 1953 годом: «При создании таких организаций за основу брали не состав преступления, а национальную принадлежность арестованных, подданство, бытовое знакомство, а иногда и родственные отношения арестованных. Наиболее грамотные арестованные назначались руководителями организаций, а остальные – рядовыми её членами»¹⁵⁰. Арест представителей конкретных национальностей в определённые дни позволяет заключить, что отдельные кампании по аресту в отношении каждого из народов (или групп из двух-трёх народов) планировались отдельно и заранее¹⁵¹.

Наиболее масштабные аресты произошли в августе и декабре 1937 года, а также в январе – феврале 1938 года¹⁵². Анализ арестов

¹⁵⁰ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13771. Л. 27.

¹⁵¹ Это могло быть связано с кадровыми проблемами. Арестовать сразу всех было невозможно, и операции по задержанию планировались по определённому графику, что подтверждается анализом дат арестов.

¹⁵² На этот факт обращают внимание и другие исследователи. См.: Кабацков А. Н., Федотова И. Ю. «Пишите то, что я приказываю». Особенности массовой репрессивной операции по приказу 0047 в г. Краснокамске [Электронный ресурс]. Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста». URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1182-1pishite-to-chto-ia-prikazyvaur-osobennosti-massovoi-repressivnoi-operacii-po-prikazy-00447-v-g.html> (дата обращения: 20.12.2019).

в эти месяцы позволяет видеть общие черты в задержаниях отдельных групп народов (см. таблицу).

Таблица 3.4

**Количество репрессированных в августе и декабре 1937 года,
в январе-феврале 1938 года по национальности**

Нацио- нальность	Август 1937 года		Декабрь 1937 года		Январь 1938 года		Февраль 1938 года	
	Кол-во арестов	% от общей числ-ти	Кол-во арестов	% от общей числ-ти	Кол-во арестов	% от общей числ-ти	Кол-во арестов	% от общей числ-ти
Русские (12 408)	1687	13,6%	1454	11,7%	1938	15,6%	1830	14,7%
Украинцы (1816)	113	6,2%	646	35,6%	765	42,1%	31	1,7%
Белорусы (1228)	113	9,2%	284	23,1%	523	42,6%	66	5,4%
Поляки (1079)	41	3,8%	246	22,8%	283	26,2%	180	16,7%
Коми (931)	388	41,7%	14	1,5%	13	1,4%	15	1,6%
Татары (705)	70	1%	213	30,2%	276	39,1%	15	2,1%
Немцы (545)	5	0,9%	68	12,5%	119	21,8%	178	32,7%
Эстонцы (357)	1	0,3%	84	23,5%	37	10,4%	91	25,5%
Латыши (294)	8	2,7%	116	40%	27	9,2%	53	18%
Финны (172)	9	5,2%	51	29,7%	47	27,3%	26	15,1%
Евреи (170)	8	4,7%	37	21,8%	22	12,9%	15	8,8%
Молдаване (114)	1	0,9%	57	50%	46	40,4%	1	0,9%
Башкиры (96)	32	33,3%	1	1%	1	1%	–	–
Чуваши (78)	14	18%	13	16,6%	10	12,8%	2	2,6%
Литовцы (72)	1	1,4%	10	13,9%	14	19,4%	18	25%
Китайцы (64)	–	–	–	–	1	1,6%	38	59,4%
Корейцы (37)	–	–	4	10,8%	3	8,1%	12	32,4%
Греки (32)	1	3,1%	9	28,1%	7	21,9%	6	18,8%

Болгары (32)	–	–	19	59,4%	6	18,8%	3	9,4%
Австрийцы (28)	1	3,6%	2	7,1%	–	–	14	50%
Марийцы (21)	3	14%	2	10%	2	9,5%	–	–
Мордва (20)	2	10%	8	40%	3	15%	–	–
Удмурты (19)	1	5%	3	15,8%	7	36,8%	1	5%

Составлено и подсчитано по: База данных «Жертвы политических репрессий. Территория Пермского края 1918–1980-х гг.» [Электронный ресурс]. ПермГАСПИ. URL: <https://www.permgaspi.ru/tematicheskie-bloki/sotsiologiya-v-permskom-krae.html> (дата обращения: 20.12.2019).

В августе 1937 года волна репрессий задела сельские национальные районы Прикамья с татарским, башкирским и коми-пермяцким населением. Например, 6 августа вне зависимости от национальности аресты проводились в Коми-Пермяцком округе, Краснокамском и Кизеловском районах. В этот день арестовывали коми-пермяков, татар, башкир, белорусов и т. д. Всего в августе 1937 года было репрессировано рекордное количество коми-пермяков и коми-зырян – 388, или 42 процента от общего количества репрессированных представителей этих народов за 1935–1938 годы, из них в период с 5 по 6 августа – 270 человек (30 процентов). По оценке А. Е. Коньшина, в результате репрессий августа 1937 года пострадали почти все руководители окружкома и обкома, интеллигенция, состоятельные крестьяне-единоличники¹⁵³. Также в августе 1937 года было задержано 70 татар, в том числе 6 августа – 44 человека (6 процентов всех репрессированных за четыре года татар). Возможно ли было приехать в другой район, массово арестовывая представителей одной национальности, не являющейся большинством в данной местности, без предварительной подготовки? Безусловно, эти аресты готовились правоохранительными органами предварительно: выезжая в территории, они уже имели собственные списки, а значит, операции по задержанию лиц конкретной национальности готовились заранее.

Вторая волна арестов пришлась на конец года. С декабря 1937 по январь 1938 года в Прикамье было арестовано 84 молдавана, или 74 процента всех репрессированных за четыре года молдаван¹⁵⁴. С 3 по 6 декабря 1937 года было арестовано свыше 50 латышей, а в течение

¹⁵³ Коньшин А. Е. Истрия коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Учебное пособие. Кудымкар, 2004. С. 270–271.

¹⁵⁴ У русских, например, этот показатель составил 26%.

всего декабря – 116 (40 процентов всех репрессированных за 1935–1938 годы). В декабре же 1937 года задержано 84 эстонца (24 процента), из которых 34 – 16 и 17 декабря. Позже, в феврале был задержан ещё 91, из которых 30 человек – 13 февраля. Из 172 арестованных в Прикамье финнов 98 (57 процентов) были арестованы в декабре 1937 и январе 1938 года. Причём 15 декабря было арестовано 27 человек (16 процентов от репрессированных за четыре года). 24 декабря 1937 года в различных населённых пунктах Чусовского и Лысьвенского районов арестовано 240 украинцев (всего в декабре 646), в январе – 765, причём 1 и 2 января – 114 и 118 соответственно.

Самыми массовыми были аресты в городах на крупных предприятиях с большим количеством рабочих – Перми, Краснокамске, Кизеле. На Пермском заводе им. Сталина было «выявлено около 500 человек кулаков, белогвардейцев, попов, торговцев, харбинцев, троцкистов, правых и лиц немецкого, польского, латвийского происхождения». В одной из записей о причинах увольнения выявленных «врагов» было указано «сын эстонца»¹⁵⁵.

Рекордное количество арестов произошло 31 декабря 1937 года: 52 молдаванина, 58 поляков, 67 белорусов, 99 украинцев, 147 татар и др. Аресты проводились и в Перми, и в районах Пермской области. Один из бывших сотрудников НКВД на допросе в 1955 году так описал инструктаж, полученный в этот период от вышестоящего руководства: «В 1937 году, месяц точно не помню, но это было во второй половине года, заместитель начальника Ворошиловского РО НКВД Федосеев устно довёл до меня директиву центральных органов НКВД, что необходимо арестовать всех антисоветских националистических лиц. Я поинтересовался, кто к этим лицам относится и что это за антисоветские националистические лица. Федосеев пояснил, что это литовцы, латыши, эстонцы, немцы. Все те лица, государства которых не входили в состав СССР»¹⁵⁶. На январь–февраль 1938 года приходится пик арестов корейцев и китайцев, греков и болгар, а также немецкого населения Прикамья.

Нельзя не упомянуть и об отдельных «спецоперациях». Самой масштабной, в том числе на уровне страны, можно считать «польскую операцию». Сегодня уже известно, что через неделю с небольшим после приказа № 0047 был принят отдельный оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации», в котором прямо указывалось, что «основной задачей органов ГУГБ в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация незатронутой до сих

¹⁵⁵ Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А. Эстонцы в Прикамье... С. 184.

¹⁵⁶ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16850. Л. 19–22.

пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР»¹⁵⁷. В регионах посылка этого приказа через 11 дней после приказа № 0046 означала прямую санкцию на максимальные репрессии в отношении польского населения РСФСР. На примере Прикамья видно, что это было сделано. Один из непосредственных исполнителей «польской операции» по фамилии Лизунов в 1939 году на допросе сказал следующее: «Я принимал активное участие в аресте иностранцев (поляков, немцев). На 60 человек были формуляры, а на остальных совершенно не было материала, но требовали 100–300 человек, и когда у нас не было людей, то привезли откуда-то списки и стали арестовывать по фамилиям»¹⁵⁸. Сама польская операция включала в себя несколько крупных дел, было арестовано практически всё взрослое польское население Прикамья¹⁵⁹.

Китайско-корейская операция началась в октябре 1937 года и, вероятно, имела отношение к первой советской депортации – переселению советских корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию. Судьба корейцев интересна тем, что они, являясь гражданами СССР и не имея собственной исторической родины, подвергались репрессиям как «инобаза» исключительно в силу своего этнического происхождения. Согласно постановлению от 21 августа 1937 года № 1428-326 «О выселении корейского населения из приграничных районов Дальневосточного края» была поставлена задача организовать выселение этнических корейцев из всех районов Дальнего Востока¹⁶⁰. Даже официально это делалось с целью «пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край». Уже 25 октября 1937 года Нарком внутренних дел Н. И. Ежов рапортовал И. В. Сталину, что выселение корейцев закончено раньше срока¹⁶¹. Судя по срокам арестов, именно их депортация с Дальнего Востока подтолкнула репрессии против корейцев и китайцев по всей стране. И если события депортации сегодня уже детально изучены, то параллельные ей преследования корейского населения по всей стране ещё необходимо изучать в рамках специальных исследований. Аресты корейцев в Прикамье начались с октября 1937 года. Как

¹⁵⁷ Оперативный приказ НКВД СССР № 00485 «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации (ПОВ) в СССР». 11 августа 1937 г. [Электронный ресурс]. Электронная библиотека исторических документов Фонда «История Отечества». URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/49316-operativnyy-prikaz-nkvd-sssr-00485-ob-operatsii-po-repressirovaniyu-chlenov-polskoy-voennoy-organizatsii-pov-v-sssr-11-avgusta-1937-g> (дата обращения: 17.09.2019).

¹⁵⁸ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 17092. Т. 3. Л. 344–384.

¹⁵⁹ Поляки в Пермском крае... С. 157–159.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1006. Л. 3. Текст постановления впервые был опубликован в 1992 году.

¹⁶¹ Там же. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 48. Л. 17.

правило, по одному делу проходило несколько представителей этноса, которых объединяли в несуществующую шпионско-диверсионную группу. Один из репрессированных Тен-Юн-Ги на допросе указал, что приехал в Пермь в сентябре 1937 года, узнав о существовании в городе педрабфака. Вероятнее всего, причиной отъезда могла стать и готовившаяся с августа депортация. Отец дал ему денег, и осенью 1937 года, до начала депортации, он уже был в Перми. Судя по протоколу, он плохо говорил по-русски, 9 февраля 1938 года его исключили с рабфака, а уже 19 февраля арестовали и расстреляли¹⁶².

Самая крупная группа арестованных состояла из корейцев Кан-До-Гыка, Кима Моисея Петровича, Чжа-Ю-Тана, Ким-Ден-Сека, Югай-Сан-Ука, Тай Ивана Семёновича, Ким Игнатия, Пака Филиппа Семёновича, Ким-Пен-Хо, Ли Александра Михайловича, Тен-Ин-Сури (Павла). Руководителем группы был объявлен Ким-Ден-Сек¹⁶³. Он был уроженцем Японии и на момент ареста работал в пивной на ул. Плеханова. В 1936 году был исключён из ВКП(б) за службу в Японской армии. С такой биографией он как нельзя лучше подходил на роль «главаря организации»¹⁶⁴. 10 января 1938 года Ким-Ден-Сек и все его «сообщники» были расстреляны¹⁶⁵.

Репрессии коснулись и т. н. «интернационалистов», что видно на примере болгар. Уроженец с. Ново-Махла Хармаильского района Болгарии, член ВКП(б) Георгий Маркович Бойдиев оказался с женой в СССР в результате политической эмиграции в 1929 году. В Прикамье в начале 1930-х годов он был заместителем заведующего цехом Вишерского комбината¹⁶⁶. Георгий Иванович Дубов, родившийся в с. Белотынцы в Болгарии в 1894 году, за политическую деятельность на родине был приговорён к смертной казни, после чего в 1924 году эмигрировал в СССР, получил советское гражданство и вступил в ряды ВКП(б). В Перми он жил в Рабочем посёлке в доме № 3, кв. 28. По профессии был артиллеристом, на заводе № 172 им. В. М. Молотова работал начальником отдела технического контроля¹⁶⁷. Его соотечественник болгарин Степан Иванович Терзеев работал завхозом здравпункта на том же заводе. В 1920-е годы получил советское гражданство и взял себе фамилию Портнов¹⁶⁸. Отложились сведения о других болгарях,

¹⁶² Причина выезда из ДВК может быть связана с готовящейся депортацией, от которой Тен-Юн-Ги хотели оградить его родители. См.: ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2324. Л. 19.

¹⁶³ Там же. Д. 13452. Л. 179.

¹⁶⁴ Там же. Л. 182.

¹⁶⁵ Там же. Л. 367.

¹⁶⁶ Там же. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Бойдиев Георгий Маркович.

¹⁶⁷ Там же. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Дубов Георгий Иванович.

¹⁶⁸ Там же. Д. 9164. Портнов Степан Иванович (Терзеев С. И.).

работавших на заводе № 172 и имевших советское гражданство¹⁶⁹. Большинство из них были расстреляны в январе 1938 года.

Между тем анализ дел представителей репрессированных народов, не имеющих кроме РСФСР исторической родины (русские, татары, башкиры, марийцы, удмурты, мордва, чуваш), не позволил выявить какие-то закономерности. Если говорить о русских, то жертвами операций, вероятнее всего, становились только представители отдельных социальных групп («харбинцы», религиозные общины и т. д.). Отметим, что в ходе работы не обнаружено закономерностей в отношении еврейского населения. Несмотря на относительно большую численность арестованных (больше, чем башкир или удмуртов, например) евреи Прикамья арестовывались равномерно на протяжении всех четырёх лет, т. е. специальных «еврейских» операций в Прикамье не было. Во всяком случае, массовые преследования евреев на фоне внешнеполитического противостояния нацистской Германии в РСФСР могли оказаться рискованными.

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов. Основной поток репрессий и все «национальные операции» были реализованы всё-таки в период с 1937 по 1938 год, репрессии 1935–1936 годов носили разовый характер. Вероятнее всего, процессы, происходившие в Прикамье, характерны и для других регионов РСФСР с преимущественно русским населением. В целом за период «Большого террора» репрессиям в Прикамье было подвергнуто около 1 процента населения, причём в долях от общей численности менее всего репрессии коснулись народов, традиционно проживающих в Прикамье – русских, татар, башкир (менее всех – около 3 процентов), коми-пермяков, марийцев и удмуртов. Намного сильнее от репрессий пострадали поляки (чуть более половины от общей численности населения), латыши, литовцы, финны, молдаване, китайцы – народы, имевшие т. н. «историческую родину» за пределами СССР¹⁷⁰.

Пик арестов в целом по стране пришёлся на декабрь 1937 – январь 1938 года. Сроки отдельных задержаний косвенно подтверждают, что в Прикамье было проведено несколько операций против групп граждан, которых объединяла этническая принадлежность. Рассекреченные источники позволяют выстроить график работы правоохранительных органов в период с 1935 по 1938 год и увидеть,

¹⁶⁹ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10059. Дубов Георгий Иванович.

¹⁷⁰ Удивительно, но в этот список попали и советские корейцы, чья историческая родина на тот момент находилась под оккупацией милитаристской Японии. СССР для корейцев того времени был, скорее, местом для отступления и формирования отрядов борцов за независимость Кореи, чем местом для шпионажа. Но этот фактор почему-то не был учтён при репрессиях.

в какой последовательности они двигались от одной национальности к другой.

Анализ характера репрессивных мер не позволил выявить каких-то закономерностей. Высшую меру наказания получали в среднем 30–50 процентов репрессированных всех национальностей (в целом по области – 35,2 процента). Хотя некоторые исследователи данного периода отмечают, что около 50,4 процента от общего числа осуждённых в ходе «кулацкой операции» были обречены на смерть, в то время как в «национальных операциях» обычно более 70 процентов приговаривались к смертной казни.

Естественно, не совсем корректно называть репрессии этническими, поскольку от них в одинаковой мере страдали все народы, и количественно больше всех – русские. Однако этническое происхождение могло быть маркером для правоохранительных органов при принятии решений о репрессировании того или иного гражданина.

Безусловно, анализ мест арестов, характера предъявляемых обвинений, «объединение» дел в каждом отдельном случае позволит чётче понять мотивацию преследований по этническому признаку в Прикамье. Но эта работа требует отдельных исследований, выходящих за рамки данной работы. Здесь же следует признать, что в РСФСР второй половины 1930-х годов действительно проходили репрессии по этническому признаку, хотя они и не выходили за рамки «Большого террора». Эти операции против отдельных народов также можно считать частью национальной политики.

В целом национальная политика в 1930-е годы развивалась в русле политических процессов, характерных для всех сфер общественной жизни этого времени, самыми важными среди которых были сворачивание инициатив 1920-х годов, усиление контроля за населением и унификация общественной жизни. В сфере национальной политики эти процессы выразились в изменении статуса русских как «первых среди равных» народов СССР, закреплении «национальности» по рождению за каждым гражданином страны, объединении исторически близких этносов в более крупные группы. Своеобразным итогом политических изменений начала 1930-х годов стали этнически мотивированные репрессии 1937–1938 годов. Всё это можно проследить на примере Прикамья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать ряд обобщающих выводов. В работе на примере Пермского Прикамья рассмотрена проблема реализации государственной национальной политики 1918–1939 годов в регионах РСФСР с преимущественно русским населением. Очевидно, что представление о национальной политике, реализовывавшейся во всём СССР в этот период, значительно расширяется, если помимо ситуации в т. н. «национальных республиках» изучать и анализировать общественно-политические процессы, связанные с решением национального вопроса в тех регионах, где русские составляли большинство. Пермское Прикамье, занимающее преимущественно территорию современного Пермского края, является одним из таких регионов: по этническому составу оно было преимущественно русским, однако на его территории исторически сложились места компактного проживания татар, башкир, коми-пермяков, белорусов, эстонцев, немцев, удмуртов, марийцев, а позже – чувашей.

Через восприятие национальной политики как учёта этнического фактора при реализации общегосударственных кампаний и мероприятий на примере Прикамья сделана попытка определить границы национальной политики в таких регионах.

В работе впервые полностью реконструирована деятельность всех секций национальных меньшинств в составе бюро нацмен при Пермском губкоме. Доказано, что их деятельность была связана не с потребностями самих национальностей, а с текущими политическими задачами советской власти во внешней и внутренней политике, а также с необходимостью вербовки в Красную Армию новых бойцов и включения в советскую систему сформировавшихся до октября 1918 года этнических общественных объединений. В этой связи можно утверждать, что деятельность секций бюро носила искусственный характер, их создание часто не отражало реальные потребности населения. Неудачи с организацией национальных секций малочисленных народов могли стать одной из причин отказа от их поддержки и переориентации национальной политики в сторону более многочисленных народов. Между тем именно в этот период сформировались исторически оправданные формы общественной самоорганизации более крупных народов (коми-пермяков, татар, башкир, удмуртов), способствовавшие укреплению государственности, распространению светского образования, вовлечению населения многих отдалённых районов в советские модернизационные процессы.

Следует признать, что нет оснований видеть в реализации национальной политики, за исключением мест компактного проживания разных народов, системную работу. Управление национальной политикой не имело чёткой структуры, часто видоизменялось, органам власти не удавалось достичь поставленных задач из-за нехватки кадров и финансирования. Реализуемые мероприятия часто носили разовый характер, преследовали текущие политические задачи. Население также без энтузиазма воспринимало инициативы советской власти в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Активистами национально-культурного движения могли становиться и маргинальные элементы, с которыми были вынуждены сотрудничать на местах органы советской власти. Предлагаемые проекты получали распространение среди населения только в условиях духовной монополии большевистской идеологии и ликвидации не согласных с ней лидеров, выражавших общественное мнение. При этом ряд большевистских инициатив в итоге оказался удачным, так как отвечал запросам населения (например, издания средств массовой информации на родных языках, проведение праздника Сабантуй и др.).

После изучения большого корпуса не публиковавшихся ранее источников и введения в научный оборот новых документов в работе проанализирован процесс создания Коми-Пермяцкого округа. В целом дискуссии вокруг пермяцкого населения демонстрируют, насколько острым было противостояние «экономического» и «национального» блоков в ходе разработки новой административно-территориальной схемы управления страной. Для определения границ между Уральской областью и Башкирской АССР, например, даже понадобилось вмешательство центральных властей, которые для прекращения приграничных конфликтов вынуждены были закрепить строгие этнические, экономически и административно нецелесообразные, границы.

Если говорить о системе образования, то школы для национальных меньшинств, вопреки расхожему мнению, не находились в лучших по сравнению с русскими условиях. Как свидетельствуют источники, их содержание было сопряжено с целым рядом трудностей, как материальных, так и кадровых. Кроме этого, переосмысления и критического анализа требуют имеющиеся статистические данные и отчёты о сети национальных школ. Противоречивость статистических данных, воспоминания современников показывают, что многие из них существовали только на бумаге. Однако при всех условностях и сложностях необходимо признать, что именно в первые десятилетия советской власти сформировалась система образования на родных языках.

И это было сделано не только в национальных республиках, но и в регионах с преимущественно русским населением, каким было Прикамье. Этнокомпонент в образовании, обучение на родном языке и сегодня являются важными инструментами сохранения и развития национальной культуры народов Прикамья.

Колхозное и кооперативное движение в среде национальных меньшинств также сложно оценить однозначно. С одной стороны, для многих районов кооперация и коллективизация были сопряжены с позитивными модернизационными изменениями, улучшением жизни населения. С другой стороны, они привели к разрушению традиционного уклада экономики, а часто и общественной организации отдельных народов. При этом нельзя не отметить, что массовая коллективизация была необходима советской пропаганде, чтобы продемонстрировать преимущества советского строя и советской организации народного хозяйства. Политика по отношению к цыганам, нашедшая своё отражение в Прикамье в начале 1930-х годов, показывает, насколько местные органы власти были готовы идти на принятие заведомо экономически невыгодных решений, чтобы добиться вовлечения представителей разных национальностей в колхозное строительство.

Важным открытием стало и изучение влияния этничности переселенцев в Прикамье на общую социально-культурную ситуацию как в регионе в целом, так и в отдельных районах. Миграция чувашей в Прикамье в конце 1920-х годов не рассматривалась изначально как часть национальной политики, однако появление иноэтнического анклава спровоцировало активность органов власти, реализующих национальную политику. Так, возникли проблемы организации работы школ на родных языках, подготовки кадров для них и т. д. В целом этносоциальные последствия переселенческих кампаний конца 1920-х – начала 1930-х годов должны ещё быть изучены на уровне всей страны.

В ходе исследования проанализирована деятельность органов советской власти в Прикамье по коренизации аппарата и введению нового алфавита, критически осмыслена эффективность этой работы. Попытка внедрения нового латинского алфавита с последующим отказом от него и распространением кириллических алфавитов также демонстрирует противоречивость и в чём-то непоследовательность мероприятий национальной политики в РСФСР в рассматриваемый период. В целом попытки распространить родной язык на основе новой письменности не были приняты населением, целей коренизации удалось достичь только в части выдвижения на административную работу представителей местного населения. Но полученный опыт был использован при разработке и внедрении новых алфавитов на кириллической основе,

которые стали важным инструментом в сохранении родных языков народов России в XX веке.

На основании работы с личными делами составлена база репрессированных в 1935–1938 годах с учётом национальности. Доказано, что этническое происхождение было одним из факторов принятия решений о репрессиях в отношении отдельных граждан. А следовательно и репрессии могут быть рассмотрены как часть национальной политики. Кроме этого, анализ дат арестов позволил выявить реализацию на территории Прикамья «национальных операций», когда в ограниченный промежуток времени арестовывались целые группы лиц разных социальных статусов, а единственное, что их объединяло, была их этническая принадлежность (поляки, китайцы и корейцы, финны, болгары, латыши, эстонцы и т. д.).

Представляется, что ситуация с реализацией национальной политики в Прикамье могла быть характерна и для других регионов, где русские составляли большинство населения, а национальная культура не являлась экономическим или административным ресурсом для местных властей. В. Г. Чеботарёва в своей последней работе пишет, что «оценивая государственную национальную политику 1920–1930-х годов, нельзя не отметить важного обстоятельства: высший законодательный орган России – Президиум ВЦИК, как и Совет Национальностей ЦИК, оказались не способными обеспечить разработку теории национального вопроса в новых условиях, в соответствии с запросами времени»¹⁷¹. Местные органы власти не уделяли большого внимания национальному вопросу, часто пренебрегая им, а на уровне отдельных районов даже имели место случаи проявления русского национализма.

Однако именно идеи, подходы и инициативы 1920–1930-х годов заложили основы национально-территориального деления страны, доказавшего со временем свою историческую оправданность, именно в этот период были заложены те инструменты и управленческие механизмы, которые позволили национальным культурам и языкам народов сохраняться и развиваться в условиях резких модернизационных изменений XX века. И именно в таких территориях, как Прикамье, через национальную политику были заложены основы культуры межнационального диалога между разными народами, которые сегодня являются фундаментом общегражданской российской нации.

¹⁷¹ Чеботарёва В. Г. Национальная политика Российской Федерации... С. 803.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

1.1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1.1.1.1. Ф. Р-1235. Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и его подведомственные учреждения:

- Оп. 119. Д. 41. Дело об экономическом и культурном состоянии Коми-Пермяцкого округа;
- Оп. 140. Д. 931. Переписка с Уральским облисполкомом о неправильном обложении сельскохозяйственным налогом хозяйств нацменьшинств в Сивинском районе Пермского округа.

1.1.1.2. Ф. Р-1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР:

- Оп. 1. Д. 14. Протоколы заседаний Коллегии Наркомнаца № 21–27 за май 1922 г. (подлинные и черновые) и материалы к ним;
- Оп. 1. Д. 1247. Выписки из протоколов заседаний президиума Пермского губисполкома и докладные записки отдела нацменьшинств Коллегии Наркомнаца об организации Пермского подотдела при отделе национальностей Наркомнаца;
- Оп. 1. Д. 1340. Доклады и переписка Пермского губотнаца с организационно-инструкторским подотделом Наркомнаца о работе губотнаца.

1.1.1.3. Ф. Р-3316. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР):

- Оп. 19. Д. 251. О ликвидации Союза корейцев.

1.1.1.4. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР:

- Оп. 24а. Д. 48. Разная переписка Главного управления лагерей и трудовых колоний НКВД (ГУЛАГа) и Главного управления строительства Дальнего Севера (Дальстроя).

1.1.1.5. Ф. Р-5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного комитета:

- Оп. 2. Д. 222. Дело о включении областей, населённых пермяками, в состав автономной области Коми.

1.1.1.6. Ф. Р-6892. Комиссия Центрального Исполнительного комитета по районированию:

- Оп. 1. Д. 37. Отчет Комиссии ЦИК и ВЦИК по районированию. 1925 год.

1.1.1.7. Ф. 10026. Съезд народных депутатов РФ, Верховный Совет РФ и их органы:

– Оп. 4. Д. 1006. Аналитические справки, копии архивных документов по истории российских корейцев.

1.1.2. Российский государственный архив экономики

1.1.2.1. Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954. Управленческая документация ВПК при ЦИК СССР, Сектора земельных фондов и переселения Наркомата земледелия СССР, ВПК при СНК СССР, Переселенческого отдела Наркомата внутренних дел СССР, Бюро по сельскохозяйственному переселению Наркомата земледелия СССР:

– Оп. 1. Д. 2. Стенограмма 1 Всероссийского совещания работников по переселенческому делу 1927 г. Том 1;

– Оп. 1. Д. 7. Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928–1933 гг.;

– Оп. 1. Д. 154. Докладная записка инспектора ВПК по обследованию цыганского колхоза «Красный Восток» Красноуфимского района Свердловской области, сведения и переписка о переселении и хозяйственном устройстве цыган в Свердловской области и Кировском крае.

1.1.3. Российский государственный архив социально-политической истории

1.1.3.1. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991):

– Оп. 61. Д. 16. Протоколы заседаний Марийского центрального бюро, циркулярные письма агитпропотдела и бюро губкомам, комам, марийским секциям на местах о расстановке и использовании партийных работников, о финансовой дисциплине, об издательской работе и др.;

– Оп. 61. Д. 29. Протоколы 2 Всероссийской конференции коммунистов мари с материалами. Апрель 1921;

– Оп. 61. Д. 40. Протоколы заседаний, планы работ, письма, отчёты, доклады Марийской секции при Красноуфимском уезде РКП(б) Екатеринбургской губернии о состоянии партийной, культурно-просветительской работы среди населения мари, о проведении волостных партийных конференций и др.;

– Оп. 61. Д. 41. Отчёты, переписка марийской секции при ЦК РКП(б) с марийской секцией при Красноуфимском уезде РКП(б) Екатеринбургской губернии с информацией о 2 Всероссийской конференции коммунистов мари в г. Краснококшайске, о деятельности секции, о состоянии культурно-просветительской работы среди марийского населения на местах, журналы входящих и исходящих документов;

– Оп. 61. Д. 59. Статистические сведения об экономическом положении мари Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии.

1.1.4. Государственный архив Свердловской области

1.1.4.1. Ф. Р-7. Екатеринбургский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губисполком г. Екатеринбурга) (15.07.1919–19.12.1923):

Оп. 1. Д. 848. Материалы о проведении Всесоюзной переписи населения на территории Свердловской области.

1.1.4.2. Ф. Р-88. Исполнительный комитет Свердловского областного совета народных депутатов трудящихся (облисполком):

– Оп. 1. Д. 1610. Переписка с окрисполкомами и др. по вопросам о переселенцах;

– Оп. 1. Д. 4417. Материалы о результатах проверки колхоза «Красный Восток» Красноуфимского района Свердловской области. 1936–1937;

– Оп. 5. Д. 14. Справка по истории образования Екатеринбургской губернии и результатам советского строительства, о пользовании земельными угодиями в пределах Башкирии, рапорт участкового инструктора по Всероссийской переписи населения 1920 г., отчёт о деятельности Уральского областного отделения Роста, отчёт обсерватории и др.;

– Оп. 5. Д. 41. Переписка с окружными исполнительными комитетами по вопросу учёта состава нацменьшинств, проживающих в Уральской области, их культурном и материальном положении. 1924 г.;

– Оп. 5. Д. 42. Протоколы заседаний комиссии по работе среди нацмен при Уралоблисполкоме;

– Оп. 5. Д. 46. Переписка по расходованию средств из фонда нацменьшинств (с приложениями смет);

– Оп. 5. Д. 47. Переписка с вышестоящими организациями по вопросу присоединения Коми-Пермяцкого округа к Северному краю (имеется характеристика экономического и культурного состояния округа);

– Оп. 5. Д. 54. Материалы по районированию Коми-Пермяцкого округа;

– Оп. 5. Д. 55. Инструкции и переписка с центральными органами власти по вопросам содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни и наделении их землёй;

– Оп. 5. Д. 59. Доклады и отчёты Окрисполкомов и др. материалы о работе среди нацмен;

– Оп. 5. Д. 60. Материалы о работе среди нацмен Уральской области;

– Оп. 5. Д. 65. Материалы обследования, докладные записки, информационные сообщения о хозяйственном и культурном строительстве среди нацмен;

– Оп. 5. Д. 66. Газетные вырезки о работе среди нацменьшинств Уральской области;

– Оп. 5. Д. 68. Инструкция по введению родного языка и подготовке кадров специалистов, проспект генерального издательства народов СССР на татарском языке и др. материалы о работе среди нацмен по округам Уральской области;

– Оп. 5. Д. 69. Материалы обследования, доклады и информации о работе среди нацмен области;

– Оп. 5. Д. 70. Переписка с областными отделениями учреждений по вопросам хозяйственного, культурного и советского строительства в Коми-Пермяцком округе;

– Оп. 5. Д. 82. Переписка с окрпотребсоюзами и Уралколхозсоюзом об укреплении колхозов и потребкооперации в национальных районах;

– Оп. 5. Д. 89. Постановления Уралоблисполкома о хозяйственном и культурном укреплении национальных районов области;

- Оп. 5. Д. 91. Протоколы заседаний Бардымского районного исполнительного комитета;
- Оп. 5. Д. 96. Положение о районных комитетах и их уполномоченных по введению Октябрьского (нового) алфавита среди нацмен;
- Оп. 5. Д. 106. Материалы Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) к докладу о коренизации советских общественных организаций Коми-Пермяцкого округа;
- Оп. 5. Д. 114. Сведения о национальном составе населений районов Уральской области;
- Оп. 5. Д. 122. Положения об отделах национальных меньшинств при исполкомах, планы работы отдела среди нацмен при Уралоблисполкоме;
- Оп. 5. Д. 131. Переписка с райисполкомами и облисполкомами, отделами об улучшении работы среди нацмен, докладные записки о работе школ, статистические сводки о населении;
- Оп. 5. Д. 133. Протоколы областных конференций и совещаний нацмен работников;
- Оп. 5. Д. 135. Положение об отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов. Протоколы совещаний при отделе нацменьшинств Уралоблисполкома;
- Оп. 5. Д. 159. Сведения о национальном составе населения районов Уральской области;
- Оп. 5. Д. 164. Переписка с областными отделами и районными исполкомами о подготовке кадров из нацмен. Списки национальных районов, сельсоветов и колхозов;
- Оп. 5. Д. 169. Переписка Свердловского областного исполкома с областными земельными управлениями о работе среди нацмен в Куединском районе.

1.1.5. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ)

1.1.5.1. Ф. 2. Пермский окружной комитет ВКП(б), Уральская область:

- Оп. 1. Д. 189. Статотчёты по пермскому горрайкому по составу парторганизаций и по учёту национальных меньшинств (татар и башкир) коммунистов округа;
- Оп. 1. Д. 220. Доклад о работе среди татбаш молодёжи за 1924–26 годы по стране;
- Оп. 1. Д. 232. Указания ЦК и Уралобкома по работе среди нацмен;
- Оп. 1. Д. 236. Доклады и отчёты о деятельности окружного татбашбюро, отчёты отдела агитации и пропаганды;
- Оп. 1. Д. 237. Протоколы и резолюции по докладу татбашбюро на Первой окружной конференции коммунистов (татаро-башкир);
- Оп. 1. Д. 242. Протоколы беспартийной конференции, детконференций татаробашкир и доклады об их проведении;
- Оп. 1. Д. 244. Переписка с учреждениями города по нацменработе;
- Оп. 1. Д. 267. Резолюция 4 объединенного пленума Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) и окрисполкома 15–18 июня 1933 г.;
- Оп. 1. Д. 339. Сборник материалов по районированию Урала, составленный областной секцией районирования;

– Оп. 1. Д. 347. Постановления Президиума ВЦИК об утверждении границ, центров и составов округов Уральской области.

1.1.5.2. Ф. 156. Верхне-Камский окружной комитет ВКП(б):

– Оп. 1. Д. 17. Протоколы заседаний ревизионной комиссии, заседания оргбюро по организации Пермского округа;

– Оп. 1. Д. 249. Областное совещание партработников нацмен. Отчёты РК ВКП(б) и резолюции окружных и областных совещаний о работе среди нацмен;

– Оп. 1. Д. 335. Указания Уралобкома и переписка с ним окружкома по организационной партийной работе, о работе среди нацменьшинств, о кооперации и другим вопросам. Выписки из протоколов Уралобкома о работе комитетов. Итоги райпартконференции по округу. Письмо ЦК ВКП(б) о Коми-Пермяцком крае.

1.1.5.3. Ф. 641. Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учёта в ИЦ УВД Пермского облисполкома, 1918–1991 гг.

1.1.5.4. Ф. 643. Архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. и Закону РСФСР от 18.10.1991 г.

1.1.5.5. Ф. 820. Усольский Уком РКП(б):

– Оп. 1. Д. 21. Протоколы заседаний Президиума Укома РКП(б);

– Оп. 1. Д. 24. Протоколы заседаний тройки агитпропа укома РКП(б) и объединённой конференции членов РКП(б) пермяков Кудымкарского района.

1.1.6. Государственный архив Пермского края

1.1.6.1. Ф. Р-19. Исполнительный комитет Пермского губернского совета:

– Оп. 1. Д. 341. Протокол административной комиссии по выделению Пермского края, Кольского и Чердынского уездов по созданию автономной области «КОМИ». Карты северной части Пермской губернии;

– Оп. 1. Д. 342. Отчёт о состоянии Троицко-Печерской школы 1 ст. к моменту сдачи Печерского края в область «КОМИ» Усть-Куломского уезда. Акты от 6 июня 1922 г. передачи административных единиц Печерского края, Чердынского уезда Пермской губернии и другие губернии.

1.1.6.2. Ф. Р-945. Отдел Центрального комиссариата по еврейским национальным делам при исполнительном комитете Пермского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

– Оп. 1. Д. 1. Воззвания Пермского еврейского комиссариата и Военного отдела Пермского окружного комиссариата по делам мусульман с призывом вступить в западную дивизию на защиту Латвии, Польши, Украины, Татаро-Башкирской республики от белогвардейских контрреволюционных сил, о вступлении в ряды Красной Армии;

– Оп. 1. Д. 3. Протоколы заседаний Пермского отдела Центрального комиссариата, проект временной инструкции об отделах народного комиссариата по

национальным делам, инструкция комиссарам, отправляющимся в провинцию, и комиссарам провинциальных отделов;

– Оп. 1. Д. 4. Протоколы собраний еврейских рабочих г. Перми и докладная записка Пермского отдела Центрального комиссариата по еврейским делам Военному совету Штаба III армии о переводе уезжающих красноармейцев уроженцев Литвы в Западную дивизию; раздаточные ведомости на выдачу заработной платы (л. 169) и удостоверения личности, выданные сотрудниками отдела;

– Оп. 1. Д. 6. Протоколы заседаний еврейского рабочего клуба III Интернационала и устав этого клуба;

– Оп. 1. Д. 11. Отчёт о деятельности, смета расходов на содержание и оборудование еврейского рабочего клуба «III Интернационала» за октябрь – ноябрь 1918 года и переписка с Еврейским национальным комиссариатом, отделом Пермского горисполкома по вопросам культурно-просветительской работы;

– Оп. 1. Д. 13. Переписка с Пермским губернским исполкомом и др. организациями о формировании 5-го Виленского стрелкового полка на беженцев и уроженцев Литвы;

– Оп. 1. Д. 19. Списки лиц, подлежащих единовременному обложению в пользу отдела Центрального комиссариата по еврейским делам, и заявления об освобождении от обложения.

1.1.7. Коми-Пермяцкий окружной государственный архив

1.1.7.1. Ф. Р-20. Окружной исполнительный комитет совета крестьянских и рабочих депутатов:

– Оп. 1. Д. 55. Итоги Всесоюзной переписи населения по Коми-Пермяцкому округу;

– Оп. 1. Д. 57. Материалы по празднованию первой и третьей годовщины образования Коми-Пермяцкого округа (телеграммы, протоколы, письма);

– Оп. 1. Д. 71. Протоколы Второго Коми-Пермяцкого окружного съезда советов;

– Оп. 1. Д. 232. Материалы по комизации в округе и работа советов среди национальностей.

– Оп. 1. Д. 267. Резолюция 4 Объединённого Пленума Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) и окрисполкома, 15–18 июня 1933 г.;

1.1.7.2. Ф. Р-29. Тараканов Ф. Г.:

– Оп. 1. Д. 10. Тараканов Ф. Г. Автобиография. Машинопись;

– Оп. 1. Д. 15. Тараканов Ф. Г. Коми-Пермяцкая трудовая коммуна. 1956 год;

– Оп. 1. Д. 28. Протокол объединённой конференции членов РКП(б) пермяков Кудымкарского и Косинского районов и пермяков Вятской губернии;

– Оп. 1. Д. 29. Протокол Второго Съезда культурных сил Коми-Пермяцкого края с 9 по 12 января 1925 г.;

– Оп. 1. Д. 69. Материалы ЦГАОР о выделении пермяцких волостей в Коми автономную область;

– Оп. 1. Д. 121. Ф. Г. Тараканов. «О включении пермяков в автономную область Коми»;

– Оп. 1. Д. 159. Ф. Г. Тараканов. «Борьба за возрождение коми и коми-пермяцкого народов». 1972 г.

1.1.8. Управление по делам архивов г. Сарапула

1.1.8.1. Ф. Р-20. Сарапульский окружной союз потребительских обществ «Окрпотребсоюз»:

– Оп. 1. Д. 148. Материалы о работе потребкооперации округа среди бедноты и национальных меньшинств 9 октября – 18 июня 1929.

1.1.8.2. Ф. Р-107. Сарапульское окружное земельное управление:

– Оп. 1. Д. 12. Документы по установлению границ между автономными республиками, протоколы, определения, заявления, акты, доклады, ведомости, сведения, отчёт за 1923–1924 гг.;

– Оп. 1. Д. 16. Документы о передаче лесных площадей Михайловского лесничества и кармановской дачи и установления границ между Башкирской республикой и Уральской областью. Опись, заявление, акт, схема, чертёж, выписка, протокол за 1924–1925 годы;

– Оп. 1. Д. 47. Карты Сарапульского округа Уральской области.

1.1.8.3. Ф. Р-203. Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

– Оп. 1. Д. 81. Переписка с Уральским областным отделом народного образования по вопросу организации учебного процесса в национальных школах округа. 1924–1925 год;

– Оп. 1. Д. 381. Статистические сведения о численности, национальности учащихся, наличии библиотек в школах 1 ступени округа за 1927/1928 годы.

1.1.8.4. Ф. Р-210. Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО):

– Оп. 1. Д. 286. Статистический отчёт подотдела национальных меньшинств Осинского уезда за 1922–1923 год. Сводные статистические сведения Осинского уоно по школьному образованию нацменьшинств за 1922–1923 год. Ежемесячные ведомости отдела по учёту учреждений для национальных меньшинств и о числе работников нацменьшинств за 1923 год.

1.1.8.5. Ф. Р-211. Окружное статистическое бюро:

– Оп. 1. Д. 95. Сводка о количестве национальных меньшинств в округе.

1.1.9. Государственный архив в г. Красноуфимске

1.1.9.1. Ф. Р-395. Отдел народного образования. Красноуфимский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

– Оп. 1. Д. 26. Список дел марийской секции в подотделе национальных меньшинств при Красноуфимском уездном отделе народного образования.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Делопроизводственные документы и нормативно-правовые акты

1.2.1.1. 21 июня. Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам о пленных и беженцах // Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Политиздат, 1959. – С. 247.

1.2.1.2. ВКП(б). Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). – Свердловск, 1927; ВКП(б). Уральская областная организация: Совещание партработников национальных меньшинств. – Свердловск, 1927; Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала, 17–20 декабря 1927. – Свердловск, 1928.

1.2.1.3. Декрет СНК от 21 января 1918 г. «О Комиссариате по еврейским делам» // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – С. 274.

1.2.1.4. Декрет об учреждении Комиссариата по мусульманским делам // Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 – 25 марта 1918 года. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1957. – С. 367.

1.2.1.5. Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике [Электронный ресурс]. Leninism.su. URL: <https://leninism.su/works/115-conspect/4248-v-i-lenin-o-natsionalnom-voprose-i-natsionalnoj-politike.html?start=13> (дата обращения: 31.10.2019).

1.2.1.6. Национальный вопрос в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б) (к 30-летию партии) // Революция и национальности. – 1933. – № 10. – С. 79–96.

1.2.1.7. Национальный вопрос в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б) (к 30-летию партии) // Революция и национальности. – 1933. – № 11. – С. 99–120.

1.2.1.8. Немцы в Прикамье. XX век. Сборник документов и материалов в 2-х т. Т. 1. Книга 1. Архивные документы. – Пермь: Пушкин, 2006. – С. 17–19.

1.2.1.9. Оперативный приказ НКВД от 30.07.1937 № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [Электронный ресурс]. Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». URL: <http://old.memo.ru/history/document/0447.htm> (дата обращения: 29.08.2019).

1.2.1.10. Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению. – М.: Народный комиссариат земледелия, 1927. – 360 с.

1.2.1.11. Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). – Свердловск: Уралполиграф, 1927. – 19 с.

1.2.1.12. Положение о местных статистических управлениях // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1918. – № 55. – Ст. 611.

1.2.1.13. Постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» // Вестник Временного правительства. – 1917. – 21 июля.

1.2.1.14. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.10.1926 «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни»

ни» [Электронный ресурс]. КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0> (дата обращения: 20.10.2017).

1.2.1.15. Постановления Губернского исполнительного Комитета Советских Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов. 1918. 3 июля. № 7 // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 3 июля.

1.2.1.16. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Отчёт о деятельности. 1 ноября 1917 – 20 июня 1918 года / Нар. комиссариат по делам национальностей. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 47 с.

1.2.1.17. *Сталин И. В.* Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 года // И. В. Сталин Сочинения. Т. 5. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 44.

1.2.1.18. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.

1.2.1.19. *Сталин И. В.* Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII Съезда партии по национальному вопросу. Доклад по второму пункту порядка 10 июня // И. В. Сталин. Сочинения. Т. 5. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 323.

1.2.1.20. *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б) // Правда. – 1921. – 10 фев.

1.2.1.21. Тайна национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчёт секретного 4 совещания ЦК РУКП(б). – М.: Инсан, 1992. – 296 с.

1.2.1.22. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М.: РОССПЭН, 2004. – 728 с.

1.2.2. Статистические и справочные материалы

1.2.2.1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV.: Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. – М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1928. – С. 106–147.

1.2.2.2. Населённые пункты Башкортостана. Ч. III. Башкортостан, 1926. – Уфа: Китап, 2002. – 400 с.

1.2.2.3. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион / сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 600 с.

1.2.2.4. Изменения административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. по 1924 г. по материалам НКВД / сост. С. И. Сулькевич. – Л.: Известия Северо-западного областного отделения Главной конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 120 с.

1.2.2.5. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. IV. Побочные занятия городского населения. Несамодеятельное население по занятиям самодеятельных (кормильцев). Национальный состав населения. Итоги переписей семей // Труды Центрального статистического управления СССР. Отдел демографии. Т. 20. Ч. 4. – М.: ЦСУ СССР, 1927. – 229 с.

1.2.2.6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская,

Подольская. – СПб.: Центр стат. Ком. Министерства внутренних дел, 1904. – 259 с.

1.2.2.7. Распределение населения обоего пола в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 года // Статистический сборник. – Оханск, 1923. – С. 38–39.

1.2.2.8. Справка об изменениях административно-территориального деления // Фонды Государственного архива Пермской области. Краткий справочник. – Пермь, 1997. – С. 245–247.

1.2.2.9. Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. [Текст] // Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 5. – М.: ЦСУ СССР, 1924. – С. 48–50.

1.2.2.10. Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. / под ред. В. С. Немчикова, П. Ф. Неволлина. – Свердловск: Изд-во Уральского областного исполнительного комитета, 1925. – С. 38–39.

1.2.3. Источники личного происхождения

1.2.3.1. Тараканов Ф. Г. Борьба за округ. Стихи и воспоминания. – Кудымкар: Пермское книжное издательство, Коми-Пермяцкое отделение, 1990. – 96 с.

1.2.3.2. Тараканов Ф. Г. Как это было // Наш край. – 1986. – № 6. – С. 17–22.

1.2.3.3. Тараканов Ф. Г. Путь к свету. В буднях великих строек // Воспоминания строителей социализма. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1967. – С. 231–233.

1.2.4. Периодическая печать

1.2.4.1. 7-го августа созывается беспартийная конференция национальных меньшинств // Звезда. – 1921. – 5 авг.

1.2.4.2. Агитаторские курсы для мусульман г. Перми // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 11 окт.

1.2.4.3. Аресты немецких и австрийских представителей // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 14 нояб.

1.2.4.4. Беспартийная конференция мусульман // Звезда. – 1921. – 19 апр.

1.2.4.5. Брошюры на эстонском языке // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 10 окт.

1.2.4.6. Венгры – борющимся // Звезда. – 1920. – 31 июля.

1.2.4.7. Вниманию еврейских рабочих // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 23 нояб.

1.2.4.8. Вниманию латышей // Звезда. – 1921. – 4 фев.

1.2.4.9. Вниманию латышей // Звезда. – 1921. – 21 окт.

1.2.4.10. Вниманию поляков // Звезда. – 1921. – 13 сент.

1.2.4.11. Вотская лекция // Звезда. – 1921. – 25 янв.

1.2.4.12. Вотский митинг // Звезда. – 1920. – 10 авг.

1.2.4.13. Всем военным, партийным и гражданским организациям // Звезда. – 1921. – 26 фев.

1.2.4.14. Всем революционным социалистическим китайцам // Звезда. 1921. – 30 июня.

1.2.4.15. Губисполком у железнодорожников // Звезда. – 1921. – 20 марта.

1.2.4.16. Губэвак извещает // Звезда. – 1921. – 19 нояб.

1.2.4.17. Занятие китайского посольства Союзом китайских рабочих // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 134.

1.2.4.18. Из жизни женщин мусульманок // Звезда. – 1921. – 17 сент.

1.2.4.19. Извещение // Звезда. – 1921. – 9 марта.

1.2.4.20. Извещения // Звезда. – 1918. – 20 апр.

1.2.4.21. Извещения // Звезда. – 1920. – 14 июля.

1.2.4.22. Извещения // Звезда. – 1920. – 16 июля.

1.2.4.23. Извещения // Звезда. – 1920. – 18 июля.

1.2.4.24. Извещения // Звезда. – 1920. – 26 нояб.

1.2.4.25. Извещения // Звезда. – 1920. – 30 июня.

1.2.4.26. Извещения // Звезда. – 1921. – 1 марта.

1.2.4.27. Извещения // Звезда. – 1921. – 10 авг.

1.2.4.28. Извещения // Звезда. – 1921. – 10 марта.

1.2.4.29. Извещения // Звезда. – 1921. – 11 окт.

1.2.4.30. Извещения // Звезда. – 1921. – 12 марта.

1.2.4.31. Извещения // Звезда. – 1921. – 12 янв.

1.2.4.32. Извещения // Звезда. – 1921. – 16 марта.

1.2.4.33. Извещения // Звезда. – 1921. – 20 фев.

1.2.4.34. Извещения // Звезда. – 1921. – 23 фев.

1.2.4.35. Извещения // Звезда. – 1921. – 25 янв.

1.2.4.36. Извещения // Звезда. – 1921. – 26 июля.

1.2.4.37. Извещения // Звезда. – 1921. – 26 марта.

1.2.4.38. Извещения // Звезда. – 1921. – 26 фев.

1.2.4.39. Извещения // Звезда. – 1921. – 29 апр.

1.2.4.40. Извещения // Звезда. – 1921. – 3 сент.

1.2.4.41. Извещения // Звезда. – 1921. – 5 авг.

1.2.4.42. Извещения // Звезда. – 1921. – 6 апр.

1.2.4.43. Извещения // Звезда. – 1920. – 1 окт.

1.2.4.44. Извещения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 13 нояб.

1.2.4.45. Извещения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 16 нояб.

1.2.4.46. Извещения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 20 апр.

1.2.4.47. Извещения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 20 окт.

1.2.4.48. Извещения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 24 окт.

1.2.4.49. Извещения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 6 дек.

1.2.4.50. К сведению украинцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. – 1918. – 4 июня.

1.2.4.51. К сведению украинцев Перми и окрестных заводов // Звезда. – 1921. – 18 июня.

1.2.4.52. К товарищам гражданам евреям // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 окт.

1.2.4.53. Комиссариат по делам мусульман в Кунгуре // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 июня.

1.2.4.54. Комиссия хорового пения // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 11 июля.

- 1.2.4.55. Комитет Польской группы РКП (большевиков) // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 окт.
- 1.2.4.56. Коммунистам мусульманам // Звезда. – 1921. – 7 апр.
- 1.2.4.57. Конференция женщин мусульманок // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 27 янв.
- 1.2.4.58. Латыши против белой Латвии // Звезда. – 1920. – 26 июня.
- 1.2.4.59. Латышская школа // Звезда. – 1920. – 1 сент.
- 1.2.4.60. Латышский культурно-просветительский клуб «Цыня» // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 9 июня.
- 1.2.4.61. *Лебедев В.* Великий русский народ – выдающаяся нация // Правда. – 1945. – 7 июля.
- 1.2.4.62. Местная жизнь // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 12 окт.
- 1.2.4.63. Митинг для татар // Звезда. – 1921. – 18 марта.
- 1.2.4.64. Митинг мусульман // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 18 окт.
- 1.2.4.65. Мусульмане – голодающим // Звезда. – 1921. – 10 окт.
- 1.2.4.66. Мусульманская конференция // Звезда. – 1921. – 4 марта.
- 1.2.4.67. Мусульманские курсы просвещения // Звезда. – 1921. – 5 янв.
- 1.2.4.68. О культурной деятельности латышских рабочих // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 31 янв.
- 1.2.4.69. От пермского комиссариата по мусульманским делам // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 июня.
- 1.2.4.70. Открытие мусульманской семинарии // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 15 нояб.
- 1.2.4.71. Памяти товарищей // Звезда. – 1921. – 10 марта.
- 1.2.4.72. Перерегистрация коммунистов-поляков // Звезда. – 1921. – 25 марта.
- 1.2.4.73. Пермский вестник. – 1917. – 27 июня.
- 1.2.4.74. Пермский уездный съезд мусульманской бедноты // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 15 нояб.
- 1.2.4.75. Пермячки за работой // Звезда. Красная труженица. – 1920. – 2 июля.
- 1.2.4.76. Пленум губкома // Звезда. – 1921. – 11 фев.
- 1.2.4.77. *Плешков В. А.* Мероприятия обисполкома по обслуживанию нужд нацменьшинств // Известия Уральского обкома РКК и КД. – 1927. – № 9–10. – С. 11–13.
- 1.2.4.78. Подарки для бывших военнопленных // Звезда. – 1921. – 25 мая.
- 1.2.4.79. Подготовка рабочих и крестьян мусульман к празднованию годовщины революции // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 18 окт.
- 1.2.4.80. Показали свою солидарность // Звезда. – 1921. – 7 мая.
- 1.2.4.81. Полякам коммунистам // Звезда. – 1921. – 2 апр.
- 1.2.4.82. Призыв украинцев // Красный Урал. – 1920. – 20 мая.
- 1.2.4.83. Провокация кулаков и остатков эсеровщины // Пахарь. – 1924. – 8 окт.
- 1.2.4.84. Работа мусульманок // Звезда. Красная труженица. – 1920. – 2 июля.

- 1.2.4.85. Седьмая Пермская губернская конференция // Звезда. – 1921. – 27 фев.
- 1.2.4.86. Собрание коммунистов вотяков // Звезда. – 1921. – 4 марта.
- 1.2.4.87. Сотрем подлых убийц // Звезда. – 1920. – 29 июня.
- 1.2.4.88. Среди еврейских пролетариев // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 4 июля.
- 1.2.4.89. Среди красноармейцев вотяков // Звезда. Красный солдат. – 1920. – 18 нояб.
- 1.2.4.90. Среди красноармейцев-мусульман (работа парохода «Красный Урал») // Звезда. – 1920. – 5 окт.
- 1.2.4.91. Среди латышей // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 фев.
- 1.2.4.92. Среди мусульман (Чусовской завод) // Звезда. – 1920. – 1 нояб.
- 1.2.4.93. Среди мусульман // Звезда. – 1921. – 24 апр.
- 1.2.4.94. Среди мусульман // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 26 окт.
- 1.2.4.95. Среди прибывающих // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 7 дек.
- 1.2.4.96. Среди рабочих мусульман // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 23 сент.
- 1.2.4.97. Субботник пермячек // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 5 мая.
- 1.2.4.98. Субботник работниц татарок // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 16 марта.
- 1.2.4.99. У женщин мусульманок // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 18 окт.
- 1.2.4.100. Украинская секция при губкоме // Звезда. – 1920. – 3 июля.
- 1.2.4.101. Хроники Эстонского рабочего клуба // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 9 июня.
- 1.2.4.102. Эстонские коммунисты // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 17 июля.

2. Литература

- 2.1. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983. – 160 p.
- 2.2. *Beissinger M.* Soviet Empire as “Family Resemblance” // *Slavic Review*. – 2006. – Vol. 65. – PP. 294–303.
- 2.3. *Brandenberger D., Zelenov M. V.* Stalin’s answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // *Slavic Review*. – 2014. – Vol. 4. – PP. 859–880.
- 2.4. *D’Encausse H. C.* The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. – New York: Basic books, 1992. – 304 p.
- 2.5. *Fowkes B.* The disintegration of the Soviet Union: A study in the Rise and Triumph of Nationalism. – New York: Palgrave Macmillan, 1997. – 273 p.
- 2.6. *Hirsch F.* Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. – Cornell university press, Ithaca and London, 2005. – 368 c.

2.7. *Jääts I.* "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s // Nationalities Papers. – 2012. – Vol. 40. – PP. 241–257.

2.8. *Simon G.* Nationalism and Policy toward Nationalities in the Soviet Union. – Boulder, Colo: Westview Press, 1991. – 483 p.

2.9. *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. – 1994. – Vol. 53. – PP. 414–452.

2.10. *Smith J.* The Bolsheviks and The National Question. 1917–23. – Houndmill: Palgrave Macmillan UK, 1999. – 304 p.

2.11. *Suny S.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. – Stanford: Stanford university press, 1993. – 224 p.

2.12. Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. по 1924 г. по материалам НКВД // сост. С. И. Сулькевич. – Л.: Известия Северо-западного областного отделения Главной конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 300 с.

2.13. *Аникст А. А.* Организация и распределение рабочей силы в 1920 году. – М.: Агит.-изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т., 1920. – 124 с.

2.14. *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 229–239.

2.15. *Бачев Г. Т.* Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник. 2-е изд. – Кудымкар: Пермское книжное издательство. Коми-Пермяцкое отделение, 1975. – 167 с.

2.16. *Брандербергер Д.* Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. – М.: РОССПЭН, 2017. – 367 с.

2.17. *Бриль М.* Трудящиеся цыгане – в ряды строителей социализма // Революция и национальности. – 1932. – № 7. – С. 60–66.

2.18. *Бромлей Ю. В.* К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская этнография. – 1989. – № 6. – С. 3–17.

2.19. *Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х.* «Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). – Майкоп: АРИГИ, 2002. – 235 с.

2.20. *Бурмистрова Т. Ю.* Зёрна и плевелы: национальная политика в СССР. 1917–1984. – СПб.: б. и., 1993. – 163 с.

2.21. *Бурмистрова Т. Ю.* Национальная политика КПСС: очерк историографии. – М.: Политиздат, 1981. – 255 с.

2.22. *Вайман Д. И., Каменских М. С.* Узбеки Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2016. – 64 с.

2.23. *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. – М.: Вече, 2013. – 624 с.

2.24. *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. – 2002. – № 3. – С. 3–54.

2.25. *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике. XX век. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1998. – 448 с.

2.26. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.

- 2.27. *Генкель А. Г.* Пермь и область Коми: По вопросу о претензии области народа Коми на 19 волостей Пермской губернии с пермяцким населением // Экономика. – 1923. – № 6. – С. 57–59.
- 2.28. *Генкина Э. Б.* Образование СССР. – М.: Госполитиздат, 1948. – 180 с.
- 2.29. *Гранде Б.* Список народностей СССР // Революция и национальности. – 1936. – № 4. – С. 74–85.
- 2.30. *Губогло М. Н., Сафин Ф. Г.* Принудительный лингвизм: социо-лингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы. – М.: ЦИМО, 2000. – 316 с.
- 2.31. *Густерин П. В.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 92–93.
- 2.32. *Деметер Н. Г.* История цыган – новый взгляд / Н. Г. Деметер, Н. В. Бессонов, В. К. Кутенков. – Воронеж: ИЭА, 2000. – 334 с.
- 2.33. *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР (ист.-социол. очерк межнац. отношений). – М.: Мысль, 1981. – 263 с.
- 2.34. *Зингер Л.* К вопросу о социально-производственной характеристике народностей в переписи населения // Революция и национальности. – 1936. – № 4. – С. 72–74.
- 2.35. *Зорин В. Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века.: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2018. – 251 с.
- 2.36. *Зорин В. Ю.* Современные проблемы и перспективные векторы реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Вопросы культурологии. – 2016. – № 7. – С. 10–18.
- 2.37. *Зорин В. Ю.* Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2002. – 64 с.
- 2.38. *Зубов Ю. П.* Торжество ленинской национальной политики // Наш край. – 1986. – С. 6–14.
- 2.39. *Иващенко В. И.* Цыганские судьбы. История, труд, этнография. – Ростов-на-Дону: Дониздат, 2011. – 196 с.
- 2.40. Интернационалисты в боях за власть советов [Сб. статей] / под ред. А. Клеванского. – М.: Мысль, 1965. – 398 с.
- 2.41. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов на Юге и Востоке Республики [Сб. статей] / отв. ред. А. Я. Манусевич. – М.: Наука, 1971. – 286 с.
- 2.42. *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 255 с.
- 2.43. История Коми АССР / под ред. И. Б. Бехрина. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1981. – 480 с.
- 2.44. История Коми с древнейших времён до современности. Т. 2. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – 688 с.
- 2.45. История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978: в 2 томах / под ред. В. П. Шерстобитова. Т. 1. Национально-го-

сударственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). – М.: Мысль, 1979. – 422 с.

2.46. История Урала в период капитализма. – М.: Наука, 1990. – 504 с.

2.47. История Урала с древнейших времён до наших дней / под общ. ред. И. С. Ожеговой, Н. Н. Попова. – Екатеринбург: Сократ, 2006. – 496 с.

2.48. *Кабацков А. Н., Федотова И. Ю.* «Пишите то, что я приказываю». Особенности массовой репрессивной операции по приказу 0047 в г. Краснокамске [Электронный ресурс]. Российский историко-архивоведческий журнал «Вестник архивиста». URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1182-lpishite-to-chto-ia-prikazyvaur-osobennosti-massovoi-repressivnoi-operacii-po-prikazu-00447-v-g.html> (дата обращения: 20.12.2019).

2.49. *Калинина К. В.* Национальные отношения в СССР: история и современность. – М.: АОН, 1991. – 184 с.

2.50. *Калтагчан С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 461 с.

2.51. *Каменских М. С.* Азербайджанцы Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2016. – 64 с.

2.52. *Каменских М. С.* Армяне Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2015. – 64 с.

2.53. *Каменских М. С.* Герой Гражданской войны на Урале Жен Фучен: красный командир и настоящий китаец // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всерос. науч. конф. молодых учёных, аспирантов и студентов (Пермь, Перм. гос. ун-т, 4–8 февраля 2010 г.) / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – С. 81–84.

2.54. *Каменских М. С.* Грузины Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2015. – 64 с.

2.55. *Каменских М. С.* Дискуссии о создании Пермского края в политике Пермского губкома ВКП(б) и пермяцких общественных активистов в 1921–1922 годах // Финно-угорский мир в культуре России: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (18–19 апреля 2018 г., г. Кудымкар, Пермский край). – Часть 1. – Кудымкар, 2018. – С. 34–42.

2.56. *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. – СПб.: Маматов, 2011. – 351 с.

2.57. *Каменских М. С.* Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: Маматов, 2014. – 192 с.

2.58. *Каменских М. С.* Корейцы Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2016. – 64 с.

2.59. *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. – М.: Традиция-Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

2.60. *Килин А. П.* Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2005. Вып. 5. – С. 187–226.

2.61. *Килин А. П.* Создание цыганских колхозов на Урале: интересы сторон // Материалы конф.: Четвёртые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 года. – Екатеринбург, 2002. – С. 261–264.

- 2.62. *Козлов В. И.* Национальности в СССР: этнодемографический обзор. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.
- 2.63. Коми-Пермяцкий национальный округ: Страницы истории: пособие для учащихся средних школ. – Кудымкар: Пермское книжное издательство. Коми-Пермяцкое отделение, 1988. – 149 с.
- 2.64. Коми-Пермяцкий округ: век XX / сост. Ю. П. Зубов. – Пермь: Горт, 2001. – 247 с.
- 2.65. *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Учебное пособие. – Кудымкар: Филиал Удмуртского государственного университета в г. Кудымкаре, 2004. – 344 с.
- 2.66. *Коньшин А. Е.* Коми-пермяки. – Кудымкар: Алекс-принт, 2008. – 250 с.
- 2.67. *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: начало 1917 – декабрь 1991 г. – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
- 2.68. *Корнилов Г. Е.* Национальный состав населения Урала в первой половине XX века // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. – Оренбург, 1998. – С. 42–45.
- 2.69. *Корчагин П. А.* Губернская столица Пермь. – Пермь: Книжный мир, 2006. – 317 с.
- 2.70. *Красовицкая Т. Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР, 1917–1925 гг. – М.: Наука, 1992. – 298 с.
- 2.71. *Красовицкая Т. Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х гг. – М.: ИРИ, 1998. – 414 с.
- 2.72. *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 г.). Документы и материалы. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. – 446 с.
- 2.73. *Красовицкая Т. Ю.* Организация научной базы национально-культурной политики в РСФСР (1917–1927 гг.) // Великий октябрь и опыт культурного строительства в СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 44–58.
- 2.74. *Кривощёков А. М.* Школа на новом этапе // Наш край. – 1986. – № 6. – С. 69–74.
- 2.75. *Курманов Н. Н.* III Всероссийское совещание работников среди национальных меньшинств // Революция и национальности. – 1934. – № 4. – С. 80–86.
- 2.76. *Лазерсон М. Я.* Национальность и государственный строй. – Петроград: Книга, 1918. – 187 с.
- 2.77. *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. – СПб.: Европейский дом, 2010. – 336 с.
- 2.78. *Лебедев Ф.* Народность и грамотность населения Уральской области по переписи 1926 года // Хозяйство Урала. – 1928. – № 1. – С. 160–167.
- 2.79. *Лейбович О. Л.* «Включён в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 430 с.
- 2.80. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях / ред. колл.: П. Н. Федосеев и др. – М.: Политиздат, 1972. – 566 с.
- 2.81. *Лубны-Герцык Л. И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М.: Плановое хозяйство, 1926. – 124 с.

2.82. *Макарова Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей 1917–1923 гг. Исторический очерк. – М.: Наука, 1987. – 172 с.

2.83. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 664 с.

2.84. *Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. – М.: Форум, 2013. – 304 с.

2.85. Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области: в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Центр по изуч. межнац. отношений. – М., 1996–2001. Том 1. 3–4.

2.86. *Муравьев Г.* Десятилетие Коми автономной области // Революция и национальности. – 1931. – № 3. – С. 42–43.

2.87. *Мусинова И. А.* Советская национальная политика в 1920-е гг. на примере деятельности «Корейского национального союза» и «Союза корейских рабочих» г. Свердловска / И. А. Мусинова, Лим Сонгдже // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Вып. 7. – С. 59–63.

2.88. Народы Пермского края. Истоки. Становление. Развитие: научно-популярная энциклопедия. – Пермь: От и До, 2010. – 141 с.

2.89. Народы Пермского края: история и этнография. Том 2. / Д. И. Вайман, Т. Г. Голева, М. С. Каменских, С. А. Шевырин, А. В. Черных (науч. рук.). – Пермь: Пущка, 2014. – 424 с.

2.90. Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. – СПб.: Маматов, 2014. – С. 39–82.

2.91. Национальная политика КПСС: очерк историографии / Т. Ю. Бурмистрова, Е. А. Зайцева, И. З. Захарова, Е. И. Шурыгина. – М.: Политиздат, 1981. – 256 с.

2.92. Национальная политика России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997. – 678 с.

2.93. Национальная политика России: история и современность: монография / Н. А. Ткачёва, В. В. Шалин. Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет». – Тюмень: ТИУ, 2018. – 166 с.

2.94. Национальный вопрос и советская Россия. – М.: Народный комиссариат по делам национальностей, 1921. – 91 с.

2.95. *Ненароков А. П.* К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. – М.: Наука, 1991. – 272 с.

2.96. Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. – Казань: Центр исследования Национализма и Империй, 2004. – 652 с.

2.97. Основные направления изучения национальных отношений в СССР / отв. ред. М. И. Куличенко. – М.: Наука, 1979. – 319 с.

- 2.98. Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС / отв. ред. И. И. Грошев. – М.: Мысль, 1975. – 342 с.
- 2.99. *Пайнс Р.* Русская революция. Книга 3. Россия под большевиками 1918–1924 гг. / пер. М. Тименчик. – М.: Захаров, 2005. – 704 с.
- 2.100. *Пентковская В. В.* Роль В. И. Ленина в образовании СССР // Вопросы истории. – 1956. – № 3. – С. 13–24.
- 2.101. Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчёт губисполкома за 1922–1923 хозяйственный год. – Пермь: Издание губисполкома, 1923. – 27 с.
- 2.102. *Песикина П. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность 1917–1918 гг. – М.: Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), 1950. – 154 с.
- 2.103. *Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. – 283 с.
- 2.104. Политика Советского государства по национальным делам за три года (1917–1920). – М.: Госиздат, 1920. – 185 с.
- 2.105. *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания Гражданской войны. Территория и население. – М.: Наука, 1986. – 270 с.
- 2.106. *Пономарёв С. И.* Проблема автономии коми-пермяцкого народа и её разрешение // Наш край: Сб. статей. – Кудымкар, 1970. – Вып. 4. – С. 34–46.
- 2.107. *Пономарёв С. И.* Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и её роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. – 1970. – Т. 28. – С. 420–437.
- 2.108. *Попов Н. А.* Китайские пролетарии в Гражданской войне // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – С. 4–34.
- 2.109. *Псянчин А. В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнографии к переписи населения. – Уфа: Гилем, 2010. – 44 с.
- 2.110. *Пунегова Г. В.* Графическая система национального алфавита: из истории коми графики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10-2 (40). – С. 148–150.
- 2.111. *Рахмаев А.* Культурные достижения национальностей за 15 лет // Революция и национальности. – 1932. – № 4. – С. 96–99.
- 2.112. *Родневич Б.* Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР // Революция и национальности. – 1930. – № 2. – С. 12–21.
- 2.113. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей: Отчёт о деятельности, 1 ноября 1917 – 20 июня 1918. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 47 с.
- 2.114. *Рыхлевский К. С.* Национальная книга в СССР за 15 лет // Революция и национальности. – 1932. – № 2. – С. 84–95.
- 2.115. *Сайфутдинова Г. Б., Менеш А. Б., Шаронова А. А.* Особенности трансформации алфавита в СССР (на материалах Республики Татарстан) //

Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1. – С. 317–319.

2.116. *Сим Хон Ёнг*. К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века. Перепись населения 1926 года. [Электронный ресурс]. Lib.ru. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 24.02.2018).

2.117. Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. – М.: Редакционно-Издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «СОЮЗОРГУЧЁТ», 1937. – 27 с.

2.118. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – 686 с.

2.119. Совецание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальности. – 1936. – № 2. – С. 61–72.

2.120. *Соскин В. Л.* Национально-культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века / отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. – 350 с.

2.121. Состав комитета нового алфавита // Революция и национальности. – 1936. – № 6. – С. 25–38.

2.122. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с.

2.123. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: из истории национально-государственного строительства, 1822–1941 гг.: сборник документов. – Тюмень: Управление по делам архивов администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории, 1994. – 318 с.

2.124. *Суслов А. Б.* Спецконтингент в Пермской области в 1929–1953 гг. – М.: РОССПЭН, 2010. – 424 с.

2.125. *Тишков В. А.* Антропология российских трансформаций // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 3–18.

2.126. *Тишков В. А.* От общественного восприятия – к общественному сознанию // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 432 с.

2.127. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – 530 с.

2.128. Торжество ленинской национальной политики, научная сессия. Тезисы докладов и сообщений. В 4-х т. – Чебоксары: Отделение истории АН СССР. Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1970.

2.129. Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 496 с.

2.130. Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 1998. – 325 с.

2.131. *Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья. – Л.: Издательство АН СССР, 1926. – 42 с.

- 2.132. *Филиппов Р. В.* Советская теория этноса. Историографический очерк. – М.: Институт Африки РАН, 2010. – 185 с.
- 2.133. Финно-угорские народы 2011 – Финно-угорские народы России: генезис и развитие: учеб. пособие / под ред. В. А. Юрченкова. – Саранск: АФУН РФ, НИИГН при Правительстве РМ, 2011. – 224 с.
- 2.134. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.
- 2.135. *Хайдаров Ш., Черных А. В.* Таджики Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2017. – 64 с.
- 2.136. *Хасанкаев С.* Национальная политика Октября и просвещение нацмен // Просвещение на Урале. – 1927. – № 2. – С. 10.
- 2.137. *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артёмова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
- 2.138. *Чагин Г. Н.* Манси Северного Урала: хозяйство, мировоззрение, связи с другими народами в первой трети XX века // Вестник Пермского университета. История. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 144–150.
- 2.139. *Чагин Г. Н.* Самоопределение уральских марийцев на рубеже 1910-х – 1920-х гг. как пример решения национально-государственного строительства в регионах // Российская государственность: Ист. динамика: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2001. – С. 238–242.
- 2.140. *Чагин Г. Н.* Коми-язьвинцы Пермского края. – Пермь: Типография купца Тарасова, 2012. – 75 с.
- 2.141. *Чагин Г. Н.* Пермский край на перекрёстках истории и культуры. – Пермь: Прикамский социальный институт, 2010. – 229 с.
- 2.142. *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. – Пермь: Пермский государственный университет. – 364 с.
- 2.143. *Чагин Г. Н., Черных А. В.* Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. – Пермь: Типография купца Тарасова, 2002. – 303 с.
- 2.144. *Чеботарёва В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. – М.: ГУ «Московский дом национальностей», 2008. – 832 с.
- 2.145. *Чеботарёва В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 852 с.
- 2.146. *Черных А. В.* Народы Пермского края. История и этнография. – Пермь: Пушка, 2007. – 296 с.
- 2.147. *Черных А. В.* Пермские цыгане [Электронный ресурс]. Цыгане России. URL: <http://gypsy-life.net/history35.htm> (дата обращения: 25.10.2017).
- 2.148. *Черных А. В., Голева Т. Г.* Коми-пермяки Перми: история и культура. – СПб.: Маматов, 2016. – 64 с.
- 2.149. *Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А.* Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: Маматов, 2010. – 244 с.
- 2.150. *Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И.* Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. – Пермь: От и До, 2014. – 530 с.
- 2.151. *Черных А. В., Каменских М. С.* Народы Перми: история и культура:

исследовательский и издательский проект // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2018. – № 2. – С. 68–75.

2.152. *Черных А. В., Каменских М. С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: Маматов, 2014. – 240 с.

2.153. *Чугаев Д. А.* Образование Союза ССР (Историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. – 1962. – № 6. – С. 173–182.

2.154. *Чугаев М. А.* К вопросу об образовании Коми-пермяцкого национального округа // Учёные записки Пермского университета. – 1965. – № 133. – С. 115–125.

2.155. *Чугаев М. А.* Первый коми-пермяцкий окружной съезд советов // Наш край. – 1966. – № 2. – С. 21–25.

2.156. Об участии интернациональных отрядов в Гражданской войне на Урале // Труды Свердловского областного краеведческого музея. – 1962. – № 2. – С. 3–15.

2.157. *Шаститко П. М.* Обречённые догмы: большевики и национальный вопрос / под ред. Л. А. Рощина; РАН, Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2002. – 272 с.

2.158. *Шерстобитов В. П.* Советский народ – монолитная общность строителей коммунизма. – М.: Мысль, 1976. – 183 с.

2.159. Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац (Вместо отчёта). – М.: Отдел Печати и Информации Н. К. Н., 1924. – 228 с.

2.160. *Ширер Дэвид Р.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953. – М.: РОССПЭН, 2014. – 544 с.

2.161. *Штудер Б., Уифрид Б.* Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 247 с.

2.162. Этнический мир Прикамья: библиогр. указ. / сост. Т. И. Быстрых. – Пермь: Реал, 2003. – 492 с.

2.163. Этничность и власть в полиэтничных государствах / под ред. В. А. Тишкова. – М.: Наука, 1994. – 315 с.

2.164. *Юшунев Н.* Национальный пролетариат Урала // Революция и национальности. – 1930. – № 2. – С. 91–95.

2.165. *Якубовская С. И.* Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936 гг. – М.: Наука, 1972. – 226 с.

2.166. *Якубовская С. И.* Объединительное движение за образование СССР (1917–1922). – М.: Госполитиздат, 1947. – 200 с.

3. Диссертации и авторефераты

3.1. *Ахмадуллин В. А.* Политика Советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2002. – 26 с.

3.2. *Кайкова О. К.* Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы нацио-

нальных меньшинств в 1920–1941 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2007. – 246 с.

3.3. *Копосова Н. П.* Национально-государственное строительство в первые годы советской власти, 1917–1922 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2000. – 220 с.

3.4. *Латытов Р. Т.* Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2001. – 250 с.

3.5. *Матвеева Л. Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье: 1917–1936 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.09. – М., 2007. – 363 с.

3.6. *Мосунова Т. Г.* Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926–1937 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Свердловск, 1988. – 187 с.

3.7. *Пашкова И. А.* Отечественная историография национально-государственного строительства на Урале в 1917 – середине 30-х гг. XX века: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 1993.

3.8. *Павлова О. В.* Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2004. – 303 с.

3.9. *Шалыгин А. А.* Национальная политика Советского государства в 1917–1928 гг. и её реализация в Саратовской губернии: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЮРО НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ПРИ ПЕРМСКОМ ГУБКОМЕ В ПЕРИОД С 1918 ПО 1924 ГОД	29
1.1. Бюро национальных меньшинств и отдел Наркомнаца	33
1.1.1. Комиссариат по мусульманским делам и Губернское бюро татар и башкир в Прикамье в 1918–1921 годах	35
1.1.2. Пермская секция	41
1.1.3. Удмуртская (Вотская) секция	42
1.1.4. Украинская секция	43
1.1.5. Пермский отдел Центрального комиссариата по еврейским делам (Пермский евком).....	46
1.1.6. Латышская секция и клуб «Циня»	52
1.1.7. Эстонская секция	56
1.1.8. Польская секция	58
1.1.9. Корейско-китайская секция	60
1.1.10. Общественное движение марийцев	65
1.1.11. Прочие народы	68
Глава 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРИКАМСКИХ ОКРУГАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ	71
2.1. Национальная политика Прикамья в составе Уральской области	73
2.2. Политика в отношении башкирского и татарского населения Прикамья в 1920-е годы	77
2.3. Районирование и национально-государственное строительство на Урале	85
2.3.1. Прикамье в составе Уральской области	85
2.3.2. Установление границ между Уральской областью и Башкирской АССР	90
2.3.3. Дискуссии о самоопределении пермяков. Создание Коми-Пермяцкого округа	101
2.3.3.1. Сентябрь 1918 – декабрь 1921 года	103
2.3.3.2. Январь – декабрь 1922 года	114
2.3.3.3. Январь 1923 – апрель 1924 года	118
2.3.3.4. Апрель 1924 – февраль 1925 года. Создание Коми-Пермяцкого округа	120
2.3.4. Уральская область и Удмуртская АССР	123
2.4. Общесоюзные кампании с участием национальных меньшинств: переписи населения, «национальное образование», коллективизация и кооперация, переселенческие кампании	125
2.4.1. Учёт этнического состава населения и проведение Всесоюзных переписей населения 1920-х годов в Прикамье	125
2.4.2. Политика в сфере образования национальных меньшинств	132
2.4.3. Вовлечение национальных меньшинств в организацию социалистических форм хозяйства	140
2.4.4. Переселенческие кампании и этнический состав населения Прикамья в конце 1920-х годов	144
Глава 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПРИКАМЬЕ В 1930-е ГОДЫ	149
3.1. Курс на унификацию в национальной политике: оценки историографии	150
3.2. Учёт населения в 1930-е годы	156
3.3. Политика в отношении цыган	160
3.4. Политика коренизации и перехода на новый алфавит.....	168
3.4.1. Внедрение нового тюркского алфавита в Прикамье.....	170
3.4.2. Коренизация аппарата и «комизация» в Коми-Пермяцком округе	173
3.5. Этнически мотивированные репрессии в Прикамье во второй половине 1930-х годов	179
Заключение	196
Список источников и литературы.....	200

Научное издание

Михаил Сергеевич Каменских

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В ПРИКАМЬЕ В 1918–1930 ГОДАХ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Координатор проекта *Г. Ю. Цыганкова*

Вёрстка *Л. В. Черных*

Корректор *И. И. Плотникова*

Издательство «Маматов»
190068, г. Санкт-Петербург, Вознесенский пр., 55а,
www.mamатов.ru

Подписано в печать 30.12.2019. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.



Бойцы китайского батальона
РККА. Пермская губерния. 1918 г.
ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 2 Р.
Д. 98. Л. 10



Добровольцы одного из венгерских
красноармейских батальонов.
Пермская губерния. 1918 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1Б.
Д. 76. Л. 1



Бойцы китайского батальона
РККА. Пермская губерния.
1918 г. ПермГАСПИ. Ф. 90.
Оп. 2 Р. Д. 98. Л. 10-2

Добровольцы татаро-башкирского
красногвардейского отряда.
Пермская губерния. 1918 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1Б. Д. 66. Л. 1





Карта Сарапульского
округа Уральской
области. 1923 г.
Управление по делам
архивов г. Сарапула.
Ф. Р-211. Оп. 1.
Д. 100. Л. 111

Участники первого
Всероссийского
национального
съезда вотяков.
Сарапул. 1918 г.
Управление по делам
архивов г. Сарапула.
Ф. Р-750. Оп. 1.
Д. 8023



Участники первого
съезда национальных
меньшинств
Сарапульского уезда
в городе Сарапуле.
Управление по делам
архивов г. Сарапула.
Ф. Р-750. Оп. 1.
Д. 14616



Делегаты
конференции
женщин-мусульманок
Пермского округа
Уральской области.
г. Лысьва. 1925 г.
ПермГАСПИ.
Ф. 8043. Оп. 1В.
Д. 3. Л. 1

Участницы первой
Пермской губернской
конференции
беспартийных
женщин Востока.
г. Пермь. 25 января 1921 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043.
Оп. 1В. Д. 137. Л. 1



Заведующий
агитационно-
пропагандистским
отделом Пермского
губкома РКП(б)
А. Л. Борчанинов
среди участниц второй
Пермской губернской
конференции
беспартийных женщин
Востока. г. Пермь.
25 мая 1921 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043.
Оп. 1В. Д. 138. Л. 1



Делегаты первой
Пермской губернской
конференции татаро-
башкирской молодёжи.
г. Пермь. 1919 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043.
Оп. 2Б. Д. 26. Л. 1

Объявление о проведении собрания
представителей татаро-башкирского
населения Кизеловской волости
Усольского уезда Пермской губернии,
выполненное арабской вязью.
17 июня 1920 г. ПермГАСПИ.
Ф. 61. Оп. 3. Д. 88. Л. 83

ایڭلادن 83
۱۸ اییوندا ۱۹۲۰ یله
کوندز ساعت ۱۲ د
بولسا بان توی
بیلیتار صاتو لا ۱۷ اییوندا
ساعت ۳ د کیزیل
صاتند - بیلیت له تحقی
۳۰ صومده د ۱۲۰ صومده قدر
مه سئول مدیر علیخان سیرین
۱۷/۶/۱۹۲۰

«польза на многополье», «да здравствует к
культура»
«сабан-туя» должны быть сделаны
кратце о значении многополья, кооперации
ры используя для этого местных агроно
в и работников просвещения. -

пропом Окромья

р Тат/баш. Бюро

Шамсеев

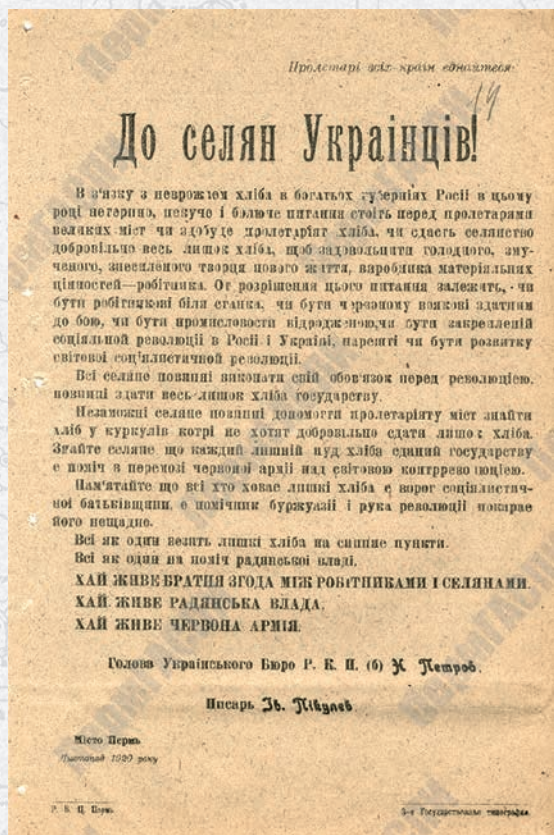
Подпись секретаря
Татбашбюро
Шамсеева. 1924 г.
ПермГАСПИ.
Ф. 2. Оп. 1. Д. 236.
Л. 187 об.

Афиша с объявлением на татарском языке о продаже товаров через предприятия государственной торговли, напечатанная по распоряжению Уральского облисполкома для районов Уральской области с преимущественно татарским населением. 1928 г. ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 11. Д. 82. Л. 19

[illegible][illegible]



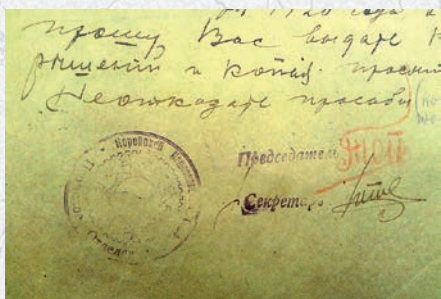
Члени Українського
бюро при Пермском
губкоме РКП(б).
г. Пермь. 1920 г.
ПермГАСПИ.
Ф. 8043. Оп. 1Б.
Д. 118. Л. 1



Листовка на українском
языке, выпущенная
Украинским бюро при
Пермском губкоме
РКП(б). 1920 г.
ПермГАСПИ. Ф. 557.
Оп. 2. Д. 282. Л. 15



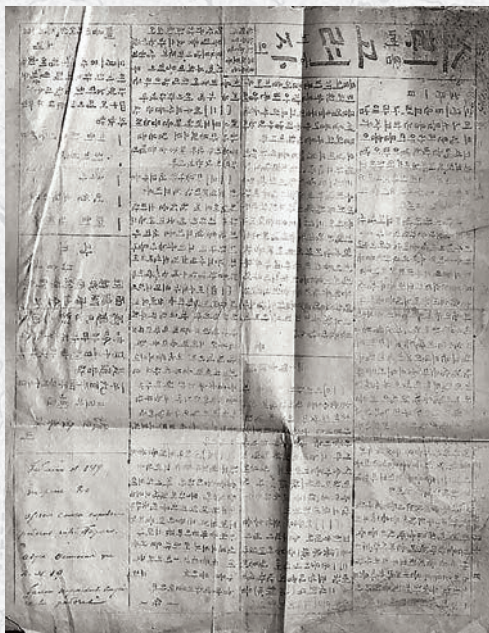
Удостоверение
красногвардейца
Му Хин Сана. 1930 г.
ПермГАСПИ.
Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8621.
Л. 83



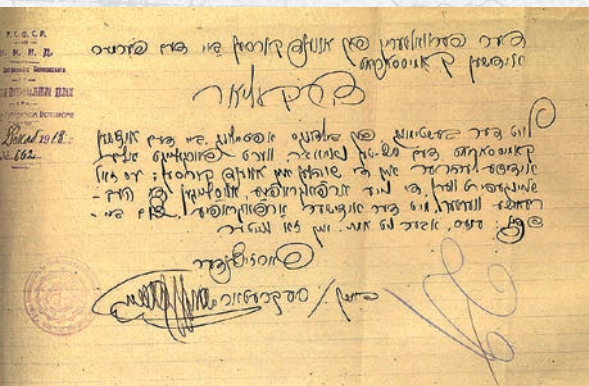
Печать пермского отделения корейского
национального союза. 1920 г.
ПермГАСПИ. Ф. 577. Оп. 1. Д. 104. Л. 39



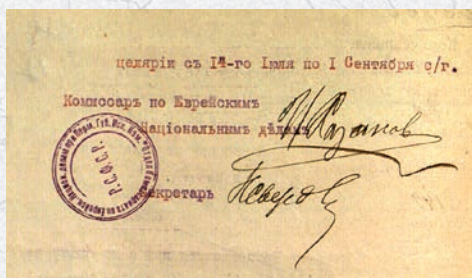
Вид на жительство, выданный
китайцу Лю Дочену. 1931 г.
ПермГАСПИ. Ф. 641/1.
Оп. 1. Д. 8864. Л. 192



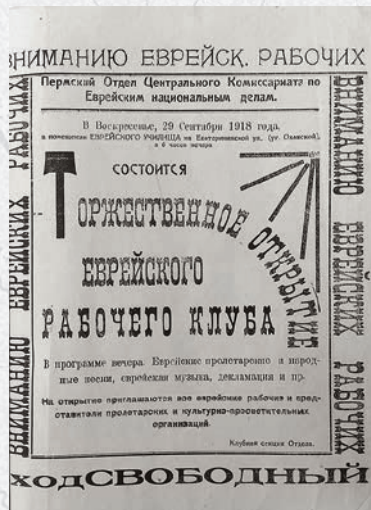
Выпуск газеты
«Голос пермских
корейских рабочих».
г. Пермь, 1920 г. ГАПК.
Ф. 484. Оп. 2. Д. 322



Письмо на идише Пермского
отделения Еврейского
комисариата
по национальным делам.
ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1.
Д. 8. Л. 20



Печать Пермского отделения
Еврейского комисариата
по национальным делам
с подписью комиссара Хазанова.
ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1.
Д. 8. Л. 17 об.



Объявление об открытии
Еврейского рабочего клуба
в г. Перми. ГАПК. Ф. Р-945.
Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

Комната Еврейского
рабочего клуба
«III Интернационал».
г. Пермь. Декабрь 1918 г.
Из книги: Wilton R. Le complot
Germano-Bolchévisteraconté par
les documents Illustré de plus
ieurs photographies inédites.
Paris, 1921. P. 302



Переп. Отдел № Инструкт. участок № Счетный участок №

Личный листок №

Республика губерния (область)

уезд (округ, нитон)

Для сельских местностей: волость (район)

сельсовет населенный пункт (село, деревня, хутор и т.д.)

№ поселенной векомости

Для городских поселений: Город отд. мнл.

строительный квартал № проезда (ул., пер., площадь)

№ дома № квартиры № семейной карты

1. Фамилия, имя, отчество

2. Пол (мужской, женский)

3. Возраст. Сколько минуло от роду лет, для детей моложе года мес.

Народность

4. Для иностранцев: какого государства подданый

5. Родной язык

6. Где родился: здесь или нет если не здесь, то где:

губерния уезд

волость или город

7. Сколько времени восточно живет здесь: лет или ме-

сяцев или временно

8. Семейное состояние (холост, двенадцать, женат, замужен, вдов (а); разведен (а))

9. Грамотность. На каких языках читает и пишет

или вовсе неграмотен

или только читает

или вовсе неграмотен



Переписной лист участника
Всесоюзной переписи населения
1926 г. ГАРФ. Ф. Р-1235.
Оп. 104. Д. 720. Л. 6

Переселенцы в украинских
национальных костюмах.
Конец 1920-х гг.
ГАСО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 54



Ф. Г. Тараканов с коллективом
окружного земельного
управления (2-й ряд, 6-й слева).
1928 г. КПОГА. Ф. 29. Оп. 1.
Д. 200. Л. 1



Семья чувашей-переселенцев
Ларионовых. с. Большие Кусты
Куединского района. 1933 г.
Личный архив



Сотрудник парткома Камского целлюлозно-бумажного комбината рассказывает рабочим предприятия о национально-государственном устройстве СССР и сущности советской национальной политики на занятии по политическому просвещению. г. Краснокамск. 1936 г. ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1И. Д. 341. Л. 1



Печать сельско-хозяйственной артели «Нацмен». Сарапульский район. 1937 г. Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 970. Л. 171



Михаил Шамилевич Тойбахтин, счетовод колхоза «Виан-Марий» Каракулинского района. 1938 г. Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 5706

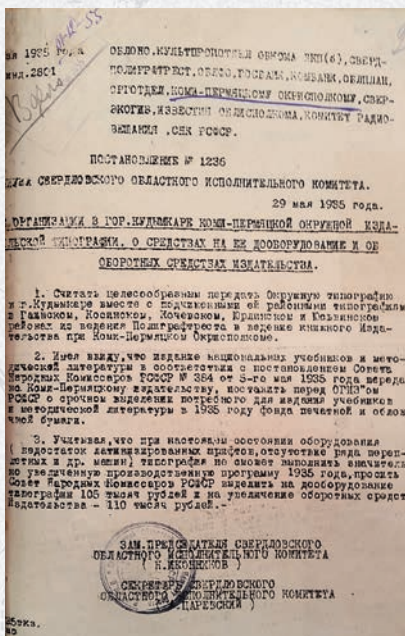
Сотрудники и дети детского сада № 1 в национальных костюмах народов СССР, г. Сарапул. 1929 г. Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 4290



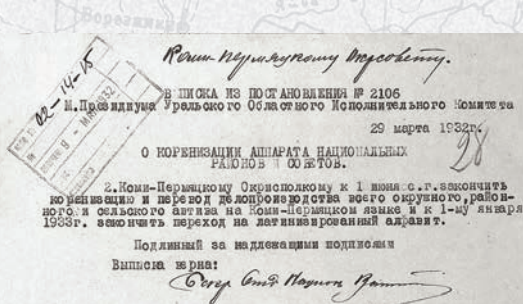


Первый выпуск Кудымкарского педтехникума 1927–1930-х гг.
г. Кудымкар. 1930 г. КПОГА.
Ф. 303. Оп. 1. Д. 28. Л. 1

Постановление президиума
Свердловского облисполкома
об учреждении в г. Кудымкаре
окружной издательской
типографии. 1935 г. КПОГА.
Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 312. Л. 90



Здание дëминского Дома культуры. Дом культуры расположен в старой церкви, где с 1929 года была избачитальня. 1968 г. КПОГА.
Ф. 265. Оп. 1. Д. 207. Л. 1



Выписка из протокола
постановления Малого президиума
Уралоблисполкома о коренизации
аппарата в Коми-Пермяцком округе.
1932 г. КПОГА. Ф. Р-20.
Оп. 1. Д. 232. Л. 28

li, Ji i Ss ss(f), bb bb u

КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 232. Л. 37

Д. 294. Л. 136

Окрлит № 117 г. Кудымкар, Заказ № 679 Тираж 86

Повестка орфографической
конференции в г. Кудымкаре
от 25.06.1933 г. КПОГА.
Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 136 об.

Страница газеты «По ленинскому пути» за 5 февраля 1932 г.
КПОГА. Ф. Р-45. Оп. 1. Дело пополненного хранения редакции
газеты «По ленинскому пути». Л. 37



Украинские спецпоселенцы в Прикамье. 1930-е гг.
Семейный архив Коломиец



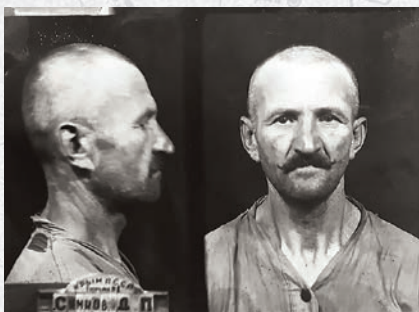
Лесозаготовители-спецпоселенцы из Белорусской ССР. Пос. Булатово
Чердынского района. Середина 1930-х гг. Семейный архив



Бывший боец 102-й танковой колонны, осетин Харитон Михайлович Султанов. 1940-е гг. Выслан в Пермскую область за нахождение в плену в годы войны. ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14839



Пётр Ма-Кун-Сян, китаец. Кочегар ТЭЦ Первого калийного рудника. г. Соликамск. 1937 г. В 1938 году расстрелян по обвинению в контрреволюционной и шпионской деятельности. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 32515 д/с



Пётр Тихонович Симков, болгарин. В 1938 году осуждён на 10 лет лагерей за антисоветскую агитацию. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28314



Василий Васильевич Миронов (Ким), кореец, оставшийся в Перми после Русско-японской войны. г. Пермь, 1937 г. В 1938 году расстрелян по обвинению в контрреволюционной и шпионской деятельности. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30269